

ЗМЕСТ

ІМЁНЫ Ё ГІСТОРЫІ УНІВЕРСІТЭТА

Яноўскі А.А., Зельскі А.Г. Иван Фядотаўіч Ермакоў.....	3
--	---

ГІСТОРЫЯ

Маховская И.С. Роль и место повивальной бабки в восточнославянских обрядах социализации новорожденного	10
Сосна У.А. Сялянства і грамадска-палітычная барацьба на Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.	14
Шимукович С. Ф. Трудовая помощь как вид благотворительной деятельности на Беларуси (конец XIX – начало XX в.)	17
Яровой В.И. Великая французская революция и крестьянское движение в Украине	22
Захарчук О.Н. Роль и место силового фактора во внешней политике Наполеона Бонапарта	25

ФІЛАСОФІЯ

Воробьева С.В. Проблема философской аргументации в теории коммуникации Э.Левинаса	30
Семенова В.Н. Критика субъекта и проблема подлинного человеческого существования в «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера	34
Садовская Л.Б. Проблема соборности в философии Вяч. Иванова	38

ПАЛІТАЛОГІЯ

Паречина С.Г. Становление и развитие института президентства	43
Мельников А.П. Государство в современном мире: становление, развитие, функции.....	48

САЦЫЯЛОГІЯ

Кечина Е.А. Статистика: структура, специфические черты и место в системе социальных наук	53
--	----

ЭКАНОМІКА

Боровская Е.А. Распределение прав собственности на интеллектуальный продукт как фактор развития инновационного процесса	57
Клюня В.Л. Продовольственная безопасность: сущность, факторы, обеспечение	61
Клак С.Т. Профессиональное образование как императив экономического роста	65
Раковец А.А. Состояние и проблемы развития денежно-кредитного механизма регулирования экономики Республики Беларусь	68

ПРАВА

Бабий Н.А. Регламентация необходимой обороны и задержания преступника в проекте УК РБ	77
Томашевский К. Л. Актуальные вопросы изменения трудового договора	81

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ І СУЧАСНАСЦЬ (публікацыі і пераклады)

Из архивов периода Великой Отечественной войны	86
--	----

НАШЫ ЮБІЛАРЫ

Александр Семенович Клевченя	91
Петр Иванович Бригадин	92
Сергей Васильевич Решетников	93

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

Сцяпан Яфімавіч Янчанка	94
-------------------------------	----

РЭЦЭНЗІІ

Мигас Б.Я. Г.А.Круглова. Политология: Учебное пособие для высших учебных заведений	95
Марціновіч І.І. В.А.Круталевіч, І.А.Юхо. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.)	95

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
Адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3'99

ЛІСТАПАД

МІНСК
"УНІВЕРСІТЭЦКАЕ"

Галоўны рэдактар В.Р. РУДЗЬ

Рэдакцыйная калегія серыі:

П.І.БРЫГАДЗІН (адказны рэдактар),
В.М. ГАДУНОЎ, А.І.ЗЕЛЯНКОЎ (нам. адказнага рэдактара),
Ю.Л. КАЗАКОЎ (адказны сакратар), У.Л. КЛЮНЯ, Г.М. КУЧЫНСКІ,
С.В. РАШЭТНІКАЎ, У.М.ХОМІЧ, А.В. ШАРАПА, А.А. ЯНОЎСКІ

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Регистрационный № 805.

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3, № 3, 1999.

Издательство "Універсітэцкае".

220048, Минск, пр.Машерова, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 220-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А.А. Сычоў

Мастацкі рэдактар Дз.Я. Дзівін

Тэхнічны рэдактар і карэктар Г.І. Хмарун

Набор і верстка выкананы ў рэдакцыі часопіса Л.І. Вінакуравай і Ю.І. Дзянісавым

Падпісана да друку 22.12.99. Формат 70х108 1/16. Папера афс. Друк афсет. Ум. друк.
арк. 8,4. Ум. фарб.-адб. 8,84. Ул.-выд. арк. 9,87. Тыраж 500 экз. Заказ 889. Цана 100000р.

Надрукавана з гатовых дыяпазітываў заказчыка ў Выдавецкім цэнтры БДУ
220030, Мінск, вул.Чырвонаармейская, 8.

© Веснік БДУ, 1999

Імёны ў гісторыі універсітэта

А.А.ЯНОЎСКИ, А.Г.ЗЕЛЬСКИ

ІВАН ФЯДОТАВІЧ ЕРМАКОЎ

Пачатак 30-х гг. аказаўся для Беларускага дзяржаўнага універсітэта часам вялікіх перамен. Менялася не толькі структура універсітэта, мянялася ўсё універсітэцкае жыццё. Адыходзілі ў нябыт традыцыі 20-х гг. з іх пасяджэннямі студэнтаў і прафесараў, агульнымі сходамі, выбарнасцю рэктараў, удзелам студэнцкіх арганізацый у кіраванні універсітэтам. Цяпер усё пачынала падпарадкоўвацца камандзе, загаду. Да кіраўніцтва універсітэтам прыходзілі новыя людзі. Часта яны не зусім адпавядалі гэтай пасадзе, самі разумелі гэта, але не падначальвацца загаду вышэйшага партыйнага кіраўніцтва было не толькі нельга, але і небяспечна. Вось у такіх умовах пачаў сваю дзейнасць новы рэктар БДУ Іван Фядотавіч Ермакоў.

Нарадзіўся Іван Фядотавіч 24 лютага 1892 г. у вёсцы Пруднікава Гарадзискага павета Віцебскай губерні ў сям'і селяніна-сярэдняка. Нам вядомы толькі асобныя эпізоды біяграфіі І.Ф.Ермакова са скупых радкоў яго крымінальнай справы з архіву КДБ. Там запісана, што І.Ф.Ермакоў меў сярэднюю педагагічную адукацыю: да рэвалюцыі 1917 г. настаўнічаў¹. Верагодна, Іван Фядотавіч скончыў настаўніцкую семінарыю. Вучыцца ён мог хутчэй за ўсё ў 1908–1912 гг. у Полацкай настаўніцкай семінарыі, куды прыымаліся асобы ўсіх саслоўяў, не маладзей 16 гадоў, якія скончылі народныя пачатковыя вучылішчы². Невядома, ці ўдзельнічаў І.Ф.Ермакоў у першай сусветнай вайне. Вядома толькі, што ў 1918 годзе ён уступіў у ВКП(б). У час грамадзянскай вайны па першай партыйнай мабілізацыі быў накіраваны на Ўсходні фронт. Пасля ўдзельнічаў у баях і на Паўднёвым фронце³. Пасля грамадзянскай вайны і дэмабілізацыі І.Ф.Ермакоў працуе ў розных партыйных і савецкіх установах. На Віцебшчыну ён вяртаецца ў 1925 г., амаль адразу пасля далучэння гэтай часткі губерні да БССР. Або ў гэты час, або раней, падчас партыйных «чыстак» ён быў выключаны з партыі, але пасля адноўлены. У 1926 г. І.Ф.Ермакова накіравалі ў г.Мазыр на пасаду загадчыка акруговага аддзела народнай асветы. Вялікую дапамогу тут аказвае яму інспектар школ Народнага камісарыята асветы Беларусі А.Аніхоўскі (дарэчы, выпускнік Беларускага дзяржаўнага універсітэта). І.Ф.Ермакоў актыўна ўключыўся ў працу па беларусізацыі школ і іншых устаноў. Як пісаў сам Іван Фядотавіч пра той час, «усё было прапітана любоўю да ўсяго беларускага». Па яго запрашэнні Мазыр наведаў Беларускі дзяржаўны вандроўны тэатр пад кіраўніцтвам знакамітага У.І.Галубка⁴.

Плэнная дзейнасць І.Ф.Ермакова была ўзнагароджана пучёўкай у Крым, у дом адпачынку працаўнікоў народнай асветы. Там ён пазнаёміўся з тагачасным наркамам асветы БССР А.В.Баліцкім. У 1928 г. па прапанове А.В.Баліцкага І.Ф.Ермакова прызначылі загадчыкам Мінскага акруговага аддзела народнай асветы. На гэтай пасадзе ён дбаў пра адкрыццё новых школ, хат-чыталень, дамагаўся таго, каб беларускія дзеці вучыліся ў беларускіх школах, яўрэйскія – у яўрэйскіх, польскія – у польскіх, рускія – у рускіх. Клапаціўся І.Ф.Ермакоў і аб настаўніцкіх кадрах, звяртаючы ўвагу перш

за ўсё на іх прафесійныя якасці, а не на сацыяльнае паходжанне. У той час гэта было нармальна, пасля – будзе інакш вытлумачана органамі НКУС⁵.

У ліпені 1930 г. Мінская акруга была ліквідавана і адпаведна скасавана пасада І.Ф.Ермакова. У гэты ж час па сфабрыкаванай ДПУ БССР справе так званага «Саюза вызвалення Беларусі» ішлі масавыя арышты. Быў арыштаваны і А.В.Баліцкі. Новы наркам асветы Беларусі А.М.Платун прапанаваў СНК БССР прызначыць І.Ф.Ермакова дырэктарам ствараемага аграпедагагічнага інстытута (сёння – Гомельскі ўніверсітэт імя Ф.Скарыны). Інстытут у гэты час меў два адзяленні – фізіка-матэматычнае і хіміка-біялагічнае з тэрмінамі навучання два гады. На новага дырэктара (рэктара) лёг увесь цяжар арганізацыйнай работы: падбор адпаведных памяшканняў, збіранне штату выкладчыкаў, набор студэнтаў і г.д.

Аграпедагагічны інстытут двойчы наведваў наркам асветы А.М.Платун. Падчас апошняга наведвання ў лістападзе 1931 г. ён прапанаваў І.Ф.Ермакову пераехаць у Мінск і заняць пасаду рэктара (дырэктара) Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Іван Фядотавіч адмовіўся, спасылаючыся на тое, што ён па адукацыі сельскі настаўнік, у ВНУ ніколі не выкладаў, займаўся толькі адміністрацыйнай справай. Аднак тады на падобныя пярэчэнні ніхто не звяртаў увагі. У гэты час ў савецкай краіне адчыняліся сотні новых інстытутаў, шмат хто з высокакваліфікаваных навукоўцаў паехаў (зразумела, не па сваім жаданні) будаваць Беламоўнішчэ і гэтыя дэпартаваныя. Адчуваўся вялікі недахоп навуковых кадраў. Таму ўчарашніх студэнтаў маглі прызначыць дырэктарамі тэхнікумаў, інстытутаў, намеснікамі дырэктараў НДІ, цесляра – дырэктарам вучылішча, настаўніка – загадчыкам кафедры біяфізікі⁶.

Згодна пастанове калегіі Наркамата асветы БССР ад 16 лістапада 1931 г. І.Ф.Ермакоў з 1 снежня прызначаўся рэктарам БДУ⁷. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у гэты час структурна перабудаваўся пасля рэарганізацыі. З 1 жніўня 1931 г., у адпаведнасці з пастановай СНК БССР ад 7 ліпеня, самастойнымі сталі інстытуты, створаныя з некаторых факультэтаў універсітэта: вышэйшы педінстытут – з двух аддзяленняў педфака, інстытут савецкага будаўніцтва і права – з факультэта савецкага будаўніцтва і права, планавэканамічны, фінансавы, кааператыўны інстытуты – з факультэта народнай гаспадаркі⁸. Яшчэ раней у самастойныя інстытуты ператварыліся медыцынскі і хіміка-тэхналагічны факультэты. Адпаведна скарацілася колькасць студэнтаў універсітэта. Калі ў кастрычніку 1930 г. у Беларускім дзяржаўным ўніверсітэце навучалася 1525 студэнтаў (без уліку рабфака), то ўлетку 1931 г. – толькі 341. У восеньскі набор было прынята яшчэ 94 чалавекі. На 2 снежня 1931 г. у БДУ налічвалася 436 студэнтаў⁹.

Згодна з пастановай СНК ад 7 ліпеня, у БДУ планавалася стварыць на базе застаўшыхся фізіка-тэхнічнага і прыродазнаўчага аддзяленняў педфака новыя факультэты: фізіка-матэматычны, біялагічны, хімічны і геаграфічны з тэрмінам навучання тры гады, для падрыхтоўкі выкладчыкаў школ, і паўтара-два гады дадаткова – для выкладчыкаў і навукоўцаў ВНУ. Аднак да пачатку восеньскага набору ўдалося стварыць толькі фізіка-матэматычны і хімічны факультэты з беларускімі і яўрэйскімі секцыямі. Крыху пазней пачаўся набор на біялагічны факультэт. У Беларускім дзяржаўным ўніверсітэце было дзевяць кафедр, два кабінеты і музей заалогіі¹⁰.

У гэты час Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт працаваў у рэжыме бесперапыннага навучальнага года. Прыём студэнтаў адбываўся восенню і ўзімку. У адпаведнасці з агульнасаюзнымі пастановамі экзамены былі адменены: пасляховасць студэнтаў вызначалася «на аснове сістэматычнага і працяглага назірання за студэнтамі з боку кіраўніка заняткаў». У навучальнай рабоце панаваў так званы брыгадна-лабараторны метада, мэтаю якога ставілася падрыхтоўка «не спецыяліста-энцыклапедыста... а пралетарскіх спецыялістаў, добра ўзброеных тэорыяй рэвалюцыйнага бальшавізму»¹¹. Пры прыёме студэнтаў пераважаў «класавы падыход».

Першыя загады новага рэктара былі накіраваны на ўпарадкаванне памяшканняў для аўдыторый і інтэрнатаў. Справа ў тым, што пасля рэарга-

нізацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта усё гэта знаходзілася ў хаатычным стане. На тэрыторыі ўніверсітэцкага гарадка знаходзіліся новаствораныя інстытуты, якія займалі частку інтэрнатаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Новапабудаваныя ж інтэрнаты не мелі электраасвятлення і водаправода. З-за недахопу навучальных плошчаў даводзілася ўшчыльняць аўдыторыі. Дзеля ўмацавання дысцыпліны ў маі 1932 г. былі створаны «Правілы ўнутранага распарадку і нагрузкі студэнтаў». Яны вызначалі штодзённую колькасць гадзін на заняткі, самастойную і грамадскую работу, працягласць акадэмічнай гадзіны (50 хв.), перапынкаў. Забаранялася праводзіць сходзі і грамадскія мерапрыемствы ў навучальны час, знаходзіцца ў аўдыторыі ў верхняй вопратцы і калошах, курыць у памяшканнях. Дзеля паляпшэння побыту студэнтаў рэктарат хадайнічаў перад НКА аб выдзяленні інтэрнатам ўніверсітэта камплектаў пасцельных і сталовых рэчаў для новага набору студэнтаў: 1 красавіка 1932 г. у 60 чалавек і з 1 верасня ў 110 чалавек, а таксама для ранейшых 435 студэнтаў¹².

Асноўную ўвагу І.Ф.Ермакоў накіраваў на навучанне студэнтаў. Тут ён мог абапірацца на моцны педагогічны калектыў, які ня гледзячы на рэарганізацыю захаваўся ў БДУ. Тут працавалі прафесары Ц.Л.Бурстын, Я.К.Успенскі, М.Ф.Бліадуха, А.У.Фядзюшын, М.Ф.Ярмоленка, Я.П.Громэр, М.А.Прыляжаеў, І.С.Пятосін, Я.У.Рол і іншыя. Усяго ў гэты час у Беларускім дзяржаўным ўніверсітэце было 132 педагогі (значная частка працавала па сумяшчальніцтву); у тым ліку 13 прафесараў, 24 дацэнты, 23 асістэнты¹³.

Да вясны 1932 г. пачалі ўсё больш выразна выяўляцца хібы ў навучальным працэсе. У траўні ў загадзе І.Ф.Ермакова адзначаліся такія недахопы лабараторна-брыгаднага метаду, як неаднароднасць брыгад, зніжэнне ролі выкладчыка, неглыбокая прапрацоўка матэрыялу з-за недахопу падручнікаў, адсутнасць самастойнай працы студэнтаў і кантролю за кожным студэнтам. Дэкан біялагічнага, хімічнага, фізіка-матэматычнага факультэтаў паведамлялі аб перагрузцы студэнтаў, адсутнасці дыферэнцыяльнага падыходу да кожнай дысцыпліны, аб тым, што роля выкладчыка зведзена да рэпетытарства, а студэнты проста завучваюць параграфы. Дэкан фізмата Я.К.Успенскі на свой страх і рызыку працягваў выкладанне фізікі і матэматыкі на факультэце «звычайным, нармальным метадам». Рэктарат Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта збіраўся ўзяць за аснову вучэбных праграм для наступнага набору 1932 г. праграмы Маскоўскага і Ленінградскага ўніверсітэтаў. Нарада рэктарата БДУ разам з загадчыкамі кафедр 30 мая 1932 г. паставіла хадайнічаць аб увядзенні чатырохгадовага навучання, аб адпаведнасці вучэбных планаў дзённага і вчэрняга аддзяленняў¹⁴.

У канцы чэрвеня 1932 г. адбыўся ледзь не самы невялікі выпуск студэнтаў – 82 спецыялісты¹⁵. 16 ліпеня Наркамат асветы прыняў пастанову, якая павышала статус Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У прыватнасці, ўстаноўлівалася, што БДУ рыхтуе кваліфікаваныя кадры для НДІ, лабараторый, педагогічнай дзейнасці ў ВНУ, аспірантаў, вядзе навукова-даследчую работу; вызначыўся чатырохгадовы тэрмін навучання. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у той час складаўся з чатырох факультэтаў: фізіка-матэматычнага (з фізічным, матэматычным, механічным аддзяленнямі), біялагічнага (з батанічным, задалагічным, генетычным аддзяленнямі), хімічнага (з аддзяленнямі неарганічнай і арганічнай хіміі) і геалагічнага (з геалагічным і глебазнаўчым аддзяленнямі). Аднак замест апошняга факультэта на біяфаку адкрылася геалагічнае аддзяленне.

Пастановай ЦВК СССР «Аб навучальных праграмах і рэжыме ў вышэйшай школе і тэхнікумах» ад 19 верасня 1932 г. асуджаліся пастаянныя рэарганізацыі ў сферы асветы, якія стваралі становішча няўстойлівасці і няўпэўненасці, асуджаўся як заганны брыгадна-лабараторны метады выкладання¹⁶. 22 кастрычніка ў Беларускім дзяржаўным ўніверсітэце адбыўся агульны сход працаўнікоў і студэнтаў, які прыняў зварот да ўсіх ВНУ і тэхнікумаў рэспублікі хутчэй выконваць пастанову ЦВК. Згодна з планам, з 1932/1933 г.г. ўніверсітэт пераходзіў на уніфікаваны навучальны год. Вы-

значаўся час заліковых сесій, працягласць семестраў, канікул, абароны дыпломных работ. 31 кастрычніка 1932 г. уводзіўся шасцідзённы працоўны тыдзень, цвёрды пасеместравы расклад заняткаў, стыпендыі выдаваліся па пасляховасці. Адпаведна з гэтым ва ўніверсіцеце пачалі стварацца новыя праграмы і вучэбныя планы. Пад кіраўніцтвам рэктара была праведзена шырокая нарада, на якой былі абмеркаваны шляхі ажыццяўлення пастановы ЦБК¹⁷.

У 1932 г. узрасла колькасць студэнтаў. Увосень было прынята 286 чалавек, з іх 133 на вячэрняе аддзяленне. На 2 снежня на факультэтах і рабфаку займалася 816 студэнтаў¹⁸. Пры павілічэнні колькасці студэнтаў павысілася патрэбнасць на выкладчыцкія кадры. З-за іх недахопу значная частка выкладчыкаў працавала ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце па сумяшчальніцтву. Акрамя таго, не трэба забываць пра тыя палітычныя кампаніі, што праводзіліся тады ў СССР. Якраз у гэты час увадзілася пашпартная сістэма і цэлыя катэгорыі насельніцтва пазбаўляліся грамадзянскіх правоў, трапляючы ў так званыя «лішэнцы». Закранула гэта кампанія і Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Так, у выдачы пашпарта было адмоўлена прафесору А.У.Фядзюшыну. Тры месяцы рэктар І.Ф.Ермакоў і дэкан біяфака А.Дзярбенцаў клапаціліся, каб А.У.Фядзюшын атрымаў пашпарт. Усё ж скончылася тым, што апошні быў высланы з Беларусі ў Сібір¹⁹. Як сведчаць вынікі даследавання БДУ, праведзенага 24–30 красавіка 1933 г., ва ўніверсіцеце працавала 69 выкладчыкаў, з іх 10 прафесараў, 20 дацэнтаў, 39 асістэнтаў²⁰. У красавіку Беларускай дзяржаўнай універсітэту перажыў вялікую страту – на 54 годзе жыцця памёр прафесар фізмата Я.П.Громэр, працаваўшы некаторы час у Германіі разам з Эйнштэйнам. У маі ўніверсітэт атрымаў ліст А.Эйнштэйна, у якім ён выказваў спачуванне з нагоды смерці прафесара Я.П.Громера і прасіў азнаёміць яго з апошнімі працамі нябожчыка²¹.

Становішча з кадрамі ва ўніверсіцеце ўскладнялася тым, што па прапанове І.Ф.Ермакова на працягу 1932–1933 гг. паскорана ствараліся новыя кафедры: педагогікі і педагогіі (07.12.1931), марксізму-ленінізму (02.10.1931), механікі (26.02.1933), ваенная (03.1933). Планавалася ў 1933/1934 навучальным годзе адкрыць кафедры фізічнай і калоіднай хіміі, палітэканоміі²². Згодна пастанове СНК БССР ад 2 чэрвеня 1933 г., пры ўніверсітэце стваралася аспірантура на 13 месцаў²³. Былі і скарачэнні – 30 чэрвеня было закрыта геалагічнае аддзяленне ў сувязі са спыненнем дзейнасці Белгеаразведкі і перадачай геаработ па БССР Мосгеаразведцы²⁴.

Улетку 1933 г. зноў ускладнілася становішча з памяшканнямі для інтэрнатаў. Выдзеленыя гарсаветам будынкі, замест забраных ім жа, былі занятыя ўстановамі і сем'ямі. Недахоп плошчаў для пражывання прывёў да скарачэння паступаючых на рабфак²⁵.

13 чэрвеня быў аб'яўлены набор студэнтаў на тры факультэты Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – 225 чалавек і на два аддзяленні рабфака – 400, а таксама 13 чалавек у аспірантуру па спецыяльнасцях: фізіка, хімія, матэматыка²⁶. Аднак на пасяджэнні дэканаў і прадстаўнікоў партыйных і камсамольскіх арганізацый 3 жніўня 1933 г. адзначалася катастрофічнае становішча з прыёмам у БДУ. Заяў на асноўныя фкультэты было пададзена ўсяго 24, (у дадатак ад рабфаку – 58, з курсаў падрыхтоўкі ў БДУ – 47), у аспірантуру – 7. Рэктарат рашыў паслаць прадстаўнікоў універсітэта для вярбоўкі абітурыентаў у Маскву, Смаленск, Оршу, Магілёў, Горкі, Гомель і іншыя гарады Беларусі, папулярызаваць вучобу ва ўніверсітэце праз друк, у мэтах умацавання падрыхтоўкі да навучальнага года адмяніць водпускі дэканаў і іх намеснікаў. Наркамат асветы прапанаваў загадчыкам райана накіраваць на вучобу ў Беларускай дзяржаўнай універсітэт 30 школьных настаўнікаў²⁷. У выніку на пасяджэнні прыёмнай камісіі 27 жніўня ў БДУ было залічана 170 чалавек (фізфак – 82, хімфак – 60, біяфак – 28)²⁸. Агульная колькасць студэнтаў на 1 верасня 1933 г. склала 552 чалавекі. Прафесарска-выкладчыцкі састаў налічваў 47 чалавек, з іх 12 прафесараў, 18 дацэнтаў, 17 выкладчыкаў²⁹.

У канцы жніўня ці ў пачатку верасня І.Ф.Ермакоў быў вызвалены ад абавязкаў рэктара Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Што паслужыла прычынай: пралікі ў арганізацыі набору студэнтаў, ці тое, што яго непасрэдны кіраўнік А.М.Платун быў вызвалены ад пасады наркама асветы, ці недастатковы ўдзел у «чыстках», ці што яшчэ? Можна толькі здагадацца, бо загада наркамата асветы ў архівах пакуль не знойдзена.

У хуткім часе І.Ф. Ермакова выклікалі ў ЦК КП(б)Б, дзе яму паведамілі аб прызначэнні начальнікам палітаддзела Шклоўскай МТС. 15 лютага 1935 г. пасля ліквідацыі палітаддзелаў МТС ён прызначаецца сакратаром Шклоўскага райкама КП(б)Б. Сакратар ЦК КП(б)Б Д.І.Валковіч (выпускнік рабфака БДУ) даў ёму новаму кіраўніку раёна, што ён будзе атрымліваць мноства інструкцый і пастановаў цэнтральных устаноў, але ўсё іх неабходна выконваць беспярэчна. Ужо пасля, падчас допытаў у НКУС, І.Ф.Ермакоў заяўляў, што пасяўныя планы раёну даводзіліся завышанымі, бо ў раёне не было столькі зямлі, дзяржпастаўкі браліся з плану, а не з фактычнага пасеву, што біла па эканоміцы калгасаў і добрабыту калгаснікаў. Што ў залік нядоімкаў адбіраліся каровы, коні, прылады, вопратка, часам – апошняе. Ужо адных толькі пастановаў цэнтральных устаноў дастаткова было для таго, каб дэарганізаваць сельскую гаспадарку. Пасля вось такіх прызнанняў Іван Фядота-віч, нібы спахапіўшыся, дадасць, што ўсё гэтыя мерапрыемствы рабіліся па ўказаннях «нацфашысцкай арганізацыі»³⁰. І адсутнасць уліку наяўнасці кармавой базы пры арганізацыі ферм, і нізкая ўраджайнасць сельскагаспадарчых культур, і ліквідацыя хутароў і аднаасобнікаў – усё гэта было характэрна не толькі для Шклоўскага раёна, але і для ўсёй Беларусі. Праведзеная валявымі метадамі калектывізацыя сельскай гаспадаркі абярнулася таптаннем на месцы, застоём у тэмпах рэвіцыя.

У чэрвені 1937 г. І.Ф.Ермакова выклікалі ў Мінск. 22 чэрвеня, па прапанове тагачаснага старшыні СНК Д.І. Валковіча, І.Ф. Ермакова зацвердзілі намеснікам старшыні Дзяржплана БССР. Літаральна праз пяць дзён старшыня Дзяржплана Любавіч і два яго намеснікі былі арыштаваны. Д.І.Валковіч пры сустрэчы з Іванам Фядотавічам, верагодна, на нейкія пытанні апошняга, заўважыў, што «трэба працаваць, не трэба палохацца, і тут жа дадаў, што працаваць проста немагчыма: апарат наркаматаў у агоніі, калі ж спыняцца гэтыя арышты; так доўга працягвацца не можа»³¹. У той час большасць наркамаў ужо была арыштавана. У верасні 1937 г. і сам Д.І.Валковіч быў арыштаваны і 27 лістапада расстраляны.

Што зрабіў І.Ф.Ермакоў на сваёй новай пасадзе – невядома. Толькі ён так характэрызаваў той час: «Наступіла хваля поўнага адліву. Усе пахаваліся па сваіх норах. Ніхто нічога не ведаў, дзе хто...»³². Між тым і на І.Ф.Ермакова збіраўся «кампрамат». У партарганізацыю Дзяржплана ўжо 4 жніўня 1937 г. паступіў данос аднаго з былых работнікаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, а пасля загадчыка Мінскага гарана М.А.Правільшчыкава, у якім гаварылася што І.Ф.Ермакоў у часы працы ў БДУ «зажымал самокрытыку, засорял універсітэт класова-чуждымі элементамі, ворагамі народа»³³. У студзені 1938 г. адбыўся пленум Шклоўскага райкама КП(б)Б, на якім І.Ф. Ермакоў абвінавачваўся ў іншых «грахах» – «перагібах», «скрыўленні падаткавай палітыкі», «парушэннях рэвалюцыйнай законнасці», «правядзенні класава-варожай палітыкі». Пастанова бюро Шклоўскага райкама была перададзена ў Кагановіцкі райкам КП(б)Б г.Мінска³⁴. 11 жніўня 1938 г. І.Ф. Ермакова арыштавалі. Пры вобыску, акрамя розных дакументаў і перапіскі, быў канфіскаваны пісталет «Браўнінг» з патронамі – сапраўдная знаходка для следства! Раз ёсць пісталет – значыць тэрарыст! І.Ф. Ермакову інкрымінаваўся актыўны ўдзел у «нацфашысцкай арганізацыі»³⁵. Вельмі хутка Іван Фядота-віч «даў» патрэбныя паказанні з прызнаннем дзейнасці ў нацфашысцкай арганізацыі, прыёме на працу варожых элементаў, шавіністычнымых выхаванні студэнтаў, шкодніцтве ў сельскай гаспадарцы³⁶. Аднак «следству» гэтага было недастаткова. Патрабавалася назваць імёны «сапраўдных» палітычных ворагаў. І хутка І.Ф. Ермакоў вымушаны быў пачаць

абгаворваць і сябе, і іншых у планах звяржэння савецкай улады і ўсталявання на Беларусі буржуазнага ладу. Аднак тых, каго ён назваў, ужо не было ў жывых – А.Р. Чарвякоў, М.М.Галадзед, Я.Б. Гамарнік, Д.І. Валковіч, А.М. Платун... Ды і што гэта за «нацфашызм» – прызнанне ў незавершанасці будаўніцтва бані,тэатра, гасцініцы?!

На допыце 4 лістапада 1938 г. Іван Фядотавіч адмовіўся ад усіх ранейшых паказанняў, заявіўшы, што пад фізічным уздзеяннем ён абгаворваў і сябе і людзей³⁷. І на ўсіх далейшых допытах І.Ф. Ермакоў у прад'яўленых абвінавачваннях віноўным сябе не прызнаваў, цалкам адмаўляючы ўдзел у «нацфашысцкай арганізацыі». Так, сцвярджаў ён, былі памылкі, былі перагібы і недахопы ў рабоце, але яна ажыццяўлялася згодна з дырэктывамі партыі. 29 красавіка 1939 г. па сканчэнні следства І.Ф. Ермакоў, не прызнаючы сябе віноўным, піша заўвагі па матэрыялах следства (яшчэ раней ён напісаў скаргу на імя наркама ўнутраных спраў БССР аб збіцці яго ў час следства, пра абгаворы сябе і іншых)³⁸. Следства па «справе І.Ф. Ермакова» ўсё больш зацягвалася. У сакавіку 1939 г. справу перадалі ў ваенную пракуратуру, у чэрвені – у ваенны трыбунал. 15 лістапада 1939 г. справа была вернута ў НКУС на даследаванне. 29 снежня 1939 г. справа па абвінавачванні І.Ф. Ермакова ў антысавецкай і контррэвалюцыйнай дзейнасці была спыненая, а 30 снежня Іван Фядотавіч вызвалены пад падпіску аб нявыездзе³⁹. З турмы выйшаў чалавек з падарваным здароўем, пастарэўшым на некалькі год.

Чаму так адбылося? Магчыма, больш дакладны разгляд «справы Ермакова» і яго вызваленне звязана са зменамі ў апарате НКУС СССР і БССР? Менавіта тады, у 1938 г., былі арыштаваны як ворагі народа былы наркам НКУС СССР Яжоў, наркамы НКУС БССР Б.Д. Берман, А.А. Наседкін. На Беларусі з'явіўся стаўленік Берыі – Цанава. А можа адыграла ролю тое, што 17 верасня 1939 г. СССР уступіў у другую сусветную вайну і НКУС, рыхтуючыся да «ачысткі» занятых тэрыторый ад новых «ворагаў», не жадаў важдатца з не такой ужо істотнай «справой І.Ф. Ермакова?» Можна толькі здагадвацца...

Цяпер Івану Фядотавічу было прад'яўлена абвінавачванне ў злоўжыванні службовым становішчам, канфіскацыі ў сялян маёмасці за нявыплату імі дзяржпаставак і плаццяжоў, і незаконнае захаванне агнястрэльнай зброі – пісталета «Браўнінг».

Хутка, аднак, высветлілася, што І.Ф. Ермакоў як сакратар райкама КП(б)Б меў права на нашэнне зброі, толькі своечасова не працягнуў тэрмін захоўвання. Гэты пункт абвінавачвання адпаў. Па астатняму намеснік пракурора БССР па спецсправах вынес рашэнне аб тым, што хаця парушэнні рэвалюцыйнай законнасці ў Шклоўскім раёне і мелі месца, але яны пасля адпаведных указанняў ЦК і СНК БССР былі своечасова выпраўлены. Сведкі ж па справе І.Ф. Ермакова з'яўляюцца не аб'ектыўнымі, таму што ў той ці іншай меры самі вінаватыя ў парушэнні законнасці ў раёне. Пракурор прызнаў, што хаця І.Ф. Ермакоў і не правяраў сістэматычна дзейнасць свайго апарата, але судзіць яго за гэта «немэтазгодна і палітычна няправільна»⁴⁰.

11 студзеня 1940 г. крывінальная справа па абвінавачванні І.Ф.Ермакова была канчаткова спыненая⁴¹.

Далейшы лёс Івана Фядотавіча Ермакова нам невядомы...

¹ Архіў КДБ РБ. Спр. 4330. С. Т.1. Арк.9.

² Беларуская ССР: Кароткая энцыклапедыя. Т.3. С.354–355, 395.

³ Архіў КДБ РБ. Там жа. Арк.375.

⁴ Там жа. Арк.25, 27–34.

⁵ Там жа. Арк. 36–42.

⁶ Улашчык М. М. Хроніка // Скарыніч. Вып.1. Мн., 1991. С.103, 109, 122, 129.

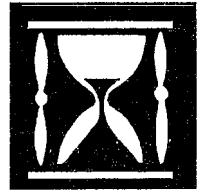
⁷ НА РБ. Ф.205, воп.1, спр.515, арк.64; Спр.469. арк.104.

⁸ Там жа. Спр.475, арк.3.

⁹ Там жа. Спр.463, арк.40; Спр.469, арк.89; Спр.531, арк.35; Спр.469, арк.104.

¹⁰ Рабочий. 1931. 10 июля. №160(1190); НА РБ. Там жа. Спр.475, арк.3; Чырвоная змена. 1931. 4,6 жніўня.

- ¹¹ Вольфсон С. Я. Фабрика пролетарских специалистов // Рабочий. 1931. 8 июля.
- ¹² НА РБ. Спр.469, арк.77; Спр.465, арк.22; Спр.471, арк.42.
- ¹³ Там же. Спр.531, арк.20.
- ¹⁴ Там же. Спр.538, арк.1–3; Спр.535. Арк.7; Спр.544. Арк. 1.
- ¹⁵ Звезда. 1932.1 ліпеня.№146(4398).
- ¹⁶ Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании: Сб. документов за 1917–1947 г.г. Вып.2. М.-Л., 1947. С.83–91.
- ¹⁷ НА РБ. Там же. Спр. 465, арк 4–6; Спр.535. Арк. 1–2.
- ¹⁸ Там же. Спр. 584, арк. 16, 24.
- ¹⁹ Архіў КДБ РБ. Там же. Арк.356.
- ²⁰ НА РБ. Там же. Спр.588, арк. 35.
- ²¹ Рабочий. 1933. 12 апреля. №80(1704); Звезда. 13 красавіка. 1933. №81(4625); Там же. 13 мая. №103(4647).
- ²² НА РБ. Там же. Спр. 515, арк. 70; Спр. 548, арк. 51,52; Спр.543, арк.8.
- ²³ Там же. Спр. 533, арк. 51.
- ²⁴ Там же. Спр. 543, арк. 8.
- ²⁵ Балтун о в. Предотвратить срыв учебного года //Рабочий. 1933. 24 июня. №137(1760).
- ²⁶ НА РБ. Там же. Спр. 548, арк. 129; Спр. 533, арк. 51.
- ²⁷ Там же. Спр. 543, арк. 24; Спр. 548, арк.155.
- ²⁸ Там же. Спр. 543, арк. 13а.
- ²⁹ Там же. Спр. 593. арк. 38.
- ³⁰ Архіў КДБ РБ. Арк. 57–61.
- ³¹ Там же. Арк. 68–69.
- ³² Там же. Арк.73.
- ³³ Там же. Арк.355–358.
- ³⁴ Там же. Арк. 12, 15, 18, 21.
- ³⁵ Там же. Арк.1–5.
- ³⁶ Там же. Арк. 36, 44, 50, 58–61.
- ³⁷ Там же. Арк. 147–149.
- ³⁸ Там же. Арк. 368–369, 375.
- ³⁹ Там же. Т.ІІ. Арк. 172, 178, 188–189.
- ⁴⁰ Там же. Арк.190–192.
- ⁴¹ Там же. Арк. 193.

И.С. МАХОВСКАЯ

РОЛЬ И МЕСТО ПОВИВАЛЬНОЙ БАБКИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ОБРЯДАХ СОЦИАЛИЗАЦИИ НОВОРОЖДЕННОГО

Специфика традиционных родинных обрядов заключается в том, что они связаны с наличием лиминального существа, находящегося на переходе из одного мира в другой, мир живых людей. Опасно ли это приходящее из призрачного мира существо? Можно ли обезопасить его? Какая судьба ждет его? Можно ли повлиять на эту судьбу? Эти и многие другие риторические вопросы способствовали появлению многочисленных обрядов, сопровождавших процесс рождения человека. Проводником этих обрядов, своего рода хранительницей традиций, выступала повивальная бабка. Она руководила первыми этапами социализации, интегрировавшими новорожденного в члены общины, т.е. действия повитухи являли собой механизм первоначальной передачи социокультурного опыта новым поколениям.

Женщина, участвовавшая в появлении на свет нового человека, должна была являться прежде всего физиологически чистой. Повитухой могла быть пожилая женщина, которая сама уже перестала рожать, а в некоторых местах – только вдова. Согласно положениям контактной и имитативной магии, моральный облик повитухи, ее судьба неминуемо отразятся на судьбе новорожденного. Поэтому в повитухи приглашали женщину безукоризненного поведения. Считалось, что дети, принятые бабкой, которая была прежде замечена в неверности мужу, рождаются больными и долго не проживут. Повитухой не могла быть бездетная женщина, а также такая, которая обмывала покойника или отличалась непокладистым характером¹.

Отказаться от помощи повивальная бабка не могла: это считалось большим грехом. В любое время, когда бы ее не позвали, она должна была немедленно отправиться к роженице. Готовность бабки послужить на помощь по первому зову довольно ярко отражена в восточнославянском фольклоре:

То-й ня стук стуціць,
То-й ня грюк грючіць,
По сеньякам да по новенькім,
То Кірілка ідзець да бабусечкі,
А бабусечка дагадалася,
Паскарюсеньку убіралася,
У адным чобаце
Дай біз пояса;
У руках нясець да пяленачкі,
Ідучі, яна Богу моліцца.²

Повитуха пользовалась огромным уважением в народе. Чем больше приняла она родов, тем больший почет ей оказывался. В Московской губернии верили, что повитуха не будет наказана за грехи на том свете, так как за нее молятся принятые ею дети, и Бог снисходит к их молитвам³. Исключительность положения, занимаемого повивальной бабкой в традиционном

обществе, на наш взгляд, основана на том, что в суеверном народном представлении бабка выступала посредником между двумя мирами. Именно с ее помощью на свет появлялись дети из неведомого мира. Следовательно, повитухе должна быть доступна эта область, недостижимая для простых смертных. Опыт и знания повитухи, способные обезопасить роженицу и новорожденного, неизбежно порождают в суеверных умах представления о ее связях со сверхъестественными силами. Бабкам приписывается способность лечить бесплодных женщин с помощью магии, сделать так, чтобы во время родов от боли страдала не роженица, а ее муж.

При первых признаках наступления родов муж роженицы или свекровь отправлялись за бабкой. Для этого отрезали горбушку хлеба, посыпали ее солью и отправлялись к давно намеченной повитухе. Происходящие роды тщательно скрывали от посторонних, так как считали, что за каждого знающего о родах женщина должна отстрадать отдельно. Поэтому бабку вызывали из дома под каким-нибудь предлогом, прямо о причине вызова не говорили: «Ходи, бабусечка, к нам, нешта нашей молодуси не дужа ладно делается!»⁴ Бабка тоже брала лопот хлеба и отправлялась к роженице. Хлеб в данном случае является реминисценцией древнего жертвоприношения, выкупа богам за жизнь ребенка.

Войдя в дом роженицы, повивальная бабка читала молитву и производила ряд магических действий, основанных на контактной и имитативной магии. Снимала с себя передник, чтобы быстрее развязать мать с плодом, развязывала все узлы на роженице, расплетала ей косу, открывала печную заслонку, отмыкала все замки – исходя из принципов имитативной магии, все это должно было способствовать беспрепятственному прохождению младенца через все ворота и появлению его на свет.

Во время трудных родов бабка стучала метлой в потолок избы – это символическое обращение к хозяину дома – домовому, от которого ждали помощи в тяжелую минуту. С этой же целью роженица стучала пятками о порог, прислонялась к печи – эти места считались любимыми местами обитания домового. С помощью заговоров повитуха обращалась за помощью к бабушке Соломониде, которая по апокрифическому преданию повивала Христа: «Бабушка Соломонида, приложи рученьки рабе Божьей», «Пресвятая Богородица, отпусти матушку Соломониду, не погнушайся грешной, помоги мне при родах».⁵

Новорожденный младенец сразу должен был пройти обряд очищения водой. Таким образом с ребенка «смывалось» то, что связывало его с «тем светом». Кроме того, первое купание новорожденного всегда сопровождалось многочисленными магическими приемами, которые должны были обеспечить его будущее. В воду бросали монеты, чтобы ребенок был здоровым и богатым. На его спину или в воду сыпали пепел из печи, чтобы он любил свой дом. Помимо гигиенической необходимости, первое очищение связано с древним языческим обрядом социализации, монеты, брошенные в воду, являются реликтом древнего жертвоприношения. Даже после установления христианства, если ребенок рождался слабым, его крестила бабка. Этот обычай характерен для всех восточнославянских и для многих восточноевропейских народов. У белорусов этот обряд называется «ахрысціць дзіця з вады»⁶. Бабка трижды поливала его освященной водой и давала имя. В Бессарабской губернии бабка крестила живот роженицы и говорила: «Родится хлопец, будет Иван, девушка – будет Марья». Такой ребенок считался окрещенным и если умирал, то его хоронили на кладбище.⁷ В конце XIX – начале XX в. в наречении ребенка именем большую роль играла церковь, но даже тогда у белорусов и украинцев сохранялся обычай, когда именно бабка «ходила к попу за именем»⁸, при этом она обязательно несла священнику хлеб или какой-либо другой подарок. Это дает основание предположить, что до введения христианства бабка-повитуха после очищения младенца и жертвоприношения богам давала имя ребенку.

В Восточном Полесье повитуха после купания ребенка клала его на расстеленный возле печи или порога козух и трижды переступала через него

со словами: «Як шуба касмата, будзь так багаты!» Отец поднимал ребенка и отдавал его матери. Обряд, когда ребенка кладут на землю (на кожух у порога или печи), а отец его поднимает, известен многим народам в разных частях света – германцам, древним китайцам, римлянам и др.⁹ Этот обряд являлся этапом социализации ребенка – признанием его членами семьи. Отец, поднимая ребенка с пола, признавал его своим и больше не мог оставить без опеки.

В обрядах первоначальной социализации ребенка повивальная бабка выступала как бы посредником между двумя мирами. Обряд, когда она клала ребенка на кожух, а отец его поднимал, символизировал, что именно при ее содействии этот младенец здесь появился, а семейная община его признала своим и приняла.

В начале XX в. многие информаторы отмечали непопулярность акушерских пунктов среди крестьянского населения. Это объяснялось тем, что, кроме принятия младенца, повитуха оказывала роженице весьма существенную практическую помощь в послеродовой период. Бабка оставалась при роженице от нескольких дней до двух недель. Она жила в доме роженицы или, по крайней мере, каждый день приходила, чтобы обмыть ребенка, приготовить пищу и помочь по хозяйству. У белорусов существовало понятие «малая полога» – девять дней после родов, в течение которых роженица должна была находиться в постели, по крайней мере при посторонних, а роль хозяйки брала на себя бабка. Это было крайне важно, особенно в условиях многодетной семьи и если в семье была одна хозяйка. Но всесторонний анализ обрядов дает основание предположить, что первоначально роль повитухи была чисто магической.

Если ребенок рождался здоровым, его крестили в один из ближайших воскресных дней. Перед тем, как нести новорожденного в церковь, бабка купала его, пеленала мальчика в старую отцовскую рубаху, девочку – в юбку матери, причем вместе с младенцем в пеленки заворачивала кусочек печной глины, уголек и хлеб или складывала их в узелок, который вручала куме, чтобы та бросила его на перекрестке – от сглаза. Спеленатого ребенка укладывала на кожух, расстеленный под образами или у порога, и, подняв, отдавала куме. На Беларуси перед отъездом в церковь бабка с ребенком и кумовьями трижды обходила стол, на котором лежал хлеб, трижды целовали его, затем передавала ребенка кумовьям со словами: «Наце вам наша народжанае, вярніце нам хрэшчанае!»¹⁰

После возвращения кумовьев из церкви затевался большой праздничный пир. На крестины приглашались взрослые семейные люди. Этот праздник – третий и последний этап социализации новорожденного – акт признания социального присутствия младенца всеми взрослыми членами общины и принятия в свои ряды нового полноправного члена.

Повивальная бабка вместе с кумовьями были главными гостями на крестинах, бабка готовила главное обрядовое блюдо – «бабину кашу». Это была, в зависимости от региона, гречневая, пшенная каша, пирог, горшок пенья или даже яичница. Кашу бабка приносила в конце обеда, ставила на стол и предлагала выкупить. Деньги, вырученные за кашу, шли в пользу бабки. Обычно больше всех платил кум, каша переходила в его собственность, и он должен был разбить горшок. В Витебской губернии считали, что если крутая каша после разбивания горшка не рассыплется – ребенок будет долго жить¹¹. Во многих местах кашу давали детям, которые хватали кашу и быстро бежали на улицу, чтобы новорожденный также быстро научился бегать. Женщины уносили кашу в качестве гостинца своим детям, чтобы они быстрее росли. По мнению Е.Ф.Карского¹², жертва богам за рождение ребенка состояла из различных блюд, которые сначала предназначались для пированья богов, а потом шли на крестинный пир для людей. Каша, мед, молоко – особенно распространенные блюда на родинах и крестинах. Такие же блюда были характерны для родинных пиров у индусов, германцев, древних римлян. Это дает основание предположить, что каша – жертва,

принесенная богам за подаренную жизнь. В исследуемый период «бабиной каше» приписывались магические свойства, способные влиять на рост и плодородие; на это указывает и обычай нести «бабину кашу» детям.

Завершающим обрядовым действием на крестинах во многих районах было «катание бабы на бороне». Повитуху, а иногда и кумовьев, сажали на борону, покрытую кожухом, и катали по деревне, пока те не откупались водкой. В Минской губернии и части Гродненской бабку катали на бороне, раскрасив ей щеки ярко-красной краской и украсив ее голову перьями наподобие венца. Гости, сопровождающие ее, переодевались. При этом они били палками в пустые ведра, играли на пиле. Бабка в корчме угощала их водкой. В исследуемый период борону могли заменять санки, корыто, но обрядовая семантика оставалась прежней: использование бороны — древнего обрядового символа, символа размножающей силы природы, кожуха — общеславянского символа богатства и плодородия дает основание утверждать, что этот обряд преследовал цель способствовать здоровью, благополучию и достатку новорожденного ребенка и всей общины, на что указывает массовый, не узкосемейный характер обрядового действия.

С завершением родинных торжеств не прерывались отношения между повивальной бабкой и ее внуками. Дети воспитывались в большом уважении к своей крестной бабке, она тоже не забывала их, навещала на праздники, делала подарки. У восточных славян был праздник, специально посвященный повивальной бабке. У русских он имел название «бабины, бабы каши»¹³ и отмечался во второй день Рождества и в день рождества Богородицы. В этот день роженицы приглашали к себе в гости бабок, угощали их кашей. В Курской и Смоленской губерниях бабка приглашала внуков к себе в гости. В этот день она пекла блины, пироги с начинкой из каши. Внуки тоже несли бабке угощение и обязательно кашу. В Смоленской губернии в этот день повторяли крестинный обряд с выкупом каши. У белорусов праздник, посвященный бабке-повитухе, праздновали на масленичной неделе. Внуки сами запрягались в саночки и торжественно везли повитуху к себе на блины или приезжали к ней на лошадях¹⁴.

Итак, в традиционных родинных обрядах бабка-повитуха выступает в роли связующего звена между двумя мирами. В ее задачу входило сохранение жизни новорожденного от влияния злых сил и первоначальная интеграция младенца в конкретное социокультурное общество. Главенствующая роль в первоначальных этапах социализации новорожденного принадлежит именно повитухе как человеку, причастному к высшему миру, с позволения которого данное социокультурное общество существует в данной форме.

¹ См. Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. 342.

² Косич И. Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни // Живая старина. 1901. Вып. 2. С. 253.

³ Листова Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вт. п. XIX — 20-е гг. XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 152.

⁴ Романов Е. Р. Белорусский сборник: быт белоруса. Вильно, 1912. Вып. 8. С. 323.

⁵ Листова Т. А. Указ. соч. С. 147.

⁶ Кухаронак Т. І. Радзінныя звычаі і абрады беларусаў. Мінск, 1993. С. 41.

⁷ См. Казимир Е. П. Из свадебных и родинных обычаев Хотинского уезда Бессарабской губернии // Этнографическое обозрение. 1907. №1—2. С. 207.

⁸ Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981. С. 71.

⁹ См. Плосс Г. Г. Воззрения на ребенка у диких и культурных народов // Знание. 1877. №2—3. С. 48.

¹⁰ Казакова І. В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў. Мінск, 1995. С. 14.

¹¹ См. Романов Е. Р. Указ. соч. С. 327.

¹² Карский Е. Ф. Белорусы. М. 1916. Т. 3. Ч. 1: Народная поэзия. С. 220—222.

¹³ Листова Т. А. Указ. соч. С. 160.

¹⁴ Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895. С. 99.

СЯЛЯНСТВА І ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЯ БАРАЦЬБА НА БЕЛАРУСІ Ё КАНЦЫ XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.

У гістарыяграфіі склаўся стэрэатып паказу познефеадальнага сялянства Беларусі толькі як аб'екта эксплуатацыі з боку апалячаных паноў і, у меншай ступені, адміністрацыйнага самавольства расійскіх чыноўнікаў. Падрабязна распісаны ўзроўні і формы павіннасцей, паказана ў сувязі з гэтым нарастанне сацыяльнага напружання ў вёсцы, прыведзены факты сялянскіх выступленняў, якія заўжды заканчваліся непазбежнай расправай над іх удзельнікамі. Але ж жыццё вёскі мела не толькі сацыяльна-эканамічны бок. У ім, хоць і ў значна меншай ступені, прысутнічаў аспект палітычны, які нарастаў па меры размывання прыгонніцтва і набліжэння грамадства да яго ліквідацыі. Прычым разглядаемая намі эпоха ад падзелаў Рэчы Паспалітай да адмены прыгоннага права багатая на палітычныя падзеі, якія не маглі не адбівацца на лёсах вясковага жыхароў. Больш таго, пазіцыя сялян істотна ўплывала, а то і вырашала зыход войнаў, вызваленчых паўстанняў, палітычных мерапрыемстваў улад.

Ужо ў апошнія дзесяцігоддзі існавання Рэчы Паспалітай пры ўмяшанні ў яе ўнутраныя справы расійскі царызм выкарыстоўваў і сялянскую карту. Адносіны расійскага ўрада да сялянскіх рухаў на Беларусі і Правабярэжнай Украіне былі даволі своеасаблівымі і супярэчлівымі. Афіцыйна ён асуджаў антыфеадальныя бунты і часамі нават аказваў Рэчы Паспалітай дапамогу ў іх задзішэнні, але, з іншага боку, быў зацікаўлены ў існаванні царысцкіх ілюзій у масе сялян тых рэгіёнаў, якія збіраўся далучыць да сваёй дзяржавы. Відаць апошнім і можна вытлумачыць прысутнасць на каранацыі Кацярыны II і прывітальнае выступленне селяніна з Рэчы Паспалітай.

Знамянальна, што ў 1789–1790 г. улады Рэчы Паспалітай былі вельмі незапакоеныя сялянскімі хваляваннямі, лічачы, што яны інспіруюцца расійскім урадам. Створаная з гэтай нагоды сеймавая камісія прыйшла да высновы, што з часоў Хмяльніччыны "Расія... лашчыла польскіх ладданах грэчаскага веравызнання і схіляла іх да прызнання над сабою чужога ўладарання, павялічваючы ў іх непрыязнасць да іх урада"¹.

На самой справе расійскі ўрад дзейнічаў вельмі асцярожна і ў звычайных (мірных) абставінах ніколі не рашаўся на адкрытае выкарыстанне і тым больш падаграванне тых унутраных канфліктаў, якія маглі б прывесці да змены сацыяльнага ладу Рэчы Паспалітай. Ён абмяжоўваўся ўлікам нацыянальна-рэлігійнага чынніка, мяркуючы, што сама розніца ў веравызнанні землеўладальнікаў і іх падданах ва ўсходніх рэгіёнах Рэчы Паспалітай забеспечыць пры неабходнасці падтрымку ўкраінскага і беларускага сялянства. Вось што пісала Кацярына II пад час касцюшкаўскага паўстання генерал-губернатару мінскаму, ізяслаўскаму і брацлаўскаму Ц.І.Туталміну: "Чорны народ, які жыве ў абводах нашых, а больш за ўсё нам аднаверны, палякаў паноў сваіх ненавідзіць, што самой справай даказана многімі дасюль здарэннямі; а таму няцяжка будзе мець той у сваю карысць, падахвочваючы заступніцтвам ад аднаверных яму"². Нельга сцвярджаць, што такая палітыка не мела пэўнага поспеху, асабліва ў праваслаўнай вёсцы Украіны і Беларусі, аднак поўная глухата і нават варожасць у адносінах да сацыяльных інтарэсаў сялянства звужалі яе плён.

У сваю чаргу няздольнасць шляхецка-буржуазных колаў рашуча адмяніць прыгонніцтва прывяла да таго, што сялянства ў асноўнай масе засталася абыякавым да падзелу Рэчы Паспалітай і адказала маўчаннем на заклік узнімацца на барацьбу з царскімі войскамі.

У сакавіку 1794 г. патрыятычныя колы шляхты і гараджан на чале з ураджэнцам Беларусі Тадэвушам Касцюшкам узялі паўстанне, каб адстаяць незалежнасць і тэрытарыяльную цэласнасць Рэчы Паспалітай. Быў створаны паўстанцкі ўрад Літвы і Беларусі – Найвышэйшая Літоўская Рада на чале з інжынер-палкоўнікам Якубам Ясінскім, які спрабаваў праводзіць самастой-

ную палітыку. Лёс паўстання залежаў ад пазіцыі асноўнай масы насельніцтва — сялян, якія спадзяваліся на ліквідацыю прыгоннага права і перадачу ім зямлі, што ў сапраўднасці не адбылося. Выдадзены Касцюшкам 7 мая Паланецкі ўніверсал абяцаў сялянам асабістае вызваленне і некаторае змяншэнне феадальных павіннасцей. Аднак стараннямі памешчыкаў універсал застаўся на паперы і фактычна не дайшоў да сялян. Літоўская Рада абмежавалася агульным і няпэўным абяцаннем “вольнасці”. Даволі радыкальна настроеныя ў адносінах да сялянскага пытання Касцюшка і асабліва Ясінскі былі вымушаны ў сваіх дзеяннях улічваць і інтарэсы шляхты, каб не адштурхнуць яе ад паўстання. Царскія ж генералы давалі сялянам розныя дэмагагічныя абяцанні і настрайвалі іх супраць паўстанцкай шляхты. Усё гэта абумовіла абмежаваны ўдзел сялян у паўстанні 1794 г. і нейтральна-пасіўную пазіцыю іх асноўнай масы³.

У дзейнасці тайных гурткоў і таварыстваў 10–20-х гг. XIX ст. можна адзначыць факты спачування сялянам, цікавасці да іх жыцця, прапановы аб паляпшэнні стану, але гэтыя першыя рэвалюцыянеры не лічылі сялянства рэальнай сілай і не імкнуліся абаперціся на яго. Такія адносіны да асноўнай масы насельніцтва прадвызначылі паражэнне шляхецкага паўстання 1830–1830 гг., кансерватыўная праграма якога не знайшла масавай падтрымкі на Беларусі. Сяляне і мяшчане мабілізоўваліся ў атрады пераважна пад прымусам і не былі зацікаўлены ваяваць без вырашэння сваіх сацыяльных праблем. Але вядомы і выпадкі добраахвотнага ўдзелу сялян у паўстанні, заклікаў да непадпарадкавання расійскім уладам⁴.

Са свайго боку, ўлады баяліся распаўсюджвання ў сялянстве пагалосак аб паўстанні. Мясцовай адміністрацыі прадпісвалася выяўляць і арыштоўваць “падбухторшчыкаў” сялян і шляхецкіх агітатараў, прадухіляць народныя сходзі ў корчмах. У сваёй уласнай прапагандзе, прызначанай беларусам і ўкраінцам, царызм стаў выкарыстоўваць сацыяльныя і асабліва нацыянальна-рэлігійныя супярэчнасці паміж сялянамі-праваслаўнымі і ўніятамі і шляхціцамі-католікамі. Антыпаўстанцкую агітацыю сярод насельніцтва абавязвалася весці царква, асабліва праваслаўная. Робячы стаўку на ізаляцыю шляхецкага руху ад сялян, урад прадугледжваў дыферэнцыравання пакаранні тым з іх, якія аказаліся ўцягнутымі ў паўстанне. Згодна указу Мікалая I Сенату ад 22 сакавіка 1831 г., такім сялянам абяцалася дараванне, калі яны добраахвотна складуць зброю і вярнуцца дадому. Тых жа “людзей ніжэйшага звання”, якія будуць узяты са зброяй у руках, прадпісвалася аддаваць у рэкруты і адпраўляць на службу ў сібірскія лінейныя батальёны⁵. У жніўні 1831 г. адміністрацыя і вайсковыя ўлады заходніх губерняў атрымалі указ аб захадах па абароне сялян ад помсты сваіх уладальнікаў за няўдзел у паўстанні, але пры гэтым яны павінны былі наглядаць, каб тыя не маглі стаць для сялян падставай да непадпарадкавання законнай уладзе іх памешчыкаў і адміністратараў⁶. У галоўным, жыццёвым для сялян пытанні рэфармавання прыгонніцкіх адносін царызм тады далей дэмагагічных абяцанняў вызваліць іх ад улады “польскіх памешчыкаў” не пайшоў.

Шляхецкія рэвалюцыянеры ўлічылі ўрокі паўстання. Іх рух, асабліва ў 40-я гады, дэмакратызаваўся і радыкалізаваўся, набыўаў антыпрыгонніцкі характар. У ім удзельнічала ўсё больш прадстаўнікоў розначыннай інтэлігенцыі, якая імкнулася павесці за сабой сялянскія масы. Хоць розніца сацыяльных інтарэсаў шляхецкага і сялянскага саслоўяў, узмоцненая на Беларусі яшчэ і нацыянальна-рэлігійнай варожасцю, рабіла праблематычным саюз паміж імі, тым не менш па меры дэмакратызацыі шляхецкага руху, адыходу ад яго арыстакратычных пластоў, узростала магчымасць якасна новага, антыфеадальнага саюзу рэвалюцыйнай дэмакратыі і сялянства. Ідэі правадыра польскай дэмакратыі Іаахіма Лявелея, які ўжо ў 1830 г. настойваў праз вызваленне сялян далучыць масы насельніцтва да рэвалюцыі, знаходзілі шмат паслядоўнікаў. Паводле звестак III Аддзялення імператарскай канцылярыі, у Парыжы тады складалася “таварыства палякаў, мэта якога заключалася ў распаўсюджванні камунізма між ніжэйшага класа плямёнаў славянскіх”⁷.

Шляхецкая паўстанцкая эміграцыя, што асела пераважна ў Францыі, першапачаткова не губляла надзей на ўзнаўленне ваенных дзеянняў і засылала на беларусь сваіх эмісараў. Сярод іх быў ураджэнец Слонімсчыны Міхал Валовіч, які ў сакавіку 1833 г. тайна вярнуўся на радзіму, сфарміраваў у асноўным з сялян уласнай вёскі невялікі атрад і ажыццяўляў партызанскія дзеянні ў Слонімска-Навагрудскай акрузе. Мэтай сваёй барацьбы ён лічыў вызваленне сялян і абвешчэнне Беларусі і Літвы дэмакратычнай рэспублікай. Аднак ужо ў маі “экспедыцыя Валовіча” была ліквідавана.

Студэнт Медыка-хірургічнай акадэміі ўраджэнец Піншчыны Франц Савіч заснаваў у 1836 г. у Вільні “Дэмакратычнае таварыства”, члены якога прапагандавалі ідэі дружбы народаў, заклікалі да барацьбы супраць самадзяржаўя, патрабавалі вызвалення сялян і надзялення іх зямлёй; праз тры гады яны былі арыштаваны. У 1846–1849 гг. у Вільні, Мінску, Гродне, Лідзе, Ашмянах і іншых гарадах існавала тайная арганізацыя “Саюз свабодных братоў”, якая налічвала каля 200 членаў. Вялася прапаганда сярод салдат і афіцэраў мінскага гарнізона, выраблялася зброя, завязваліся непасрэдныя кантакты з сялянамі аж да ўцягнення іх ў арганізацыю⁸.

У беларускай і польскамоўнай “краёвай” літаратуры з’яўляюцца антыцарскія агітацыйныя творы, праводзіцца ідэя аб’яднання сялянства з перадавой шляхтай дзеля паляпшэння яго долі. Характэрны ў гэтым плане напісаны пад уплывам рэвалюцыйных падзей 1848 г. у Еўропе верш Уладзіслава Сыракомлі “Добрыя весці”. У гэтым дайшоўшым да нас у некалькіх спісках амаль адзіным вядомым беларускамоўным творы знакамітага мясцовага літаратара паведамлялася, як на Захадзе “б’юцца для славы, свабоды і чэсці і робяць вольных людзей з мужыкоў”, і выказвалася надзея, што “мужык і шляхціц засядзе на лаве, каб весці раду аб сваёй зямлі”⁹.

Сапраўдную моц уздзеяння на насельніцтва антыпрыгоніцкай і антыцарскай агітацыі ўлады адчулі пры ўціхамірванні ў 40-я гады хваляванняў сялян у казённым маёнтку Сморгонь Віленскай губерні. Сморгонскія сяляне былі незадаволены злоўжываннямі дзяржаўнай адміністрацыі. Размах і ўпарты характар іх барацьбы вымушалі ўлады часта ўводзіць воінскія каманды і ажыццяўляць у маёнтку экзекуцыі. Сюды вызджалі вышэйшыя чыны губернскай адміністрацыі і Міністэрства дзяржаўных маёмасцей. У красавіку 1847 г. у маёнтку быў распаўсюджаны ліст з заклікам да сялян сумесна з мяшчанами і ніжэйшымі чынамі знішчаць афіцэраў раскватараваных воінскіх часцей, выразаць усіх памешчыкаў і ўпраўляючых, як зрабілі сяляне Галіцыі ў 1846 г., каб здабыць сабе свабоду¹⁰. Пад уплывам падзей у Сморгоні адбыўся шэраг хваляванняў дзяржаўных і памешчыцкіх сялян на Віленшчыне. Губернская ўлады прыбеглі да надзвычайных мер, каб справіцца з сітуацыяй. Аўтарам “возмутительного воззвания” аказаўся дробны чыноўнік, шляхціц Юльян Бакшанскі, які лічыў, “што ўсю амаль сілу народа складае клас, званы сялянамі”¹¹. Як паказала следства, ён адначасова пасылаў лісты ў некалькі паведаў, збіраўся даць сморгонскім сялянам значную суму грошай для набыцця зброі і пашырыць сялянскі рух аж да Вільні, каб напасці на губернатара і генерал-губернатара¹².

Хоць такога роду з’явы ў сялянскім руху Беларусі былі яшчэ адзінкавымі, але яны надзвычай устрыжывалі царскі ўрад. “Вельмі трэба асцерагацца, – папярэджваў у 1831 г. міністр фінансаў Я.Ф.Канкрин, – каб з польскага бунту не зрабіўся б сялянскі”¹³. Для ізаляцыі шляхецкага руху ад сялянскіх мас і ўмацавання на гэтай аснове сваіх сацыяльных і палітычных пазіцый ўрад пайшоў на правадзенне ў беларускай вёсцы шэрагу мерапрыемстваў, накіраваных на змякчэнне феадальнага прыгнёту (люстрацыя дзяржаўных маёнткаў, інвентарная рэформа) і пашырэнне ўплыву праваслаўнай царквы (скасаванне уніі), дэмагагічна выстаўляючы сябе абаронцам сялянства. Вынікі барацьбы шляхецкіх дэмакратычных колаў з расійскім самадзяржаўем за душы беларускіх сялян яскрава праявіліся ў паўстанні 1863 г.¹⁴

Такім чынам, калі ў грамадска-палітычным руху да 30-х гг. XIX ст. сялян імкнуліся зрабіць толькі слугамі паўстанняў, то пасля быў узяты кірунак на

тое, каб яны сталі поруч з іншымі саслоўямі іх раўнапраўнымі гаспадарамі. У сувязі з гэтым беларускі мужык вымусіў лічыцца з сабою і царскія ўлады, якія пераходзілі ад нічога не абавязваючых заляцанняў з ім у часы абвастрэння палітычнай сітуацыі да некаторых уступак яму ў аграрнай сферы. Выпадкі ж усё больш усведомленых паводзін сялянства сведчылі, што яно з пасіўнага аб'екта палітычных маніпуляцый пачынала становіцца суб'ектам грамадска-палітычнага жыцця.

¹ Расійскі дзяржаўны ваенна-гістарычны архіў у Маскве. Ф. ВУА, спр. 271, арк. 3 адв.

² Русский архив. 1873. Кн 2. Стлб. 2289.

³ Гл.: Емяльянчык У. Паланез для касінераў (3 падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі). Мн., 1994.

⁴ Гл.: Русак О. В. Отношение крестьянства Белоруссии к востанию 1830–1831 гг. // Сельское хозяйство и крестьянство Беларуси (Материалы научной конференции. 27–29 октября 1989 г. г. Гомель). Мн., 1991.

⁵ Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1979. Т. 4. С. 88–89.

⁶ Центральны дзяржаўны гістарычны архіў Украіны ў Кіеве. Ф. 533, воп. 4, спр. 168, арк. 27 адв.

⁷ Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі ў Маскве (далей ДАРФ). Ф. 109, воп. 223, спр. 11, арк. 109.

⁸ Гл.: Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30–60 годы XIX в. М., 1962. С. 58–143.

⁹ Сыракомля У. Добрыя весці: Паэзія, проза, крытыка. Мн., 1993. С. 15.

¹⁰ Чепко В. В. Общественно-политическое движение в Белоруссии в 40-е гг. XIX в. // Труды Института истории АН БССР. Мн., 1958. Вып. 3. С. 123–124.

¹¹ ДАРФ. Ф. 109, I эксп., 1847 г., спр. 114, арк. 4.

¹² Конюхова Т. А. Крестьянское движение в государственной деревне Виленской и Ковенской губерний в период реформы П. Д. Киселева // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 г. Таллин, 1971. С. 415 і інш.

¹³ Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Мн., 1940. Т. 2. С. 336.

¹⁴ Гл.: Байкова С. М. К вопросу об участии крестьян Белоруссии в восстании 1863 г. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963.

С. Ф. ШИМУКОВИЧ

ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ КАК ВИД БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА БЕЛАРУСИ (конец XIX – начало XX в.)

Одной из актуальных проблем белорусской историографии в современных условиях является благотворительная деятельность. Истоки ее восходят к концу XIX в., когда Беларусь входила в состав Российской империи. Тогда были сделаны попытки разработать классификацию всех благотворительных учреждений империи. Необходимость в классификации возникла в связи с определением и регламентацией деятельности Хозяйственного департамента (с 1900 г. – Департамент общих дел) Министерства внутренних дел, которое непосредственно направляло работу многих благотворительных организаций¹. На основе проведенной классификации были выделены следующие благотворительные учреждения: общества общего характера деятельности; общества, оказывающие помощь взрослым и детям. Государственные ведомства были особенно заинтересованы в организации именно трудовой помощи со стороны благотворительных учреждений, считая их способными эффективно бороться с распространением нищенства. В официальных изданиях отмечалось, что хотя «трудовая помощь не может быть панацеей в борьбе с нищенством, но это одно из действенных средств борьбы для его сокращения»².

Осознание трудовой помощи как наиболее рационального вида благотворительной деятельности в Российской империи произошло позже, чем в странах Европы. С основанием в 1895 г. Попечительства о Домах трудолюбия и Работных домах, которое стало издавать специализированный журнал «Трудовая помощь», внимание российской общественности к проблемам благотворительности стало возрастать. Одновременно началась рабо-

та по переводу на русский язык наиболее значительных трудов французских, немецких, английских исследователей по этой проблематике. Стали издаваться и труды русских деятелей, изучавших работу заведений трудовой помощи в странах Европы. В них они не только популяризировали западный опыт, но и рекомендовали применять его творчески, с учетом особых условий каждого конкретного региона Российской империи.

В опубликованных работах трудовая помощь трактовалась так: «Под трудовой помощью в широком, принципиальном смысле следует понимать систему мероприятий, имеющих в виду борьбу с нуждой, обусловленной вынужденной или добровольной праздностью, путем предоставления труда»³ или: «Трудовая помощь есть деятельность, заключающаяся в доставлении трудоспособным людям тех внешних условий труда, отсутствие которых лишает их возможности иметь привычный заработок»⁴. В этих определениях выделяется их основное положение – нельзя давать милостыню, необходимо дать возможность заработать. Трудовая помощь – это не только деятельность благотворителя, но и лица, которому оказывают помощь. Она включает два элемента – собственно помощь и *самопомощь*, которая в других видах благотворительной деятельности отсутствует.

Основные виды трудовой помощи исследователями выводились из определения условий, препятствующих нормальной трудовой жизни. Это и подготовка к труду неимущих с малолетнего возраста в трудовых приютах как необходимое условие нормальной жизни в будущем; помощь вполне трудоспособным, преимущественно в форме предоставления им временно-го заработка, а по недостаточности – помощь питанием, жилищем, одеждой и т.д.; восстановление работоспособности лиц, морально опустившихся и ослабленных физически, временно ставших не способными к труду⁵. Так Швиттау выделяет следующие формы оказания трудовой помощи: функции непосредственного предоставления оплачиваемых занятий (дома трудолюбия, общественные работы); функции содействия к приложению труда (посредничество в подыскании работы, снабжение материалом и орудиями производства по минимальной цене, содействие в сбыте продукции); образовательная и воспитательно-исправительная функция (помощь лицам, умственно не подготовленным к труду, обучение и подготовка их к профессиональному труду; подготовка к труду лиц с физическими недостатками; привлечение к труду лиц, отвыкших от труда и морально не подготовленных к нему)⁶.

Трудовую помощь в равной степени оказывали самые разнообразные общества и учреждения, руководствуясь чаще всего не столько передовыми научными разработками, сколько опытом собственной практической деятельности. Г. Швиттау так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Со стороны своего фактического содержания трудовая помощь представляется в настоящее время одной из самых широких и неопределенных форм призрения, тем не менее в широком принципиальном смысле следует понимать под трудовой помощью систему мероприятий, имеющих в виду борьбу с нуждой, обусловленной вынужденной или добровольной праздностью, путем труда»⁷.

В уставах многих местных благотворительных обществ содержались пункты, смысл которых заключался в осуществлении некоторых функций трудовой помощи. Это помощь посредством поиска работы для не имеющих ее, приобретения материалов и инструментов для работы, помощь в организации сбыта продукции, содержании мастерских и т.д. Все эти и некоторые другие элементы трудовой помощи вошли в соответствующие параграфы «Примерного устава обществ пособия бедным», утвержденного Министром внутренних дел 10 июля 1897 г., и стали обязательными для деятельности создаваемых благотворительных обществ⁸. Этим уставом регламентировалась деятельность многих благотворительных обществ, оказывавших разные виды помощи, но наиболее эффективной в их деятельности, как правило, оказывалась трудовая помощь. Она проявлялась

главным образом в поисках заработка безработным. Однако этот вид помощи носил скорее случайный характер из-за неразвитости рынка труда. Более действенную помощь оказывали мастерские, открытые при обществах. Так, Пинское еврейское женское благотворительное общество с 1897 г. содержало швейную мастерскую, где женщины не только работали, но и обучали девочек 11–16 лет швейному ремеслу⁹. Минское отделение Российского общества защиты женщин, открывшееся в 1901 г., сразу же организовало швейную мастерскую, школу кройки и шитья, приют на 10 мест для не имеющих жилья работниц¹⁰. К началу XX в. на Беларуси большинство обществ общего типа было обременено содержанием богаделен, дешевых столовых, больниц, приютов и других заведений и, обладая ограниченным количеством материальных средств, не могло позволить себе открыть благотворительное заведение производственного профиля. В этот период стали возникать общества, оказывавшие конкретный вид помощи. Среди них большую группу составляли учреждения, деятельность которых заключалась в реализации одной из функций трудовой помощи – выдаче беспроцентных ссуд. Как правило, это были еврейские общества¹¹. В 1910 г. только в Минске насчитывалось более 20 подобных обществ, оказывавших помощь печникам, каменщикам, столярам, портным, сапожникам, ломовым извозчикам¹².

Многие «универсальные», а также узко специализированные благотворительные общества осуществляли важную функцию трудовой помощи – ремесленное образование детей. Реализация этой идеи на практике вызвала к жизни разнообразие форм помощи. Во-первых, возникли общества, которые направляли в училища и гимназии детей и платили за их обучение (Лепель, Пружаны, Слоним, Минск, Новогрудок, Могилев и др.); во-вторых, общества содержали ремесленные мастерские или ремесленные классы для профессионального обучения детей (Шклов, Пинск, Гродно, Орша, Бобруйск, Могилев и др.)¹³. К этой группе благотворительных учреждений относились и общества помощи нуждающимся ученикам учебных заведений. Их деятельность регламентировалась «Нормальным уставом», утвержденным Министром внутренних дел 27 ноября 1897 г. Устав предусматривал такую форму трудовой помощи, как «содействие к приисканию нуждающимся занятий»¹⁴. Такие общества действовали в большинстве городов Беларуси. В отдельных городах действовало несколько обществ почти при каждом учебном заведении (гимназии, прогимназии, городском или ремесленном училище)¹⁵.

Наиболее последовательно идея трудовой помощи в виде трудового воспитания проводилась в детских приютах, находившихся как в ведении государственных, так и частных благотворительных организаций. По Положению о детских приютах, утвержденному 18 июля 1891 г., они были превращены в учреждения, самостоятельно подготавливавшие своих питомцев к трудовой жизни. В них учащиеся получали не только элементарные знания на уровне начальной школы, но также обучались ремеслам и рукоделиям, причем последним отводилась приоритетная роль. На важность ремесленного образования указывалось в официальных изданиях, распоряжениях государственной администрации¹⁶. Например, в Витебском приюте Ведомства учреждений императрицы Марии функционировала кухмистерская школа. В приютах других городов также изучались ремесла, которые в будущем могли обеспечить существование выпускников. Особенно распространены были специальные мастерские, где девочки обучались кройке и шитью, а изготовленные под руководством мастериц изделия шли на продажу или для использования в приюте. Часть вырученных денег зачислялась воспитанникам на личные сберегательные книжки и выдавалась по выходе их из приюта¹⁷. Мальчики обучались переплетному, столярному, слесарному и другим ремеслам. В приютах, как правило, дети получали не трудовую помощь, а трудовое воспитание. По окончании приюта выпускники могли обеспечить себе жизнь честным трудом.

Наиболее незащищенными являлись лица с физическими недостатками – слепые, глухонемые. По данным Совета попечительства императрицы Марии о глухонемых, только в Витебской и Минской губерниях глухонемых насчитывалось 978 и 2257 человек соответственно. В связи с этим Попечительство, созданное 3 мая 1898 г., открывало в стране для взрослых глухонемых дома трудолюбия, мастерские, дешевые квартиры; для детей – школы, учебные мастерские, убежища. В Минске в 1888 г. и Витебске в 1895 г. частными лицами были открыты училища, где наряду с преподаванием общеобразовательных предметов глухонемые дети обучались ремеслам: мальчики – столярному ремеслу, токарно-резным работам, девочки – кройке, шитью, рукоделию. В этих небольших заведениях обучалось 18 и 10 детей обоего пола¹⁸. В 1897 г. Минским отделением попечительства императрицы Марии было открыто училище для слепых, в котором занималось 20 учащихся. Они находились на полном содержании училища, обучались грамоте, плетению корзин и пению. Производимая продукция продавалась на рынке, но она не оказывала существенного влияния на бюджет училища. Так в 1903 г. было реализовано корзин на 42 рубля, что покрыло только часть расходов заведения (4183 руб.)¹⁹. Основная же цель педагогов училищ для глухонемых и слепых состояла в том, чтобы включить этих лиц в трудовую и общественную жизнь.

Несколько иная задача стояла перед детскими исправительными земледельческими колониями и ремесленными приютами. В их деятельности также использовался труд, но в качестве перевоспитывающего фактора. На территории Беларуси такие колонии открылись в конце XIX в., когда более чем столетняя практика их деятельности в Европе дала блестящие результаты. Там они были отнесены к числу учреждений трудовой помощи²⁰. В России, как и в Европе, колонии находились чаще всего в ведении частных благотворительных обществ, но государство оказывало им существенную финансовую помощь. Их деятельность регламентировалась Министерством Юстиции. Раньше дети заключенных или малолетние преступники, выходя из тюрьмы, не имели никаких ремесленных навыков, зато обладали навыками преступной деятельности, перенятыми у опытных рецидивистов. С этим явлением с 90-х гг. XIX в. стали бороться исправительные колонии. На Беларуси в это время действовало два частных общества ремесленных приютов и земледельческих колоний для исправления несовершеннолетних преступников (Витебск, Могилев) и две земледельческие колонии – под Витебском и Вилейкой. Исправительные земледельческие колонии прививали своим воспитанникам навыки к труду, преимущественно сельскому.

Безусловно, в ремесленных приютах и земледельческих колониях элементы трудовой помощи носили вспомогательный характер. Трудовая помощь, как основной вид деятельности, реализовывалась Попечительством о домах трудолюбия и работных домах и учреждениями, состоящими в его ведении. Попечительство было организовано в 1895 г. (с 1906 г. – Попечительство о трудовой помощи). Это было полуофициальное благотворительное ведомство наряду с Ведомством учреждений императрицы Марии, Императорским человеколюбивым обществом, Российским обществом Красного Креста.

Попечительство развернуло на всей территории России энергичную работу по созданию обществ и заведений трудовой помощи, домов трудолюбия. К 1900 г. дома трудолюбия действовали во всех губернских городах Беларуси, за исключением Могилева. Их создание активно поддерживалось и стимулировалось местными органами власти.

Первый дом трудолюбия был открыт 10 октября 1893 г. в Гродно христианским благотворительным обществом. Это заведение было рассчитано на 25 человек. В его мастерские принимались лица обоего пола, только христианского вероисповедания, способные к самому простому труду. Виды работ были несложными – клейка бумажных пакетов и мешков, плетение корзин, изготовление матов из соломы, вязание чулок, работы по дому. За-

рабочная плата составляла 15 копеек в сутки, за питание удерживалось 5 копеек. Продолжительность рабочего дня составляла от 9 до 11 часов²¹.

Дом трудолюбия в Витебске также был основан по инициативе местного благотворительного общества. Он располагался в собственном здании, построенном на частные пожертвования и субсидию Комитета попечительства. В его создании активное участие принял губернатор Д.Т. Левашов, который надеялся, что это заведение поможет искоренить в городе нищенство. Витебский дом трудолюбия был самым большим на Беларуси. Он был рассчитан на 110 человек. Кроме общежития и мастерских, здесь имелись различные службы, отделение для не способных к труду стариков²². При доме жило около 40 детей. В 1904 г. для них был открыт ремесленный приют²³.

В 1897 г. при непосредственном участии местного губернатора был открыт дом трудолюбия в Минске. Он находился в ведении специального Общества попечения. Минский дом трудолюбия был рассчитан на проживание 30 человек²⁴. Перечень предоставляемых работ был разнообразен. Все трудоспособные изготовляли щетки, кисти, выполняли столярные, сапожные, ткацкие работы, благоустраивали Сторожевское кладбище, занимались разведением цветов в парниках²⁵.

В начале XX в. по инициативе женского благотворительного общества был открыт дом трудолюбия в Могилеве, который относился к заведениям «дневного» типа, где «трудолюбцы» только работали, но не жили²⁶.

В белорусских губерниях дома трудолюбия сыграли важную роль в значительном уменьшении числа нищих. С началом мировой войны ситуация в сфере благотворительности резко изменилась. Появляются новые многочисленные категории нуждающихся в помощи – семьи призванных в армию, беженцы, сироты, раненые воины, калеки. Помощь трудом через систему уже существовавших и открывавшихся новых домов трудолюбия и мастерских оказалась наиболее эффективной, однако объем предлагаемой работы только частично покрывал огромный спрос на нее.

Итак, элементы трудовой помощи использовались в деятельности большинства белорусских благотворительных обществ всех типов, как государственных, так и частных. Существовало несколько обществ, целенаправленно проводивших политику трудовой помощи. Успех деятельности этих обществ был напрямую связан с тем вниманием, какое обращали на них местные органы власти. Большинство обществ общего характера использовали элементы трудовой помощи как наиболее эффективные в деле благотворительности. Наивысшим показателем развития идеи трудовой помощи на Беларуси стало открытие и деятельность домов трудолюбия во всех губернских городах края.

¹ Устав об общественном призрении // Свод законов Российской Империи. В 5 книгах /Под ред. И.Д.Мордухай-Болтовского. Книга 5. Том 13. СПб., Б.г. С.81–164.

² Кормуль-Гулес Э.Д. Трудовая помощь. СПб., 1914. С.168–170.

³ Швиттау Г.Г. Трудовая помощь в России. В 2 ч. СПб., 1915. Часть 1. С.5.

⁴ Белорусов В. Трудовая помощь, идея и основные моменты ее организации // Трудовая помощь. 1902. №9. С.389.

⁵ Дмитриев М.Н. Указ. соч. С.62.; Швиттау Г.Г. Указ. соч. Ч. 1. С.8.

⁶ Швиттау Г.Г. Указ. соч. Ч. 1. С.11–12.; Дмитриев М.Н. Указ. соч. С.62, 64.

⁷ Швиттау Г.Г. Указ. соч. Ч. 1. С.5–6.

⁸ Указания и распоряжения правительства // Трудовая помощь. 1897. №2. С.36–39.

⁹ Минская губерния // Благотворительность в России. СПб., 1907. Том 2. С.14.

¹⁰ Минское отделение Российского общества защиты женщин // Трудовая помощь. 1903. №6. С.122.; Минская губерния // Благотворительность в России. Том 2. С.3.

¹¹ Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). Ф.295, оп.1, д.6480, л.1–19; д.6481, л.1–8.

¹² НИАБ. Ф.300, оп.1, д.79, л.9–10.

¹³ Витебская губерния; Гродненская губерния; Минская губерния; Могилевская губерния // Благотворительность в России. Том 2. С.1–18; 1–14; 1–21; 1–24.

¹⁴ Указания и распоряжения правительства. Нормальный устав обществ вспомоществования нуждающимся учащимся // Трудовая помощь. 1898. №4. С.62–64.

¹⁵ НИАБ. Ф.295, оп.1, д.6633, л.16, 25, 33, 36, 47, 54, 57, 94, 132, 149.; ф.1430, оп.1, д.44540, л.2–3.; д.45810, л.3.

¹⁶ О кулинарных школах при детских приютах Ведомства учреждений Императрицы Марии // Вестник благотворительности. 1897. №5. С.8.; Задачи Ведомства детских приютов. О ремесленных и рукодельных отделениях и училищах при детских приютах // Вестник благотворительности. 1898. №9. С.7.

¹⁷ Минское губернское попечительство детских приютов // Вестник благотворительности. 1901. №4. С.14.; Минское губернское попечительство детских приютов ВУИМ // Вестник благотворительности. 1902. №9. С.8.

¹⁸ Богданов-Березовский М. Положение глухонемых в России. СПб., 1901. С.20, 134, 211–227.

¹⁹ Минская губерния // Благотворительность в России. Том 2. С.4.

²⁰ Ганзен П. Трудовая помощь в Скандинавских странах. СПб., 1899. С.84–85.

²¹ Гродненский дом трудолюбия // Вестник благотворительности. 1897. №12. С.48.

²² Отчет Члена Комитета Попечительства о Домах Трудолюбия и Работных Домах барона О.О. Буксевдена о посещении им осенью 1897 года 27 городов в Империи по делам домов трудолюбия // Трудовая помощь. 1898. №5. С.83.

²³ НИАБ. Ф.2649, оп.1, д.46, 13.

²⁴ НИАБ. Ф.295, оп.1, д.5776, л.159–170.

²⁵ Дом трудолюбия в гор. Минске // Трудовая помощь. 1901. №6. С.159–150.

²⁶ НИАБ. Ф.2001, оп.1, д.1387, л.1,4.; ф.2435, оп.1, д.4, л.3.

В.И.ЯРОВОЙ (КИЕВ)

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В УКРАИНЕ

Влиянии Великой французской революции в украинских землях, тогда составной части Российской империи, проявилось в отношении к ней украинского населения, и прежде всего его основной части – крепостного крестьянства. Данная тема до сих пор практически не рассматривалась как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Одним из аргументов историков, обходивших эту проблему, был тезис о том, что украинское крестьянство того времени из-за своей неграмотности было совершенно неспособно воспринимать французские политические процессы.

Однако события конца XVIII в. в ряде регионов Украины свидетельствуют как раз о том, что украинское крестьянство не осталось безразличным к революционной Франции, ведь украинский крестьянин всегда отличался сильным стремлением к свободе.

Конечно, утверждать, что украинское крестьянство понимало все лозунги французской революции и было готово пойти на подобные действия у себя на родине, было бы наивно. Украинский крестьянин смотрел на французскую революцию со своих позиций и воспринимал ее по-своему. В его глазах она была не чем иным, как действием, открывавшим возможности для возвращения захваченных польскими и российскими помещиками земель, ликвидации непосильных налогов и повинностей, устранения судебного и административного произвола, установления равноправия всех сословий. Не случайно французские историки Виллар, Лефевр, Сабуль, учитывая размах крестьянского движения во Франции и значение решения аграрных проблем в Европе конца XVIII в., называли Великую революцию – «жакерией»¹.

Можно с уверенностью говорить, что украинскому крестьянству французская революция была близка и понятна прежде всего ее главными целями и методами их достижения. Сожженные замки и разоренные поместья, как и другие «картины» народного бунта во Франции, были знакомы и крестьянам Украины, подвергавшимся социальному и национальному гнету. Поэтому они не только интересовались событиями, происходившими в период революции во французском обществе, но и были готовы, подражая французам, подняться на борьбу за свои собственные права и свободы.

Сведения о начавшейся во Франции революции проникали в украинскую деревню разными путями: от работавших в других помещичьих имениях; от крестьян, возвращавшихся из городов с отходных промыслов; от солдат и офицеров, квартировавших в деревнях; от учителей, репетиторов, священников, служащих и других, знакомых с русской и французской периодиче-

ской печатью. Некоторые из них были не только осведомлены о революционных событиях во Франции, но и призывали крестьян последовать ее примеру. Так, полтавский сельский дьяк Романовский говорил своим прихожанам: «Во Франции все свободные ... сие когда б и у нас скорее сбылося».²

О настроениях, царивших в России на начальном этапе французской революции, сообщается в дипломатическом донесении от 8 ноября 1789 г., направленном в Париж. В документе подчеркивается, что «крестьяне... готовы сбросить иго своих господ-тиранов... многие из них плакали от радости, узнав, что король Франции признал конституцию...»³. Можно с известной долей уверенности говорить, что крестьянство Украины, как и всей Российской империи, одобряло и разными способами поддерживало революционные события во Франции.

Документальных доказательств, подтверждающих этот вывод, не много: украинские крестьяне дневников не вели, мемуаров не писали и личной переписки для исследователей не оставили. Скучны и архивные материалы органов принуждения России о влиянии событий во Франции на крестьян. Однако в исторических документах сохранились факты о том, что украинских крестьян, симпатизировавших французской революции, подвергали различным экзекуциям: сажали в тюрьмы, отправляли на каторгу безо всякого суда и следствия. Еще одним доказательством проявления симпатий к французской революции со стороны украинских крестьян являются их антикрепостнические выступления этого периода.

Борьба украинского крестьянства против национального и крепостнического гнета царизма в годы революции во Франции была разнообразной, но наиболее яркая ее страница связана с событиями в селе Турбаи Градижского уезда Екатеринославской губернии. Еще в 1776 г. это село купили помещики Федор и Андрей Базилевские, жестоко эксплуатировавшие и унижавшие крестьян. В ответ на это турбаивцы начали настойчиво добиваться от местных и центральных властей возвращения им положения казаков. В 1788 г. Сенат принял решение о переводе в положение казаков всего 76 турбаивских семей, хотя за 50 лет до этого в казацком реестре было записано около 2,5 тыс. жителей села. Недовольные сенатским решением крестьяне в начале 1789 г. отказывались выполнять барщину и создали свое сельское самоуправление. Для «рассмотрения дела о *казацтве* турбаивцев» и расправы с крестьянским движением в мае 1789 г. в село прибыл Готвенский нижний земский суд с войсками. Крестьяне решительно заявили судьям, что все они казаки и что Базилевские не имеют права требовать от них выполнения барщины. Когда представители власти с помощью войск приступили к арестам, крестьяне 19 июня 1789 г. подняли вооруженное восстание⁴. В этот период помещики Базилевские пишут в Петербург к императрице, что среди крепостных наблюдается стремление к истреблению дворян «и всеобщая склонность к праздной и безначальственной жизни»⁵.

В ходе восстания крестьяне, вооруженные вилами, косами, пиками и другим холодным оружием, напали на поместье, где заседал земский суд, разгромили его, избив и посадив под стражу судебных чиновников; затем перебили всю семью помещиков Базилевских, уничтожили их имение, а имущество поделили между собой⁶.

На протяжении почти четырех лет в восставшем селе действовало самоуправление, все общественные дела разрешались на общем собрании, исполнительскую власть осуществляли выборные атаманы, судья и писарь. Вокруг Турбаёв были выставлены постоянные караулы. Для укрепления своей обороноспособности восставшие закупили около 300 винтовок. На общем собрании села было решено: «Хоть всем умереть, а не поддаться»⁷.

Территория восстания постепенно расширялась за счет поддержки соседних сел (Кринки, Остапье, Очеретоватое). В Градижске турбаивцы напали на уездную тюрьму, разгромили ее, освободили 16 заключенных в ней односельчан и других, а также захватили оружие охраны. В соседние села восставшие посылали агитаторов, под воздействием которых их жители

также не признавали власть наследников убитых Базилевских; самих же наследников принудили покинуть пределы имения⁸.

Примеру турбаивцев следовали крестьяне не только окрестных, но и далеких сел. Так, помещица Тройницкая, чьи владения располагались близ Кременчуга, в июне 1784 г. писала прокурору Екатеринославской губернии: «...в крайнем моем прискорбии и в привеликом утешении от солошевских поселян нахожусь без всякой защиты... которые хотят поступить как с Базилевскими»⁹. В подобном положении оказались в то время и помещики ряда других регионов Украины. Так в течение четырех лет восставшие турбаивцы наводили страх и панику на окрестных землевладельцев.

Узнав о начале восстания в Турбаях, императрица Екатерина II приказала военной силы для его подавления временно не применять, поскольку не без основания опасалась, что небольшой отряд правительственных войск будет обязательно разбит крестьянами, а это может привести к распространению бунта на другие районы. Вся армия в тот период находилась на фронтах войн со Швецией и Османской империей. Вынужденная действовать мирными средствами императрица приказала екатеринославскому губернатору выставить караулы вокруг Градижского уезда и не выпускать восставших за его пределы. Губернаторы всех губерний Украины обязаны были в случае появления на вверенных им территориях представителей восставших из Турбаёв немедленно их арестовывать и отправлять в суд¹⁰.

Екатеринославскому губернатору В.Каховскому было приказано попытаться уговорить восставших выдать вожаков для привлечения их к ответственности, обещая за это крестьянам прощение. Однако все усилия многочисленных царских deputаций, в том числе и самого губернатора, закончились безрезультатно.

Весной 1792 г. В.Каховский и наместник императрицы князь Потемкин-Таврический предприняли попытку изолировать восставших путем переселения всех жителей села Турбаи в причерноморские степи. Однако крестьяне категорически отказались подчиниться этому решению. Они заявили, что готовы умереть на месте, но никогда и никуда переселяться не станут¹¹.

Мужество и решительность жителей восставшего села еще больше усилили страх и озабоченность властей. В деятельную переписку с целью подавления бунта, помимо местного административного аппарата, были втянуты власти всех украинских губерний, князь Потемкин, командующий войсками Суворов, генерал-прокурор России Самойлов, правительствующий Сенат, а императрица Екатерина II от начала до конца восстания пристально следила за его развитием.

Весной 1793 г. наконец появилась возможность направить в Турбаи необходимое количество войск с артиллерией. Однако для подавления восстания была использована хитрость. Крестьян убедили в том, что войска останутся в селе только для ремонта обозов и выпечки хлеба. Коомандиру карательного войска предписывалось сразу не приступать к выполнению приказа об аресте главарей восстания, а выждать время, войти в доверие к крестьянам.

Уловка царских сатрапов удалась. Восставшие поверили легенде и даже разрешили расквартировать солдат по хатам. Так, без боя было оккупировано восставшее село, арестованы все вожаки, и дальнейшее сопротивление стало невозможным. Над участниками восстания была устроена расправа: 400 человек были арестованы и оказались на скамье подсудимых, семь вожаков были осуждены на смертную казнь, около 200 человек приговорены к различным срокам каторги и тюрьмы. В Турбаях была проведена показательная казнь.

После расправы над восставшими всех жителей Турбаёв разбили на две группы и под конвоем отправили на жительство в разные районы Херсонской и Таврической губерний. Все, что осталось от села, было передано помещикам Базилевским, а само село уничтожено и перепахано¹². Поселение, которое возникло значительно позже на месте пепелища, получило на-

звание Скорбное. И лишь в апреле 1919 г. ему было возвращено давнее название села – Турбаи.

¹ См.: Willard G. et. C. Formation de la nation française Paris, 1955; Lefebvre G. Etudes sur la Revolution française. Paris, 1954; Sabut A. La Revolution française 1789–1799. Paris, 1951.

² Коваленко Л. О влиянии французской революции на Украину // Вопросы истории. 1947. № 2. С.84.

³ Recueil des instructions donnees an ambassadeurs et ministeres de France depuis le traite de Westphalie jusqu'a la revolution française Russie. Paris, 1890. T.2. С.519.

⁴ См.: Радянська енциклопедія історії України. Київ. 1972. Т.4. С.307.

⁵ Гужвій І. О. Повстання селян в Турбях (1789–1793). Київ, 1950. С.102.

⁶ См.: Повстання селян в селі Турбях (1789–1793). Матеріали до історії селянських повстань на Україні. Київ, 1932. С.30.

⁷ Гужвій І. О. Указ. соч. С.95.

⁸ Там же. С.101.

⁹ Там же. С.104.

¹⁰ См.: Повстання селян в селі Турбях (1789–1793). С.31.

¹¹ Там же. С.54.

¹² Там же. С.130, 138.

О.Н.ЗАХАРЧУК (КИЕВ)

РОЛЬ И МЕСТО СИЛОВОГО ФАКТОРА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

Наполеон Бонапарт выступал на исторической арене как государственный деятель, полководец, дипломат, законодатель и даже политический публицист. Но несмотря на многогранность, его деятельность отличается активным использованием силы для реализации своих планов. При помощи силы Наполеон пришел к власти, силовыми методами создавал свое государство, строил отношения с разными общественными организациями и церковью, расправлялся со своими врагами и оппозиционерами или просто критиками. К силе он обращался и во внешнеполитической деятельности.

В принципе, использование в той или иной мере силы свойственно всей известной человечеству истории межгосударственных отношений. В качестве категории международных отношений сила определяется как возможность одного государства влиять на поведение другого, на ход международных событий в желательном для себя направлении. Сила была (и, к сожалению, остается) главным оружием и основой успеха и престижа нации на международной арене. Одновременно сила характеризуется как взаимоотношение двух субъектов в мировой политике, когда один из них может оказать какое-либо воздействие (вплоть до полного уничтожения) на другой¹. Этот общеизвестный принцип международной политики был превращен Наполеоном в абсолют.

Внешнеполитические замыслы Наполеона расширяются по мере укрепления его власти. Будучи первым консулом, а затем императором, он планирует переделку Европы под эгидой Франции. Согласно его планам, Англия как главный противник «должна быть сокрушена»², Германия поделена на вассальные государства, где влияние Франции и его императора должно быть абсолютно³; должно быть обеспечено господство Франции на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Такие геополитические планы Наполеона предопределили не только активность его дипломатии, но и приобретение ею нового качества, из-за которого наполеоновскую дипломатию можно определить современными терминами – «дипломатия с позиции силы» или «силовая дипломатия».

Истоки формирования силового характера дипломатии Наполеона можно искать в его характере, воспитании, образовании и в его военной карьере. Однако анализ его внешнеполитической деятельности позволяет утверждать, что в ее основе лежат все же объективные факторы: во-первых, силовая политика свойственна всей предыдущей истории человечества и тому периоду, когда жил и действовал Наполеон Бонапарт; во-вторых, сило-

вые методы были своеобразным наследием Великой французской революции, лидеры которой во внешней политике широко использовали силу для утверждения своих идей; и, в-третьих, наполеоновские экспансионистские планы невозможно было реализовать без применения силы.

Силовые методы дипломатии Наполеона можно условно поделить на военные и невоенные. К военным методам можно отнести: утверждение своих геополитических принципов на основе успеха предыдущих военных кампаний; создание реальной или мнимой военной угрозы для оказания давления на партнера по переговорам; военное давление на противника через третьи страны путем посылки в эти страны военных советников, спецалистов, оружия.

Влияние военного фактора на внешнеполитическую деятельность Наполеона обусловило ее силовой характер. Не зря российский исследователь Ю.В.Борисов, автор биографии выдающегося дипломата наполеоновских времен Талейрана, выделил главу под названием «Дипломатия кулака». И действительно, «кулак» как способ ведения переговоров – основной признак наполеоновской дипломатии.

К характерным чертам внешнеполитической деятельности Наполеона следует отнести демонстрацию военной мощи, сосредоточение военной силы на границах соседних государств, распространение слухов о военных акциях, в том числе и о военном вторжении. Часто это было блефом, так как на самом деле применение военной силы не предусматривалось.

В оценке места и роли военной силы во внешней политике Наполеон исходил из того, что вооруженные силы Франции уже самим фактором своего существования, уровнем мощи способны оказать значительное воздействие на политику других государств. В связи с этим он придавал большое значение созданию должного впечатления о военной мощи Франции. Он исходил из убеждения, которое господствовало тогда в мире: военная мощь служит основным показателем силы и престижа государства.

Ярким примером использования Наполеоном угрозы силой может быть ситуация, которая сложилась во время австро-баварского конфликта после занятия в 1802 г. Австрией Тироля. Это создало угрозу, с одной стороны, союзной Франции Баварии, а с другой, – Итальянской республике. В это время Наполеон не имел намерений воевать с Австрией. Понимая, что Австрия после поражений при Маренго и Гогенлиндене в 1800 г. сама на войну с ним не отважится, он для поддержания здесь влияния Франции решил прибегнуть к угрозе применения военной силы. Австрийское правительство получило сообщение по дипломатическим каналам, что «сорок тысяч французов вступят в Германию, если Австрия не отменит принятые меры и не отзовет свои войска»⁵. Хотя для подобной операции было мало сил, однако демарш себя оправдал. Австрия распустила свою тирольскую армию и прекратила вторжение в Баварию.

Однако демонстрация военной силы не всегда себя оправдывала. Так, не оправдался военный шантаж против Англии в 1803 г. в связи с ее нежеланием уходить с о. Мальта. Наполеон тогда угрожал: «если Англия будет продолжать настаивать на владении Мальтой, то он ей немедленно объявит войну»⁶. Однако Англия не только не уступила эту территорию, но и стала инициатором создания очередной антифранцузской коалиции.

Интересным для характеристики силовых методов Наполеона во внешней политике было дело польского магната Городинского, который в 1807 г. подал на имя Наполеона проект помощи со стороны польских магнатов французской армии, если она двинется на Украину. Наполеон проявил значительный интерес к этому плану. В письме к Талейрану он писал: «Это была бы очень полезная диверсия, и я бы мог даже ее поддержать»⁷. В разговорах с Талейраном Наполеон несколько раз касался возможности рейда французской армии на Волынь и Подолье, он даже обещал полякам, что отошлет 30 тысячную армию под командованием маршала А.Массены на молдавско-украинскую границу. В действительности Наполеон хотел этими

проектами только напугать Россию. «Я буду, — писал он, — очень доволен, если эти слухи дойдут до российского командования»⁸. Он достиг своей цели. Российское правительство было обеспокоено такими планами относительно украинских земель и было вынуждено держать на юго-западном направлении значительные вооруженные силы.

В своей внешнеполитической деятельности Наполеон часто использовал метод силового давления на противника через третьи страны (Турция против России и Австрии; Иран против Англии и России). Делалось это путем отправки в эти страны военных советников, специалистов, оружия. Таким образом, создавалась реальная или мнимая угроза создания новых театров войны против государств—участников антифранцузских коалиций. Организованные Наполеоном миссии в Турцию и Иран состояли из образованных специалистов, знатоков Востока. Среди них в первую очередь следует выделить генерала О.Себастиани (был направлен послом в Турцию в 1806 г.) и генерала А.Гардана (был направлен послом в Иран после подписания в мае 1807 г. союзного договора между Францией и Ираном).

Важное место в силовом давлении на государства Европы играли военные грабежи, военные контрибуции, какие накладывались на побежденные государства и завоеванные территории. Угроза военных контрибуций в пользу Франции постоянно применялась во внешнеполитической деятельности времен Наполеона. Сама угроза подобного наказания часто предостерегала другие государства от действий, направленных против Франции. Уплата контрибуций наносила удар по экономике возможных противников.

Для достижения своих внешнеполитических целей Наполеон наряду с военными мероприятиями и методами использовал и невоенные. Невоенными методами «силовой дипломатии» были: политико-дипломатические меры; экономические санкции; финансовые диверсии, например печатание иностранных фальшивых денег; идеологические диверсии; шантаж и провокации против отдельных политических деятелей (например, дело герцога Энгиенского в 1804 г.)⁹.

Политико-дипломатическая деятельность занимала большое место в жизни Наполеона — генерала, первого консула, императора Франции. Каждая война заканчивалась мирными переговорами, в каких он участвовал лично или его дипломаты действовали по полученным от него инструкциям. И во время войн, и в период перемирий не прекращалась постоянная дипломатическая работа, в которой четко проявлялись силовые наклонности власти Наполеона. Диктат, ультиматумы, угрозы, натравливание своих противников друг на друга, игра на противоречиях государств антифранцузских коалиций, какие иногда он сам пытался создать, политика кнута и пряника, тактика угроз и уговоров, шантаж и провокации — все это было в арсенале наполеоновской дипломатии.

Важное место в дипломатии Наполеона занимали переговоры, которые он использовал как рычаг воздействия на международные дела. Переговоры он рассматривал как политический торг, в ходе которого оправданы любые приемы, позволяющие их участнику обеспечить себе выигрыш за счет другой стороны. Во внешней политике Наполеон всегда отдавал предпочтение двусторонним отношениям с другими государствами Европы, стремясь не допустить создания единого антифранцузского фронта. До последнего года своего пребывания у власти он не соглашался на проведение международных конгрессов, где Франция смогла бы встретиться с коалицией ведущих европейских государств. Поэтому наполеоновская дипломатия более всего стремилась к сепаратным переговорам, где Наполеон, опираясь на предыдущие военные или политические победы, мог бы с помощью шантажа и угроз диктовать свои условия.

Методы дипломатии, применяемые Наполеоном при ведении переговоров, нередко давали ему непосредственный выигрыш, но достигнутые таким образом преимущества оказывались шаткими, временными, неустойчивыми, так как слишком грубо попирались интересы другой стороны. Часто

для оказания внешнеполитического воздействия на своих противников Наполеон использовал такое средство давления, как ультиматум, который действительно стал универсальным инструментом наполеоновской дипломатии. Так, 17 октября 1812 г. была подписана русско-прусская союзная военная конвенция, направленная против Франции¹⁰. Наполеон, узнав о секретных переговорах Пруссии с Россией через своего посла в Берлине Сен-Морсана, предъявил ей ультиматум: или Пруссия немедленно заключает союз с Францией, или за дальнейшие последствия он не ручается. Какие это могли быть «последствия», прусский король хорошо знал: разгром войск Пруссии в 1806 г. под Иеной и Ауэрштедтом научил его многому. В результате русско-прусская союзная конвенция не была утверждена, а 24 февраля 1812 г. был заключен франко-прусский союзный договор и подписана конвенция¹¹.

Для достижения стратегических задач Наполеон использовал существующие или искусно созданные им противоречия между противниками. Кинуть «яблоко раздора» в ряды своих соперников было одной из основных задач его дипломатии. Так, 15 февраля 1806 г. Наполеон заключил новый договор с Пруссией, согласно которому последняя должна была занять своими войсками Ганновер – наследственное владение английских королей и запретить английским судам заходить в порты Северной Германии¹². Этим договором было вызвано не только недовольство Англии. По существу, ни Англия, ни Швеция, ни тем более Австрия, давний соперник Пруссии, вплоть до 1813 г. так и не преодолели своего недоверия к Пруссии.

Таким образом, политико-дипломатические инструменты наполеоновской дипломатии дополняли военные успехи. Они служили экспансии Франции, обосновывали «закономерность», «легитимность» захватов первого консула, а потом императора Франции, утверждали его позиции как основателя новой европейской династии.

Кроме политико-дипломатических инструментов, Наполеон широко использовал экономические санкции. Высшая форма – континентальная блокада, которая являлась системой экономических и политических мер, направленных на подрыв и разрушение экономики Англии. Как отмечал Е.В.Тарле, Наполеон при этом преследовал две основные цели: 1) экономически разорить Англию; 2) избавить французскую промышленность от английской конкуренции на рынках континентальной Европы¹³.

Неотъемлемой частью континентальной блокады стала практика дипломатической блокады. Наполеон стремился создать нетерпимые условия для деятельности посольств, представительств и миссий Лондона на континенте. Так, в письме от 26 августа 1807 г. он сообщал послу Франции в России А.Савари, что «нужно выгнать с континента всех английских представителей и даже арестовать отдельных личностей»¹⁴.

Для силового давления использовались идейно-психологические средства. Примером могут служить планы Наполеона относительно украинских земель, входящих в состав Российской империи. Для Наполеона было важным создать угрозу России на ее юго-западе, чтобы отвлечь значительные силы русской армии от места нанесения главного удара. Его надежды были связаны с сообщениями тайных агентов Франции, действовавших на Украине, о слабости расположенных здесь российских войск, о готовности населения перейти на сторону Франции. Учитывая такие сообщения, Наполеон, как подчеркивал французский историк А.Вандаль, «надеялся поставить Россию в то положение, в каком была французская армия в Испании и республиканская во времена Вандеи»¹⁵. Некоторые сообщения этого времени подтверждают небезосновательность наполеоновских надежд. В Центральном государственном историческом архиве Украины имеются интересные материалы, в которых освещается подрывная деятельность французских агентов и эmissаров на украинской территории. Так, в течение 1811 г. поступали сведения о поджогах в разных городах и уездах Украины. В июле 1811 г. в Киеве сгорел почти весь Подол. В рапорте Александру I и минист-

ру полиции киевский военный губернатор М.А.Милорадович сообщал, что среди жителей города ходят слухи, будто видели, как некоторые дома были специально подожжены, и сделали это французы и поляки¹⁶. По сообщению М.Милорадовича, приходили сведения о поджогах, задерживались подозрительные люди, некоторые из них признавали себя поджигателями¹⁷. Есть косвенные данные, что эта кампания диверсий проводилась по плану французского руководства поляками, которые прибывали на Украину из Варшавского герцогства¹⁸. Это была форма психологического давления на Россию накануне войны.

Однако, как показала практика дипломатии Наполеона, «силовые» методы эффективны только в краткосрочной перспективе. С одной стороны, долговременные военные и невоенные мероприятия терпят поражения (Испания, континентальная блокада, Россия), а с другой, — успехи «силовой дипломатии» оказываются кратковременными и из-за того, что подписывающая неравноправные условия слабая сторона всегда готова отказаться от этих условий, так как они были приняты не добровольно, а под нажимом силы. В то же время политика Наполеона доказала, что дипломатические «успехи» на основе применения силы неизбежно порождают обратные процессы, создавая порочный круг конфликтности в межгосударственных отношениях.

¹ См.: Политология: энциклопедический словарь / Общ. ред. и составитель Ю.В.Аверьянов. М., С.48–49.

² См.: Coguelle P. Napoléon et l'Angleterre. Paris, 1904; Correspondance de Napoléon I. (Далее: Correspondance de Napoléon). Paris, 1862. V.10. P.100–101.

³ См.: Napoléon Bonaparte. Correspondance inédite officielle et confidentielle de Napoléon Bonaparte avec les cours étrangères, les princes, les ministres et les généraux français et étrangers, en Italie, en Allemagne et en Egypte. Paris, 1819. V.7. P.361–362.

⁴ См.: Mackesy P. The war in the Mediterranean. 1803–1810. Cambridge, 1957; Puryear V. Napoléon and the Dardanelles (1802–1815). Los-Angeles, 1951.

⁵ Цит. по: Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1906. Т.6. С.271.

⁶ Архив внешней политики Российской империи. Ф.187: Российское посольство в Париже, 1803. Оп.524, д.2, л.133.

⁷ Handelesman M. Napoléon et la Pologne 1806–1807 d'après les documents des Archives Nationales et les Archives du Ministère des Affaires Étrangère. Paris, 1909. P.128.

⁸ Correspondance de Napoléon. Paris, 1864. V.14. P.479.

⁹ См.: Bertrand J. Bonaparte et le duc d'Enghien. La duel des deaux France. Paris, 1972.

¹⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел (Далее ВПР). Серия 1 (1801–1815). М., 1962. Т.6. С.191.

¹¹ Там же. С.734.

¹² ВПР. М., 1963. Т.3. С.662.

¹³ См.: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1958. Т.3. С.497.

¹⁴ Политическая переписка генерала Савари во время пребывания его в С.-Петербурге в 1807 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1892. Т.83. С.45.

¹⁵ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи. Ростов-на-Дону, 1995. Т.4. С.436.

¹⁶ Центральный государственный исторический архив Украины в г.Киеве. Ф.533 Киевского военного губернатора, 1811. Оп.1, д.1379, л.1–2, 30.

¹⁷ Там же. Ф.533, оп.1, д.1484, л.1–15; д.1486, оп.1, л.1–2.

¹⁸ См.: Левицкий О. Тревожные годы. Очерки из общественной и политической жизни Киева и Юго-Западного края в 1811–1812 гг. // Киевская старина. 1891. №10. С.15.

С.В.ВОРОБЬЕВА

ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ Э.ЛЕВИНАСА

Анализ философской аргументации определенного мыслителя либо направления в философии играет значительную роль в осмыслении процесса теоретического мышления. Очевидно практическое значение такого рода рефлексии: философская аргументация, формирующая эталоны и способы осмысления, все в большей степени используется методологией. Аргументацию нельзя рассматривать как искусственно привносимую в философскую систему. Напротив, она имплицитно присуща сущности самой философской концепции, но при этом имеет свои локальные цели и способы их решения.

Неявность философского аргументативного процесса затрудняет экстрагирование его логических структур, типологий, условий истинности. Данная сложность в значительной степени определяется спецификой философского текста, который может быть назван скорее констатирующим (описательным), нежели доказательным. Но это не означает, что философский текст не порождает аргументативный дискурс. Выбор категорий философского мышления, риторических средств и приемов, уточнение содержания и объема используемых понятий, формулирование исходных посылок в виде проблематических (S может быть P), ассерторических (S есть P) или аподиктических (S должно быть P) в зависимости от возможности, действительности или необходимости событий, определение и осуществление процедур осмысления заданных структур – все это как раз и порождает то, что можно назвать аргументативным дискурсом.

Концептуализация философской аргументации, формирование ее понятийной структуры происходят в рамках вопрошания. Возможно несколько моделей: мысль сама себя вопрошает и сама себе отвечает (монолога), мысль „диалогизирует“ с Другим (диалогика). В первой модели философствования проблемное поле аргументации ограничено сферой репрезентации знания. Актуализация второй модели возможна только в интерсубъективном пространстве. Наиболее симптоматично аргументация коррелирует с такими феноменами интерсубъективного пространства, как коммуникация, общение, понимание. Именно диалог как метод позволяет удерживать в себе логические, герменевтические, эпистемологические, психолингвистические, деятельностные характеристики философской аргументации.

Центральной проблемой теории коммуникации Э.Левинаса является экспликация трансцендентальности бинарной оппозиции „Я–Другой“. „Движение к смыслу“ со своей системой регулятивов, тактическими схемами, методами, общими критериями методологического обоснования и опровержения создает аргументативный контекст трансцендентальной философии интерсубъективности и позволяет раскрыть сущность основной ее идеи – трансцендентальным может быть только диалог, но не сознание. Трансцен-

дентализм левинасовской диалогии сводится к поиску эйдетической формы коммуникации, локализующей в себе трансценденцию как уровень бытия, в котором субъект не принимает участия, но где имплицитно содержится его основа.

Э.Левинас понимает, что аутентичные коннотаты (смыслы) складываются только в тотальной системе. Целостность не допускает развития культа фрагмента, выделенного из континуума любого из возможных миров. Но, с другой стороны, он осознает опасность тотального подхода, не исключаящего исчезновения ценностной иерархии явлений и возможности их качественной дифференциации. Выступая против тотального логического дискурса с его культом эпистемической структуры „его“ и „Другого“ как предмета рефлексивного познания человека, Э.Левинас принимает в качестве „действительно философского“ этический метафизический анализ. Этика должна восполнить то, что „логика чистого разума“ и „физика природы“ оставляют на произвол судьбы. Конкретный индивид, а не „человек вообще“, „человеческий род“, должен быть представлен не как часть природы, а как субъект морального мира. Критическая способность человека позволяет понять „неразумность“ природы, заботящейся о роде, но не об индивиде. Подчиняясь природе и не будучи в силах преодолеть ее, человек создал свой собственный мир – мир культуры, морального долженствования.

Методология Э.Левинаса, основополагающаяся на значимости этического отношения как одного из основных структур бытия, „рассматривает ситуацию лицом-к-лицу в качестве последней ситуации“¹. Данная структура – это структура чистой возможности. Средствами онтологии нельзя разрешить проблемы, связанные с исследованием диалогического пространства, где разворачиваются этические отношения. Структурирование диалогического пространства сопряжено с выявлением метафизических уровней человеческого бытия, единственно возможная связь между которыми осуществляется в форме трансцендирования – преодоления собственного эгоизма, сосредоточенности на Другом. В результате смещения проблемного поля диалог из способа передачи смысла (в обычном понимании) трансформируется в способ смыслообразования, что собственно и открывает перспективы „онтологизации“ трансцендентальной коммуникации, каждый из участников которой „имеет значение другого“, „обусловлен другим“, „является значащим для другого“².

Аргументативный дискурс определяет стратегию поиска и понимания смысла диалога через оппозицию „Я–Другой“, „распредмечиваемую“ посредством дихотомий „тотальное–бесконечное“, „трансцендентальное–трансцендентное“. Траектория мысли Э.Левинаса определяется риторическими принципами релятивной инновационности (относительной новизны) информации и укорененности в основной и дополнительной топике (общее и конкретно-научной опоре на известное). В историко-философской традиции понимание многих категорий, используемых Э.Левинасом, поливариантно. Поэтому осмысление диалогии требует экспликации ее категориального аппарата и коррекции границ его применения.

Исходной точкой философских размышлений Э.Левинаса является понятие „тождество личности“ („Самость“), которое, однако, не отражает сущности человека. Феномен, репрезентуемый данным понятием, существует исключительно в интериорном измерении. Интуитивное определение тождества личности как сохранение духовной и физической целостности самой личности Э.Левинас не принимает, ибо видит тождество личности „в бытии того же самого – в бытии себя самого, в идентификации интериорного мира в распознавании того, каким он сам является и каким он сам не является“³. Сущность интериорности (замкнутости) сводится Э.Левинасом к безучастности, к извлечению „из нее самого смысла своего существования“. Данное бытие радикально обособленное „происходит из интериорного измерения“ и „сообразуется с судьбой Гегеза“⁴. Развитие древнего мифа о Гегезе – обладателе волшебного перстня, делающего его невидимым для людей, но не

мешающего ему видеть их – нашло свое продолжение в теории трансцендентального „Я“ Э.Гуссерля. Трансцендентальное „Я“ находится вне мира, является источником, конституирующим смысл этого мира и смысл бытия человека в этом мире. Оно, как мифический Гегез, не нуждается в вопросах, поставленных извне; оно само задает вопросы и само отвечает на них. Сознание трансцендентального „Я“ разворачивается исключительно в диалоге с самим собой благодаря способности „расщепляться“ на часть наблюдающую и часть наблюдаемую. Оно становится источником собственных содержаний. Такого рода ситуацию Э.Левинас характеризует как неестественную, так как она обосновывает нечто такое, что ей противоречит, более того, ее отрицает. Это невыполнимое присутствие Другого. И если философ принимает данную ситуацию в качестве одного из структурных элементов коммуникативного пространства, то она оказывается интегрированной в целый комплекс условий, обеспечивающих осуществление отношения лицом-к-лицу, а значит, данность другого.

„Самость“ – как обособленное бытие, и „Другое“ – как то, что это бытие превосходит (трансцендирует), коррелируют, производя таким образом „часть дискурса, т.е. конъюнктуру трансцендентности, разрывающую тотальность“⁵. Дискурсивная сущность данной близости сводится философом к тому, что „гегемония“ личности, замыкающейся всецело в собственном измерении тождественности, разрывается трансцендентностью другого, интерпретируемой как идея Бесконечности⁶. Базовые понятия философской аргументации Э.Левинаса – „тотальность“ и „бесконечность“ – являются дихотомическими, т.е. взаимоисключающими. Построение самой системы возможно только на основе конституирования трансцендентного по форме и по содержанию метафизического движения к Другому и пребывания Другого вне всякой возможности тотализации (образования трансцендентальной целостности) сознания и реальности, субъекта и объекта, субъекта и субъекта. Трансцендентальная сущность дискурса препятствует их полному слиянию в тотальную систему, в которой они утратили бы свою автономию вследствие аберрации интериорного и экстериорного измерений.

Дальнейшая интерпретация Э.Левинаса связана с трансформацией нереверсивности отношений интериорной и экстериорной сфер, т.е. „Самости“ и „Другого“, в асимметричность intersubjectных отношений. Асимметрия понимается как фундаментальная способность субъективности к моральной ответственности. Способность к трансцендированию как выходу за рамки „у себя“, „для себя“ можно описать лишь категориями этического дискурса. При этом „этика не оказывается приложением к прежней экзистенциальной основе; в этике, понимаемой как ответственность, завязывается сам узел субъективности“⁷. В начале встречи „для меня маловажным представляется то, кем другой является по отношению ко мне, – это его дело; для меня он прежде всего тот, за кого я несу ответственность“⁸. Взаимность, убежден мыслитель, – исключительная прерогатива ближнего.

При разработке собственной концепции Э.Левинас опирается на русскую традицию понимания ответственности, восходящей к Ф.М.Достоевскому: все люди ответственны друг за друга, а я в большей степени, чем другие⁹, „моя ответственность всегда превышает ответственность других“¹⁰. Открывается источник смысла бытия: отношение один-через-другого возможно исключительно благодаря отношению один-для-другого, императив которого заключается в беспредельной ответственности. „Встреча Другого есть сразу моя ответственность за него, – пишет философ. – Ответственность за ближнего, которая, несомненно, является высоким именем того, что называют любовью ближнего, любовью без Эроса, милосердием, любовью, в которой этический момент превосходит момент, внушаемый страстью, любовью без вожделения“¹¹.

Далее аргументация Э.Левинаса разворачивается посредством концептуализации практических регулятивов коммуникации. „Встреча является первоначальной и необходимой конъюнктурой значения языка: кто-нибудь,

говорящий „Я“, направляется к другому человеку“¹², – рассуждает философ. Э.Левинас интересуется: не превращается ли встреча при таком подходе в изложение собеседнику какого-либо факта. Событие встречи, интерпретируемое мыслителем как движение трансцендентности от одной личности к другой, олицетворяет непреодолимое отделение — переходную ступень к тишине либо к интерпелляции, а значит, к языку. Повествовательное направление отношения-с-другим подчиняется правилам традиционной логики, „логики тождества“, поглощающей трансцендентность данного отношения. Коммуникативная сторона этого отношения в аспекте *ipso facto* (сам делаю) будет восстанавливать трансцендентность самого повествования, предназначенного для Другого. Таким образом, Э.Левинас не сомневается в наличии невидимого трансцендентного движения даже за „языковой вуалью“ встречи.

Существенной стороной языка, с помощью которого реализуется требование познать и постичь Другого, является интерпелляция, т.е. обращение с вопросом. Но почему необходимо отвечать на вопрос? Данную проблему, как считает Э.Левинас, рационалистический монологический разум решить не в состоянии. Это способен совершить лишь разум диалогический, сущность которого необходимо понимать как силу суждения. Центр приложения этой силы философ находит именно во встрече с человеком, благодаря которой открывается истинная тайна бытия – ответственность как единственный путь приобщения к трансценденции. Ответственность – как определитель силы суждения – указывает на необходимость ответа на поставленный Другим вопрос, а также на способ ответа – при помощи слов или действий. Человек лишь частично повелевает собственной силой суждения. В сущности, полагает Э.Левинас, она овладевает им. Иначе: над субъектом постоянно довлеет трансцендентальный опыт этоса как совокупности нравственных императивов, имплицитно присущих интерсубъективному пространству. В соответствии с этим опытом человек, по своей природе открытый и устремленный к трансцендентности, оказывается способным к установлению коммуникации.

В противоположность монологическому мышлению, берущему начало в метафоре Гегеза как „условии, возможности несправедливости и эгоизма“, как „возможности принятия правил игры, но невыполнения их“¹³, Э.Левинас выдвигает альтернативное мышление, исходящее из другой метафоры – метафоры Мессии, с помощью которой развивается идея заложника. Мессия осуществляет двойственную роль: открытый для вопросов других, он постоянно предоставляет им ответы. Заложник, являющийся Мессией, становится, тем самым, учителем, философом, пророком. Быть заложником – значит уметь задерживаться до конца на месте Другого, отягощенного бедой. „Быть собой как условие существования заложника“ – это „иначе, чем просто быть“, это „принимать на себя беду и падение другого, даже ту ответственность, которую другой несет за меня“¹⁴, это актуализация темпоральности коммуникативной связи: „сейчас вы это не ощущаете, а через мгновение – будете ощущать“¹⁵.

Но Э.Левинас не питает никаких иллюзий относительно реальной жизни. Он понимает, что представленная концепция коммуникации далека от реальных межчеловеческих отношений. За пределами метафизической диалогичности „каждый является другим каждому. Каждый исключает всех других и существует отдельно“¹⁶. Часто это ведет к непредвиденным последствиям. Создавая теорию коммуникации с ее главной парадигмой об асимметричности отношений „Я–Другой“, философ не идеализирует ее. Он не отрицает, что „человеческий Индивид может проявлять негативность по отношению к собственной свободе“, выражающуюся в „исключении свободы других“, пренебрежении „новой взаимностью“. Это означает „возможную войну всех против всех“¹⁷.

Конфликтность тем не менее не становится основополагающим принципом теории коммуникации Э.Левинаса (как, например, философии

Ж.-П.Сартра). Очевидна попытка исследователя показать собственное видение идеальной основы личности как гаранта бесконфликтности в общении. Прежде всего – это свобода от чрезмерной сосредоточенности на собственном „я“, идентичная чувству ответственности. Ответственность как естественная идея обязанности приложима, в первую очередь, к ситуации появления другого человека. Исключительная роль последнего в диалогическом пространстве определяет модальность „обращенности“ Я к Другому, даже теоретически не допускающей возможности конфликта, определяет основной социальный ориентир. Такого рода интенция предполагает развертывание аргументативного дискурса в контексте апофантического, т.е. с элементами пожелания, размышления.

Таким образом, в известной степени умозрительно-антропоморфная „конструкция“ теории коммуникации Э.Левинаса представляет собой не только метафизические рассуждения, сопровождающиеся определенной долей скепсиса по отношению к онтологии. Необходимо понять замысел, прогнозирующее начало, конечный (возможно, асимптотический) предел замысла, иерархии подтем и субподтем, задающих необходимые уровни развертывания замысла в философских текстах, а тем самым определяющих и его структуру. Основные информационные файлы (ассоциаты) выстраиваются Э.Левинасом по взаимоисключающим направлениям: Я–Другой, тотальное – бесконечное, трансцендентальное – трансцендентное, образ мышления Гегеза – образ мышления Мессии, эгоизм – ответственность за другого, обычное желание – метафизическое желание и др. Контекстуально определяя и уточняя их смысл, Э.Левинас инспирирует их значения и распространяет на многие области гуманитарного знания, прямо или косвенно причастные к выработке определенных стереотипов сознания, норм поведения, механизмов регулирования межсубъектных отношений, модусов коммуникации. Поэтому непосредственно методологическая парадигма философской аргументации в диалогике Э.Левинаса вырастает из анализа концептов диалога как смысловых квантов межличностной коммуникации, которые в зависимости от условий трансформируются в различные „гештальты“ диалогического пространства.

¹ Lévinas E. Totalité et Infini. Essai sur L'Extériorité. Quatrième éditions. Dorebrecht, 1988. P.53.

² Lévinas E. En découvrant l'existence avec Husserl et Heidegger. Paris, 1964. P.225.

³ Lévinas E. Totalité et Infini. P.265.

⁴ Ibid. P.62.

⁵ Ibid. P.52.

⁶ Ibid. P.18–23.

⁷ Lévinas E. Ethique et Infini. Dialogues avec Ph. Nemo. Paris, 1982. P.101.

⁸ Philosophie, justice et amour. Entretien avec Emmanuel Lévinas // Esprit. 1983, № 8–9. P.9.

⁹ Ibid. P.11.

¹⁰ Lévinas E. Ethique et Infini. P.103.

¹¹ Philosophie, justice et amour. P.8.

¹² Lévinas E. Autrement que savoir. Paris, 1988. P.68.

¹³ Lévinas E. Totalité et Infini. P.148.

¹⁴ Lévinas E. Autrement qu'être ou au-delà de l'essence. La Haye, 1974. P. 150.

¹⁵ Lévinas E. Totalité et Infini. P.98.

¹⁶ Lévinas E. De l'unicité // Archivio de Filozofia. ANNO LIV, 1986, № 1-3. P.301.

¹⁷ Ibid.

В.Н. СЕМЕНОВА

КРИТИКА СУБЪЕКТА И ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В «ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ» М. ХАЙДЕГГЕРА

Одной из основных проблем, занимавших немецкого мыслителя Мартина Хайдеггера (1889–1976), является проблема человеческой субъективности. Хайдеггер выступает против понимания сущности человека как субъек-

та, которое берет свое начало с cogito Декарта. Понятие субъекта не выражает, по мнению Хайдеггера, подлинной сути человека.

Критическая аргументация Хайдеггера направлена прежде всего против самореферентного субъекта, определенной привилегированной позиции абсолютного наблюдателя, сосредоточенной на фигуре субъекта. Господство субъекта в познании и культуре ведет к осмыслению сущего вне бытийных основ, к антропологической стратегии, направленной на овладение сущим. В результате такого подхода мир становится «картиной мира»¹, миром-объектом, системой, замкнутой в себе.

Втянутость субъекта в процесс представления, ситуация, когда он становится мерой всех вещей, позволяет фиксировать и закреплять центральное, срединно-сопрягающее положение человека. Это, по мнению Хайдеггера, ведет к антропоцентризму и опасности антропологизации мира, к еще большему забвению бытия.

Мышление человека как субъекта оказывается парадоксальным образом втянутым в логику нигилизма. Человек в период господства техники сам становится частью поставляющего производства, превращаясь из господина сущего в беспредметный наличный материал, человек-субъект становится даже не человеком-объектом, а просто «наличным материалом»².

Свою задачу Хайдеггер видит в том, чтобы «пробудить» человека от антропологического забвения и тем самым освободить его от власти субъекта. Возможная «антропология», полагает философ, может быть только антропологией без субъекта³.

В своей главной работе «Бытие и время» (1927) Хайдеггер пытался доказать, что предназначение человека состоит в том, чтобы быть не независимым и центральным единством всех познавательных и ценностных возможностей, а «быть на земле», так как самым изначальным в человеке является его конечность, временность. Хайдеггер возвращается к осмыслению того, что человек живет на земле, и что не технически организованный мир определяет его — пространство самой жизни.

Поздний период творчества философа также остается в кругу этих проблем. Хайдеггером формулируется концепция мира «четверицы» (Geviert). Человеческое существование на земле определяют модусы повседневной жизни: строить (bauen), жить (wohnen), мыслить (denken). Человек существует и обретает себя как раз в границах этих модусов, а опыт человеческой жизни развивается в поле игры божественного и смертного, земного и небесного, в пространственности мира «четверицы»⁴. Философ выстраивает своеобразную топологию бытия, причем эта топология расходится с метафизическими приоритетами, которые ищут смысл человеческого существования вне земли, «почвы», в «высоте» (Бог) или «глубине» (глубины человеческого сознания, «самость»).

Хайдеггер пытается обнаружить смысл на «поверхности» и видит его как раз в принадлежности человека земле, «почве», в его укорененности в мир «четверицы», возможность которой определяется тем, что человек конечен, ограничен пространством и временем. Человек принадлежит пространству, он сращен с ним, существует в нем. Подобная «при-пространственность» позволяет человеку не быть ни господином пространства, ни его рабом, но принадлежать «власти священных пространств», пространству безвластия — принадлежать «почве», «земле», «основе»⁵.

Сращенность человека с пространством осуществляет иную жизненную стратегию по отношению к миру и бытию — стратегию «близости», в отличие от метафизической стратегии «захвата» взглядом, стратегию отдаления, опосредования, представления.

Пространственность определяется не удаляющим взглядом, а близостью человека к бытию. «Близость» создает человеческий мир, а не образ или картину мира. Этот мир ацентричен: человек не занимает здесь господствующего центрального положения; этот мир беспредметен, он не нуждается в предметном соотношении с сущим: «мир мирует». Именно через этот

мир, созданный чувством «близости», изначальной заброшенностью в пространство бытия, человек получает возможность связи с бытием, существования «вблизи» бытия, тем самым человек раскрывает смысл бытия и обретает смысл своего собственного существования.

Мир «четверицы» (божественное-земное-небесное-смертное) дает пространству возможность быть открытым. Пространство вбирает в себя все события человеческого существования, мир «четверицы» открывает человека, делает подлинным и свободным его существование. Мир «четверицы», где самую важную роль играет элемент «земли» («почвы», «основы»), с его ландшафтным и «провинциальным» (без центра) пространством «близости» формирует скрытый, не видимый, а слышимый голос бытия, формирует мир, в котором может и должен, по мнению Хайдеггера, строить, жить и мыслить постметафизический человек.

Хайдеггером создается и разрабатывается своеобразная мифология языка и одновременно мифология человека. Мир «четверицы» — это своеобразный мир мифа, которому принадлежит двойственное единство говорения и слушания, когда сам слушающий становится частью слушаемого (в результате процедуры «вслушивания-в», «внятия-в» (*Hörchen*)), проникается гармоническим соответствием бытия и сказанного слова и через слово приходит к бытию вещи, раскрывает сущее как оно есть.

В этом мире человеку не отводится какая-то особая роль и определенный статус; здесь существо человека мыслится в мифологическом симбиозе языка и бытия. Язык, человека и бытие сближает необходимость, их изначальная взаимосвязь и взаимообусловленность, единство, которое является фундаментальной основой сущего.

Мышление позднего Хайдеггера оказывается, таким образом, мифологичным по своей природе, так как оно нацелено на то, чтобы всегда быть «позади» и «вне» исторического времени⁶, чтобы быть погруженным в бытие, в архаичные языки Древней Греции и Германии. Человек Хайдеггера не имеет будущего; он нацелен не на будущее, а на прошлое, на «истоки», «первоначало» как древнейшее древнего.

Подобная трактовка подлинной сути человека связывает Хайдеггера, как это ни парадоксально, с метафизикой, которую последний жестко критикует и пытается преодолеть. С метафизикой связывает философа внутренний просвещенческий идеал его проекта человека.

Хайдеггер полагает, что изначальное человек принадлежит некоему естественному (истинному, аутентичному) природному состоянию. Это состояние характеризуется изначальной захваченностью человека бытием, его втянутостью в бытие, взаимосвязанностью и взаимонеобходимостью бытия и человека, которые выражаются в термине *Dasein* — «бытие-вот», «бытие-здесь», нахождение в «просвете бытия».

Отрицанием и разрушением этого «невинного» состояния выступает, с точки зрения Хайдеггера, история западноевропейского мира, развитие цивилизации. Для преодоления этого «греховного» положения современной культуры Хайдеггер не предлагает снова «вернуться в пещеры». Философ строит проект приобщения к бытию через язык искусства.

Однако сам факт построения этого проекта уже свидетельствует о внутреннем оптимизме и желании подняться над предрассудками эпохи. Хайдеггер пытается встать на позицию надвременного абсолютного наблюдателя, который в силу своей внеисторичности обладает свободой, независимостью и объективностью суждения, и, следовательно, истинным «знанием». С одной стороны, Хайдеггер критикует подобную позицию Декарта и всех представителей метафизики, но, с другой, он сам постоянно оказывается влеком идеей очистить человека от социальности и историчности.

То царство неподлинности, которое отвергает философ (*das Man*, мир усредненности, всеобщности, анонимности, мир повседневности), и есть, по сути, та единственная реальность, которой обладает человек. Это то социальное, историческое, обусловленное местом и временем, эпохой, положением человека, та ситуация, в которую он изначальное заброшен.

Дискредитация таких модусов человеческого существования, как «болтовня», «двусмысленность», «падение», которые являются неизбежными элементами данной эпохи, общая критика и отрицание повседневности ведут к отрицанию историчности человека. В растворении человека в непреходящей априорной истине бытия виден аналог просвещенческого идеала внеисторичного субъекта. Человеку в обоих случаях удается узурпировать, захватить центральное место в пространстве истины.

И если у Хайдеггера человек (в отличие от Декарта) не является автономным и автореферентным самодостаточным субъектом, то, в своей принадлежности к бытию, он все же получает санкцию на истинность и на выстраивание ценностной иерархии по отношению к самому себе как части этой истины. Однако, с другой стороны, Хайдеггер принадлежит и к постметафизическим философам, «новым философам» — провокаторам. Он является одним из тех, кто невольно санкционировал идею «смерти субъекта» и «смерти человека».

В том же анализе мира (*das Man*) Хайдеггер дает точное описание современного существования как мира, так и человека. Современность захвачена озабоченностью настоящим, нацеленностью на наличные предметы, на преобразование мира. Эта нацеленность анонимна и безлика, таким образом и современный мир становится безличным и анонимным. В нем нет и не может быть субъектов действия, здесь никто ничего не решает и поэтому не несет никакой ответственности. В современном мире профанного и повседневного исчезает свобода; здесь всё строится на желании стать «как все», на практике отчуждения. В этом мире личность умирает, индивидуальность растворяется в усредненности⁷. Однако, несмотря на отрицание и критику этого неподлинного мира, Хайдеггер все же подмечает важную тенденцию исчезновения всех метафизических основ, фундамента всей предыдущей философии и всей предыдущей жизни.

Мир XX века парадоксальным образом строится и «живет» в какой-то атмосфере беспочвенности, в состоянии подвешенности, когда уже не работают старые «ценности», а новые не только не продуцируются, но и сама постановка проблемы абсолютных «ценностей» рассматривается как «старая ценность» и больше не имеет смысла. Более того, эта беспочвенность перестает рассматриваться как отсутствие чего-то, она приобретает «положительный» продуктивный характер.

На размышление о преодолении метафизики, о «смерти человека» может натолкнуть и тональность хайдеггеровского мышления. Поздний Хайдеггер пытается исключить философствование из антропологической, этической, эпистемологической и эстетической плоскости и обнаружить сущность философского мышления в стилистических особенностях самого языка. Язык хайдеггеровских текстов анонимен. Непонятно, кто говорит, кому говорят, размыт или совсем отсутствует адресат. Эта анонимность представляет собой радикальный ход, направленный против антропологизма.

За анонимностью языка у Хайдеггера можно обнаружить размывание, разрушение субъекта, носителя языка. Автор больше не является ответственным голосом, возвещающим посредством ткани текста принадлежащие ему истины. Автор (философ, поэт) не обладает более собственностью на язык. Язык становится самовластным, а автор умирает. В произведениях искусства или мысли говорит сам язык, само бытие как нечто лишённое индивидуальных человеческих характеристик. Личностные особенности автора исчезают, он превращается в «медиума», который не несет ответственности за написанное и не обладает собственностью на интерпретацию.

Растворяясь в анонимности, человек одновременно исчезает в молчании. Хайдеггер смещает акцент с говорения на слушание; в процедуре «вслушивания» человек должен растворить себя, превратиться в своеобразный орган понимания — ухо. Говорит не человек, а язык, причем говорит сам, одиноко и самовластно⁸. Говорящий субъект больше не обладает языковой автономией, позиция субъективности исчезает в акте произнесения-

слушания. Именно это состояние человека – состояние растворенности в потоке самовластного языка – и позволит, считает философ, обнаружить подлинную сущность и предназначение человека: быть вблизи бытия, жить в языке.

¹ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 49.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 212.

⁴ Подорога В. А. Выражение и смысл. М., 1995. С. 123.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 101.

⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 167, 175–176.

⁸ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. С. 259.

Л.Б.САДОВСКАЯ

ПРОБЛЕМА СОБОРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ВЯЧ. ИВАНОВА

Тема соборного единства представляет собою самобытный пласт русской философии, аккумулирующий опыт православного мышления. Понятие "соборность" как универсальную характеристику индивидуально-личностной и общественной жизни впервые использовал в своих работах славянофил А.С.Хомяков. Для него идея соборности трансформировалась в целостное мировоззрение, основанное на доминанте наиболее общих принципов православной церкви, – свободы и единства. В философии ранних славянофилов означенное понятие было призвано выражать духовную взаимосвязь единого и многого посредством составляющей основу идеи церковного Собора. Онтологический аспект проблемы соборности славянофилы усматривали в идее грехопадения человека, повлекшего размежевание всех частей созданного Богом мира. Следовательно, в их философии понятие "соборность" отражало не данность как таковую, а определенную заданность, идеальное единство множества.

Позже смысл термина "соборность" претерпел существенную модификацию, а часто и вовсе утрачивал этимологическую связь с первоначальным значением. Так, преемник соборных постулатов А.С.Хомякова К.С.Аксаков основы общинного устройства охарактеризовал как "хоровое начало". Отождествляя соборность с общиной, Аксаков наделял данное понятие статусом явления эмпирического (социального), что противоречило общему представлению славянофилов о соборности как цели.

Учение славянофилов обогатилось концепцией "соборного сознания" С.Трубецкого, согласно которой соборность есть проявление внутренней и внешней жизнедеятельности индивидуального сознания, детерминированное "сознанием вселенским"; идеей интерсубъективности Франка, утверждавшей представление о соборности как первичном духовном организме, силой которого общество приводится в движение. Возврат к рассмотрению соборности в церковно-богословских терминах наметился у П.Флоренского и С.Булгакова.

Принцип соборности тесно связан с идеями Богочеловечества и Софии, а также с фундаментальной для онтологической гносеологии концепцией непосредственного жизненного приобщения к допредметной реальности. Таким образом, проблема соборности непосредственно примыкает к философии всеединства. Понятие "соборность", сформировавшееся в метафизике славянофилов, является тождественным понятию "всеединство" в плане структуры: оба они одинаково выражают принцип идеального единства множества. Тем не менее в том виде, в каком концепция соборности осмысливалась в учении славянофилов, она все же отличалась от излагаемых философией всеединства положений и по генезису категорий, и по сути рассматриваемых проблем.

Идеалистическая философия всеединства формировалась на основе учений христианского платонизма, в то время как основой концепции со-

борности у славянофилов служил конкретный церковный опыт, тесная связь с православием и новозаветным мировоззрением. Центральной идеей данной концепции, как она была заявлена впервые, оказалось учение о сверхэмпирической и благодатной церковной жизни. Философия же всеединства, развивавшая темы соборного сознания, соборной личности, соборного социума, осуществила как бы периферийное развитие проблемы соборного единства. Важно и то, что в отличие от славянофилов, не признававших западных "отвлеченных" систем, философские построения сторонников метафизики всеединства находились в русле традиционной западной спекулятивной философии.

Для Вяч. Иванова понятие "соборность" – фундаментальное в метафизических поисках новой духовной общности. Именно потому, что для решения данной проблемы исследователь обращался к самым различным формам человеческого творчества (литературе, живописи, театру, философии, религии), в символизме которых усматривал живые истоки единого нерасчлененного бытия, в его философской системе можно обнаружить опыт на первый взгляд разнородных и несовместимых форм мировоззрения. Сам предмет поиска обусловил подход Вяч. Иванова к духовному наследию как к целостному, нерасчлененному образованию. Поэтому в теоретических изложениях философа-символиста одинаково значимы Ницше и Вл. Соловьев, Христос и Дионис.

Главное, что объединяло теоретика символизма с основоположниками учения о соборности славянофилами, – это способ мышления с активным использованием категорий христианского вероучения, к которым он пришел через осознание близости культового дионисизма и христианства. Так, в некоторых работах, рассматривая соборность в качестве формально неопределимого бытия, Вяч. Иванов обращается к образу Христа как к единственному "конкретному" принципу истинного соборования¹. Тем не менее философии Вяч. Иванова чужд дух конфессионального христианства. Это сказалось в его попытках придать особый, христианский, смысл языческим культовым таинствам, к синкретической природе которых, по его мнению, восходит современная культура.

Некоторый отход Вяч. Иванова от трактовки соборности в рамках православной традиции объясняется значительным влиянием на его философию «артистической метафизики» Ницше, в которой дионисийское начало приобрело значение категории интерсубъективности. Таким образом, при разработке проблемы соборности Вяч. Иванов апеллирует, с одной стороны, к психологизму дионисийской катартики, что позволяет в пределах данной проблемы рассматривать вопрос о генезисе соборного сознания. С другой стороны, мыслитель пытается утвердить идеал единого христианского мира, в котором все формы общественного сознания – мораль, религия, эстетика, государственно-правовой уклад – были бы представлены в виде одной всесинтезирующей формы, знаменующей преодоление меонического состояния современной культуры. А это открывает возможность вычленения нового аспекта исследования – вопроса соборной культуры.

Историческим идеалом "органической эпохи" для Вяч. Иванова была греко-латинская древность с присущим ей типом всесторонней образованности, которая, как считал философ, упреждала и предопределяла многие культуротворческие явления современности. По его мнению, отражением трагического разрыва, положившего начало рационализации всего наследия органической эпохи, критическому пересмотру духовных ценностей, стала философия Сократа, проявившаяся в обособлении абсолютного бытия и чувственного мира, истины и мнения философского релятивизма. Этот "апофеоз беспочвенности", как полагал Вяч. Иванов, определил становление современной "аналитической" эпохи.

Поиск гносеологических предпосылок соборного сознания Вяч. Иванов начинает с попыток преодоления философского идеализма, который трактует в духе кантовского противостояния субъекта, ограниченного рамками

собственного рассудка, и объекта как "вещи в себе". В этом отношении любые отсылки к рациональному поиску intersubjectивности и любую диалектику он считает несостоятельными, выдвигая на первое место индивидуально развитый внутренний (мистический) опыт.

Эпистемология соборности Вяч. Иванова обозначена в его философии как теория мистического реализма. Она основывается на мистическом отождествлении "я", первичной данности сознания, и "ты", "чужого бытия". Важно указать, что категории "я" и "ты" не совпадают с терминами "субъект" и "объект". Философ сам подчеркивает, что его теория исключает рациональное познание с его закономерным разделением познающего и познаваемого на субъект и объект. Применительно же к основному способу иррационального постижения его *terminus tehnicus* есть "отождествление себя с другим". Причем "я" в таком понимании совершенно лишено какого-либо качественного наполнения, т.е. оно не личность, не индивидуальность, а именно первичная данность сознания. Термин "другое" семантически шире. "Другое" также является первичной данностью сознания, но поскольку через него "я" познает себя сущим, — оно есть бог, абсолют, посредством которого "я" утверждает себя в своей собственной абсолютности. Само по себе "я" связи с божественной реальностью не имеет, а поэтому не имеет и убежденности в истинности своего бытия. Идентифицируя себя с другим бытием, "я" познает его абсолютно и тем самым восстанавливает свое подлинное существование, утраченное первоединство.

Таким образом, достоверные сведения о соборном единстве возможны как собственные свидетельства его о самом себе, заключенные в опыте отождествившего в себе субъект-объектные отношения познающего «я».

Аргументы, которые Вяч. Иванов выдвигает против рационализма, приводят к заключению, что истина не логическое знание, а соборное. Поэтому она не может исходить из опыта субъекта как единственного источника всех норм, в том числе и нравственной. Ни нравственный закон, ни физический не зависят от нашего знания. Любая норма, установленная в процессе разделения на познающее и познаваемое, является результатом солипсического, замкнутого на самом себе мышления.

Вяч. Иванов близок к Хомякову, когда утверждает о необходимости совпадения истины и добра в соборном сознании. Именно такое совпадение характеризует соборность как акт божественный. Рациональное же познание может лишь разделить истину и нравственное начало, обожествив имманентные рассудку логические формы. Очевидно, что рационализм трактуется Вяч. Ивановым как разновидность идеализма, постулирующего доминанту субъекта в процессе познания. Отсюда исходит и неприятие мыслителем философии Сократа, который из правильного доказательства и понимания вещей выводил нравственные нормы.

Вяч. Иванов одинаково не приемлет идеализма, доминирующий постулат которого видит в противопоставлении личности и мира как субъекта и объекта, и атеистически мыслимого позитивизма, основной ошибкой которого считает отказ от бога. Как представитель реалистического направления он придерживается той точки зрения, что идеальная реальность присуща общему, а отдельное пребывает в относительном бытии.

Философ отвергает также возможность рационального обоснования взаимосвязи конкретного с абсолютным. В своей теории мистического реализма он выдвигает на первое место в познавательном процессе индивидуально развитый опыт. Мистический опыт, о котором говорит Вяч. Иванов, — это, с одной стороны, комплекс составляющих экстатическое состояние человека, корни которого мыслитель усматривает в древнеоригинном коллективизме, скрывающем тайну соборности в массовых вакханалиях, посвященных богу Дионису. С другой стороны, он касается основ христианской мистики, потому как речь ведет о "воссоединении в Духе". Подобная двойственность исходила из убеждения в ущербности большинства исторических вероучений, и христианства в том числе, как отпавших от идеи макрокосма.

Поскольку же философ постижение мира связывает с постижением микрокосма, то наиболее приемлемой идейной платформой для становления соборного сознания он считает язычество, экстраполирующее человеческую активность не только на творение культовой соборности, но и на создание антропоморфных богов. Исходя из этого, содержанием нового религиозного мышления он объявляет "ноуменальное всечувствование вещей...сущих вместе внутри и вне человека..."².

В мистицизме Вяч. Иванова ярко обозначилась связь экуменических настроений с поисками универсально-христианского внецерковного идеала. Основным моментом осмысления новой религиозности, по его мнению, стало утверждение вслед за Ницше инстинктивно-творческого начала жизни, выразить которое могла бы лишь реалистическая доктрина.

Итак, ивановский реализм исключает разделение членов познавательного процесса на субъект и объект. Но что же тогда будет основанием реалистической эпистемологии мыслителя? Вяч. Иванов находит такое основание в метафизике Достоевского. Оно выражено в понятии "проникновение". Сам же философ называет его "transcensus" и определяет как свойство субъекта, имманентную возможность воспринимать "чужое я" не как объект, а как "другой субъект".

Тем не менее в реалистической теории Вяч. Иванова прослеживается четкая апелляция не столько к славянофильским настроениям Достоевского, отразившимся в тезисах о соборной жизни как круговой поруке, о виновности всех перед всеми, сколько к ницшеанству писателя, сказавшемуся в восприятии им соборности как психологической целостности. Это усматривается в том, что transcensus, или абсолютное утверждение реальности "чужого бытия", философ наделяет религиозно-экстатическими характеристиками, способствующими освобождению познающего от качеств собственной субъектности. Transcensus, — полагает он, — «это не периферическое распространение границ индивидуального сознания, но некое передвижение в самих определяющих центрах его обычной координации; и открывается возможность этого сдвига только во внутреннем опыте, а именно в опыте истинной любви к человеку и к живому Богу, и в опыте самоотчуждения личности вообще, уже переживаемом в самом пафосе любви»³.

Любовь в "соборной философии" Вяч. Иванова представляет высший, религиозно обоснованный принцип человеческого со-общения, выраженный в отождествлении "я" и "ты", "я" и "другого". Будучи одним из основных предикатов соборности, любовь, с одной стороны, выражает множественность, или количественный признак соборности, с другой стороны, — единство как утверждение сообщающихся начал друг в друге, или качественное ее содержание.

Философ последовательно развивает свою мысль в пределах поставленной русской метафизикой, и в частности философией всеединства, задачи — способствовать перемещению центра человеческого бытия из его чувственной природы в природу трансцендентной реальности. Руководствуясь данной целью, Вяч. Иванов ставит под сомнение любые формы как рационального, так и эмпирического познания. Абсолютное утверждение "чужого бытия", согласно его рассуждениям, есть акт воли, который нивелирует все содержание собственного бытия. "Ты" становится "другим я", факт существования которого является мистическим знанием и не подлежит рациональному или опытному обоснованию. Переживание "чужого я" как беспредельного мира — *es, ergo sum*, как говорит Вяч. Иванов, — содержит постулат Бога как реальности, реальнейшей из всех абсолютно реальных сущностей. Следуя постулатам исповедуемого философом мистического реализма, можно заключить, что идеализм в восприятии мира, субъекта и объекта естественен для человека познающего, тогда как реализм — непреломное мировоззрение человека трансцендирующего.

Отличительной чертой ноуменальности соборного единства философ признает ипостасность как единение в субъекте. Учитывая особенности

природы субъекта, который в данном случае приобретает свойства надвременности, надпространственности и становится трансцендентальным бытием в виде внутреннего "я", недоступным ни рациональному постижению, ни чувственному, Вяч. Иванов характеризует соборность как единство органическое. Данная мысль восходит к античному, точнее к платоническому, представлению о познании как уподоблении, о наличии объекта в субъекте соответственно природе субъекта. В итоге достоверные сведения о соборном единстве возможны как опыт личной сопричастности к единому организму, опыт самосвидетельства.

В гносеологии Вяч. Иванова познание онтологизируется. По сути, это – мистическое переживание, мыслимое феноменологически как цепь последовательно заменяющихся психологически-субъективных состояний онтологически-объективными. Например, состояние экстаза служит необходимым условием "...чтобы раскрыть в человеческом сознании объективную данность момента, который ... постулирует личность Бога как предусловие нашей собственной личности"⁴. Таким образом, природа интерсубъективности, или соборности, обусловлена не познавательным, а трансцендентным моментом содержания личности. Опираясь на этот тезис, Вяч. Иванов признает существование "мистического разума", который может притязать на свою автономию, как и практический разум Канта.

Для обоснования сущности мистического содержания человека в его трансиндивидуальности Вяч. Иванов применяет христианское доказательство природы человека как Богочеловека. Отсюда исходит и понимание основной тенденции духовного возвышения личности, заключающееся в достижении абсолютной свободы. Антропология мыслителя отличается сложным переплетением элементов субъективного (человек – фактор свободы) и объективного (свобода – дар Бога) идеализма. Степень человеческой свободы, как мы уяснили, определяется мерой приближения человека к Богу и отдаления от эмпирически мыслимой общественности.

Решая проблему соборного сознания, Вяч. Иванов не может избежать главного противоречия своей метафизики, обусловленного отождествлением христианства и язычества. Данное противоречие усматривается в выведенных мыслителем двух полярных рядах понятий, идентично характеризующих соборность. Первый представляет непосредственно идею синтеза во всей многоплановости ее христологических значений. Второй выражен в парадигме понятий "синтез-разрушение" и представляет собою многообразно трактуемую интерпретацию дионисийства. Философ полагает, что, являясь идеей религиозной, идея синтеза, "собирающая воедино" немыслима вне категории "разрушение". Последнее, по его мнению, присутствует в экзистенциальной природе любого религиозного чувства.

С одной стороны, Вяч. Иванов сознательно следует традиции, предшествующей софиологии, используя в качестве одного из основных истоков своего философствования народную онтологию славянофилов. С другой стороны, идейной платформой его соборной метафизики стал ряд положений Ницше периода "Рождения трагедии", окрашенных идеями дионисизма: учение о единстве сущего, взгляд на индивидуацию как изначальную причину зла, на искусство – как осязаемую возможность восстановить утраченное единство.

Сопоставление философских концепций А.С.Хомякова и Ф.Ницше, в равной степени оказавших влияние на философию соборности Вяч. Иванова, правомерно в плане анализа религиозного аморфизма, который и определил общие контуры данного учения.

¹ См.: Иванов Вяч. Собр.соч. Брюссель, 1979. Т.3.

² Там же. С.268.

³ Там же. Т.4. С. 419.

⁴ Там же. Т. 3. С. 287.

С.Г. ПАРЕЧИНА

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА

Введение поста президента в Республике Беларусь значительно повысило интерес к истории создания института президентства в мире. Термин «президент» происходит от лат. Praesidens, что буквально означает «сидящий впереди». Видимо, в античные времена президентом называли председательствующих на различных собраниях. От этого первоначального значения впоследствии возникла такая должность, как президент сената¹. Однако в его нынешнем понимании как главы государства термин «президент» начал употребляться только с конца XVIII в., когда был учрежден институт президентства в США.

Впервые вопрос о введении поста президента обсуждался в 1787 г. на Конституционном конвенте при разработке новой Конституции США. Слабость правительственной власти, усиление центробежных сил в стране привели к кризису в конфедерации. Это явилось следствием того, что в революционный период конституции североамериканских штатов предусматривали, как правило, слабую исполнительную власть. Это была своеобразная реакция на всевластие королевских губернаторов. Возникшая впоследствии «тирания законодательных собраний» убедила «отцов-основателей» в необходимости создания сильной исполнительной власти, возложенной на одно должностное лицо – президента. Такое наименование главы государства, характерное для республиканской формы правления, было связано еще и с тем, что в ряде североамериканских штатов главы исполнительной власти назывались президентами, а не губернаторами.

Однако часть имущих кругов и реакционного офицерства, выступавшая инициатором создания «Общества Цинцинната», предлагала Вашингтону стать королем. Видный политический деятель того времени А.Гамильтон наилучшей моделью правления признавал британскую наследственную монархию. Правда, он не призывал к установлению монархии в США. Являясь сторонником «энергичной исполнительной власти», он предлагал ввести пожизненную должность главы государства, наделив его правом абсолютного вето. Эти идеи не получили поддержки, так как содержали «зародыш монархии», непопулярной у народа, недавно освободившегося от господства британской короны. В то же время установление республиканской формы правления было очень трудной задачей, ибо у Америки не было ни надлежащего политического опыта, ни соответствующих исторических традиций.

Несмотря на то, что необходимость усиления исполнительной власти признавалась большинством депутатов конвента, во взглядах на структуру, права и полномочия этой власти проявились существенные разногласия. После того, как были отвергнуты депутатами планы «Виргинский» и «Нью-Джерси», за основу Конституции США был принят компромиссный план Ме-

дисона, согласно которому президент наделялся большим объемом полномочий и занимал ведущее место в политической системе общества. Уникальность должности президента заключалась в том, что он одновременно являлся главой государства и главой правительства.

Острые дебаты возникли о способе избрания и сроке полномочий президента. Обсуждались различные сроки, в основном от 3 до 7 лет, хотя были и иные варианты (от 8 до 20 лет)². Конвент постановил избирать президента сроком на 4 года. Этот срок «достаточен для того, чтобы президент смог проявить себя и не слишком велик, чтобы он мог нанести вред обществу». Президенту разрешалось переизбираться «столько раз, сколько народ Соединенных Штатов будет считать его заслуживающим своего доверия». Избрание президента США доверялось коллегии выборщиков, образованной на принципах федерализма. Это было компромиссное решение по отношению к предложениям избирать президента прямым волеизъявлением народа или путем общенациональной легислатуры. Предполагалось, что избираемые населением выборщики будут абсолютно независимыми в процессе избирания президента. Из этого процесса учредители Конституции исключали участие политических партий, которые рассматривались как политическое зло. Но установившаяся вскоре в стране двухпартийная система монополизировала процедуру выдвижения кандидатов в президенты. Если учитывать, что выборщики с самого начала обязуются голосовать за определенного кандидата, то выборы Президента США фактически превратились в прямые. Тем самым была создана не просто сильная, но единоличная президентская власть, независимая от парламента. Однако «отцы-основатели» хотели создать такую структуру, которая была бы достаточно сильной, чтобы «зарядить» правительство энергией и контролировать деятельность законодательной власти, но не настолько, чтобы стать деспотичной. Поэтому в Конституции и был закреплён принцип разделения властей, который в американской действительности трансформировался в систему «сдержек и противовесов». Институт президентства в США постепенно эволюционировал в сторону усиления президентской власти. Каждый новый обитатель Белого дома брал за исходную точку высший уровень властных достижений своих предшественников и пытался по мере сил усилить свою власть и расширить полномочия.

Первыми, кто последовал примеру США в установлении президентской системы правления, были страны Латинской Америки. Уже в первой половине XIX в. под влиянием северного соседа во многих из них был учреждён пост президента. Лабулэ сказал, что «американская Конституция есть мать, населившая своими детьми всю Америку, и все дети на нее похожи»³. Однако в латиноамериканских странах из-за неразвитости демократических традиций сильная президентская власть, независимая от законодательной, неоднократно приводила к установлению диктатуры. Большинство президентов были обязаны своим возвышением революции или государственно-му перевороту. Это происходило в течение не только XIX, но и XX столетий.

Первыми европейскими странами, в которых была введена должность президента, стали в 1848 г. республики – Франция и Швейцария. Несмотря на одновременность введения, статус и полномочия президентов из-за особенностей исторического развития этих государств были различны.

Высшим органом исполнительной власти в Швейцарии выступал Федеральный совет, состоящий из семи министров (советников), которые избирались на совместном заседании обеих палат Федерального собрания на три года. Из числа советников на том же заседании избирался на год президент Швейцарской конфедерации. Он мог переизбираться неограниченное число раз, но с обязательным годичным перерывом. В сущности, президент Швейцарского Союза являлся только председателем Федерального совета и осуществлял представительские функции. Следовательно, в Швейцарии не существовало носителя исполнительной власти, стоящего над министрами. Этот статус президента Швейцарии практически без изменений дошел до наших дней.

Что касается Франции, то Учредительное собрание не нашло ничего лучшего, как почти полностью скопировать для II Французской Республики президента США. Он наделялся огромной властью и (в отличие от президента США) избирался прямым волеизъявлением народа. Процедура избрания президента всей страной обрела как сильных противников, так и красноречивых защитников. Феликс Пиа, например, с иронией отзывался о подаче миллионов голосов за одного человека, как о «таинстве Божиим». Он считал, что президент возвысится над парламентом, ибо он будет представлять весь народ, а каждый из депутатов только одну девятисотую часть народа. Жюль Греви высказался за избрание президента Национальным Собранием, которое должно обладать правом постоянного отзыва главы исполнительной власти. По его мнению, честолюбивый человек, достигший поста президента, захочет сохранить его за собой навсегда. И Греви, и Пиа имели в виду прежде всего Луи-Наполеона, который пользовался огромной популярностью у народа. Существенной была поправка, внесенная в законопроект депутатом Турэ, лишавшая права быть избранным в президенты всех членов царствовавших во Франции фамилий. Она могла бы спасти положение, но была отклонена. Решающим же при голосовании оказались не аргументы политической науки, а речь А.Ламартина, в которой элемент мистики одержал верх над разумом. «Пусть Бог и народ выскажутся! Нужно же хоть что-нибудь предоставить провидению»⁴.

В результате плебисцита 10 декабря 1848 г. президентом стал Луи-Наполеон, сразу же взявший курс на установление режима демократического цезаризма. С этого момента министерства не имели даже номинальных глав, а решения парламента президент игнорировал. Конституция установила четырехлетний срок полномочий президента. Но, в отличие от США, повторное избрание допускалось спустя четыре года. Это обстоятельство подтолкнуло принца-президента к решительным действиям. В ночь с 1 на 2 декабря 1851 г. он совершил государственный переворот, объединив в своем лице законодательную и исполнительную власти. Республика стала сползать к монархии и уже 2 декабря 1852 г. Луи-Наполеон был провозглашен императором.

Остальные же государства Европы, Азии и Африки до конца XIX в. оставались монархиями. В XX в. после таких социальных потрясений, как революции, войны, распад колоний, образовалось множество новых независимых государств. В большинстве из них утвердился институт президентства. Так, после первой мировой войны в Европе президентии стали главами государств в Австрии, Веймарской республике, Чехословакии, Польше, странах Балтии. После второй мировой войны в их число вошли Италия, Греция, Португалия, Мальта. Первые президентские государства в Азии возникли в 30–40-е гг. (Филиппины, Сирия, Ливан). Однако наибольшее распространение модель президентского правления получила на африканском континенте. Этот процесс начался в конце 50-х – начале 60-х гг. В настоящее время почти все африканские государства возглавляют президенты. Они обладают огромными полномочиями, и их страны по праву называются суперпрезидентскими республиками. В некоторых из них в условиях тоталитарной системы правления президентство начало принимать невиданные доселе крайние формы проявления. Появились республики, которым свойствен характерный признак монархии – несменяемость главы государства. Речь идет не просто о чрезвычайном усилении власти президента в суперпрезидентских республиках, а о республиках президентско-монархических, конституции которых предусматривают пожизненный срок полномочий президента. Начало этому было положено в Индонезии (президент Сукарно). В Югославии, согласно Конституции 1963 г., переизбрание главы государства не распространялось на первого президента И. Броз Тито. Несменяемыми президентами провозгласили себя Маркос на Филиппинах (в 1986 г. он был вынужден провести выборы и потерпел поражение), в 60–80-х гг. – президенты в Малави, Уганде, Тунисе и некоторых других странах, а пожизнен-

ный президент Центральноафриканской Республики Бокасса стал императором. Впоследствии все они были свергнуты в результате военных переворотов. Только президент Туниса Бургиба был смещен конституционным путем в возрасте 84 лет после заключения медконсилиума⁵. Ныне осталось только два пожизненных президента – в Малави и КНДР, причем в последней сын президента Ким Ир Сена при жизни отца был провозглашен его преемником. Следовательно, КНДР присущ еще один элемент монархии – наследственность поста главы государства.

Фундаментальные изменения, начавшиеся на мировой арене в конце 80-х гг., крушение тоталитарных режимов в Восточной Европе стимулировали дальнейшее распространение института президентства. Весьма показательный опыт создания института президентства в СССР. Вопрос об учреждении в СССР поста президента возник при подготовке проекта Конституции 1936 г., воспринявшей, как известно, идею разделения властей. Однако Сталин, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти, выступил против. Прикрываясь заботой о статусе Верховного Совета, он заявил, что не должно быть единоличного президента, избираемого всенародно и могущего противопоставлять себя Верховному Совету. Сталин предложил возложить президентские полномочия на Президиум Верховного Совета, который стал называться коллегиальным президентом. Вопрос о poste президента поднимался Хрущевым при разработке новой Конституции СССР. Была даже подготовлена соответствующая статья. Но она не нашла поддержки, ибо кандидатом на этот пост был Хрущев, а властные противники уже имели намерение сместить его с руководящих должностей.

Целесообразность введения поста президента обсуждалась на XIX Всесоюзной партконференции (июнь–июль 1988). Но в то время большинство делегатов не было готово к этому, поскольку считалось, что президентское правление противоречит полновластию Советов. Крутой поворот произошел в 1990 г.: в феврале Пленум ЦК КПСС поддержал идею установления президентской власти, а в марте Внеочередной третий Съезд народных депутатов принимает закон «Об учреждении поста президента». Что же послужило причиной столь быстрого форсирования событий?

Во-первых, после кардинальных изменений в политической системе общества, связанных с ликвидацией административно-командной системы и отказом КПСС от руководящей роли, начался процесс передачи власти Советам народных депутатов. Советы же в силу ряда причин (фракционной борьбы, некомпетентности части депутатов) не сумели взять всю полноту власти в центре и на местах и, главное, не овладели функцией координации действий госструктур. В результате образовался вакуум власти, возникла потребность в органе, координирующем деятельность всех ее ветвей. Во-вторых, усиление и развитие законодательной деятельности ослабили исполнительную власть, что привело к серьезным недостаткам в реализации принимаемых решений. Президент был нужен для укрепления механизма исполнения законов и других государственных решений. В-третьих, начавшиеся процессы национального возрождения народов СССР привели к военным конфликтам, сепаратистским настроениям, угрожающим целостности страны. Президент должен был укрепить систему центральной власти в условиях обретения республиками суверенитета. В-четвертых, за годы советской власти произошло искажение принципа коллективного руководства, что привело к безответственности, ошибкам, злоупотреблениям. Появилась необходимость индивидуализировать социальную и политическую ответственность за деятельность на высшем уровне руководства⁶.

Идея введения института президентства в СССР имела как сторонников, так и противников. Последние выдвинули серию предварительных условий, необходимых для введения этого института: заключение нового Союзного договора и принятие на его основе новой Конституции, в которую институт президентства был бы «органически встроен»; создание многопартийной системы и формирование на ее основе парламента, могущего стать реаль-

ным противовесом исполнительной власти; запрещение совмещать пост президента и лидера партии одним лицом; избрание президента путем все-народных выборов. Эти требования были отклонены, так как на их реализацию ушло бы много времени, а проблемы, с которыми столкнулась власть, требовали безотлагательных и решительных мер по защите суверенитета и территориальной целостности страны. Что касается способа избрания президента, то социально-экономическая и политическая обстановка в стране (в некоторых регионах было введено чрезвычайное положение) не позволяла идти на всенародные выборы. Поэтому Первый президент СССР М.С. Горбачев был избран 14 марта 1990 г. на Внеочередном третьем Съезде народных депутатов. Однако судьба Союза была предreshена. Центробежные силы были слишком велики. Ситуацию усугубила возможность создания аналогичной структуры власти (т.е. президентства) в республиках, которые имели право вносить изменения в общую схему. Именно осуществление этого положения на практике привело к обострению конкуренции республиканских элит и развалу СССР.⁷

Во всех республиках бывшего Союза учрежден пост президента. Не стала исключением и Республика Беларусь. 15 марта 1994 года Верховный Совет после бурных обсуждений принял новую Конституцию. По вопросу о системе правления развернулась острая полемика в СМИ. Из спектра различных мнений по этому вопросу можно выделить следующие. Сторонники парламентской республики выступали против введения поста президента. По их мнению, в переходный период от тоталитарного режима к демократическому, когда самосознание граждан быстро растет, парламентская система правления является наиболее приемлемой. Она располагает необходимыми правовыми гарантиями для проведения досрочных выборов в случае возникновения экономического кризиса, ограничивает шансы узурпировать власть и вернуть страну к тоталитаризму. К тому же менталитет белорусского народа, его толерантность не способствуют выделению яркого общенационального лидера, которому можно было бы доверить президентскую власть. Результаты деятельности президентов в республиках бывшего Союза (Россия, Грузия) убеждали, что президент не является гарантом политической и экономической стабильности. Таковым он является только в развитых демократических государствах. Следовательно, чтобы стать президентской республикой, Беларуси необходимо пройти сложный и долгий путь демократизации.

Аргументы сторонников сильной президентской власти были также достаточно вескими. Главой государства может быть либо монарх, либо президент. Так как Беларусь является республикой, то главой государства может быть только президент. Анализируя опыт стран, переживших тоталитарную систему и близких по территории и численности к Беларуси, сторонники идеи президентства пришли к выводу, что выход из кризиса может обеспечить только сильная исполнительная власть. Такой статус она приобретает в случае совмещения президентом поста главы государства и правительства. По их мнению, преимуществами президентской республики являются четкое разделение властей и быстрое реагирование на меняющиеся условия, принятие и реализация наиболее оптимальных решений. Парламентская республика в Беларуси будет практически недееспособной: действуют только предпартии с 2-3 известными лидерами. Поэтому парламент, сформированный из них, будет не в состоянии оперативно и обоснованно принимать решения, так как в нем не окажется не только доминирующей партии, но и даже доминирующей политической силы.

Эти две точки зрения полярны. За основу Конституции 1994 г. был взят вариант «золотой середины». По замыслу создателей Конституции Республики Беларусь президент должен находиться в поле действия всех ветвей госвласти и выступать по отношению к ним в качестве арбитра. Роль президента – быть координационным центром устремлений различных полити-

ческих сил для достижения общенационального согласия. Она возрастает в случаях стихийных бедствий и иных непредвиденных обстоятельств, так как президентские полномочия позволяют оперативно принимать необходимые решения. Однако на референдуме 24 ноября 1996 г. был сделан выбор на расширение полномочий президента. В итоге Президент Республики Беларусь стал бесспорным лидером белорусского государства.

Сегодня президентство – неотъемлемый элемент политической системы общества. Более 130 стран – членов ООН имеют в своем государственном устройстве пост президента, что отражает масштабность распространения президентства в современном мире. В то же время важно отметить, что во всех странах президенты имеют различный статус и объем полномочий. Каждая страна сама определяет, какую роль должен играть президент в ее политической жизни.

¹ См.: Сахаров Н. А. Институт президентства в современном мире. М., 1994. С.5.

² Становление американского государства. СПб., 1992, С.41.

³ Прело М. Конституционное право Франции. М., 1957. С.196–197.

⁴ Розенталь П. Жизнь и смерть учредительных собраний. М., 1918, С.102.

⁵ См.: Чиркин В. Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. №1. 1994. С.112.

⁶ См.: Скуратов Ю. И., Шариф М. А. Президентская власть в СССР. М., 1991. С.8–12.

⁷ См.: Кузнецов Е. Л. Из истории создания института Президента СССР // Государство и право. №5. 1996. С.97.

А.П.МЕЛЬНИКОВ

ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ФУНКЦИИ

Проблема государства продолжает оставаться одной из актуальных на территории постсоветского пространства. Это обусловлено тем, что государство является главным орудием политической власти в обществе, центральным элементом его политической системы, основным регулятором общественных отношений. Поэтому вполне естественны вопросы о его происхождении, природе и целях, его устройстве и функциях.

Отличительную особенность государственности придают отношения господства и подчинения. Любое политическое образование есть иерархическое соединение управляющих и управляемых, причем обладающие властью составляют меньшинство. Это меньшинство реализует свою волю посредством чиновничьего аппарата, идеологической легитимизации, принуждения. Однако общество не было бы стабильным в политическом отношении, если бы функционирование правящей элиты не опиралось на поддержку остальной части населения. В механизме достижения социального согласия важное место занимают традиции, обычаи, привычки и средства манипулирования сознанием людей, убеждающие их в том, что интересы правящего меньшинства совпадают с интересами всего общества.

Государство не является вечным спутником истории человечества, в которой были общества и без государства¹. Известно множество теорий происхождения государства. Теократическая концепция, например, связывает возникновение государства с волей Всевышнего. Согласно другой, патриархальной, теории государство возникло непосредственно из разросшейся семьи, власть главы которой постепенно перерастала во власть монарха. Иное объяснение дает теория договорного происхождения государства. Переход от естественного (догосударственного) состояния общества к государственному достигается сразу – путем соглашения, которым люди объединяются и подчиняются тут же устанавливаемой государственной власти. Другие подходы, скажем классический, трактуют государство как совокупность трех слагаемых (власть, территория, население), юридический – как юридическая персонификация нации и кибернетический – как особая система, связанная с потоками информации, прямыми и обратными.

Известны и иные гипотезы происхождения государства, которые, как и уже названные, не подкрепляются данными исторической науки, рассматривающей государство как результат закономерного исторического развития. Государство – это продукт внутренней эволюции общества, объективно нуждающегося в организационном оформлении. В различные эпохи и в разных условиях государство выступает как организация для управления обществом, как механизм властвования. Ф.Хайек, например, один из крупнейших идеологов либерализма XX в., убежден, что государство есть организация, целенаправленно создаваемая совместно проживающими людьми в целях единообразного управления. Эта организация, подчеркивает Хайек, «ни в коем случае не идентична самому обществу»². Для видных французских политологов Б.Боди и П.Бирнбаума государство – «хорошо организованная машина власти, вместе с находящимися у нее в услужении гражданскими чиновниками и вооруженными силами»³.

В марксистской литературе государство традиционно рассматривалось преимущественно как государство-аппарат. У Ленина неоднократно встречаются выражения, что государство – это машина для угнетения одних классов другими и т.п.

В настоящее время в Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, в исследованиях проблемы государства на первый план все чаще стали выдвигаться вопросы не политической организации общества, а проблемы политической власти. При этом определение государства как политической организации или даже как одной из политических организаций в обществе не раскрывает в достаточной мере всего набора его организационных свойств. Часто встречающаяся характеристика государства как политического учреждения, института тоже не вполне самодостаточна: ведь существует много других политических институтов. Иерархическая структура государственных органов, на которую иногда ссылаются, тоже не может служить критерием, ибо она встречается и в других организациях. Поэтому государство чаще всего определяется как особая организация политической власти, располагающая специальным аппаратом принуждения, выражающая волю и интересы господствующего класса и всего народа.

Основными признаками государства являются прежде всего наличие особой публичной власти, которая, воплощаясь в государственных органах, выступает как государственная власть. Ее осуществляет особый слой людей, выполняющих функции управления и принуждения. Этот особый слой составляет аппарат государства, который наделен государственно-властными полномочиями. Государственная власть осуществляется в рамках определенной теории и распространяется на всех людей, проживающих на определенной территории. Немаловажным признаком государства является его суверенитет, т.е. независимость государственной власти внутри страны и вовне. Деятельность всех государственных органов основывается на нормах права. Государство – единственная организация, которая осуществляет правотворчество. Наконец, государственная организация с необходимостью предполагает сбор налогов с населения, ибо без этого невозможно само существование государства.

Развитие представлений о государстве в мировой политической мысли шло по двум направлениям: этатистскому и антиэтатистскому. Для первого направления характерно позитивное отношение к государству, для второго – рассмотрение государства как зла⁴. Последнее больше всего характерно для социалистов, коммунистов и анархистов. Однако в последние годы в отечественной науке преобладающей становится точка зрения на государство как на орган-арбитр. В зарубежных исследованиях концепция государства-арбитра в обществе разрабатывалась давно, появились уже и ее варианты, например об институте Президента как арбитра других государственных институтов. Последнее нашло отражение и в нормах некоторых конституций. В современных условиях роль государства как социального арбитра связывается с асимметричной социальной структурой общества. Классы,

социальные группы и слои имеют свои собственные интересы. Это выражается в понятиях «заинтересованных групп» и «групп давления». В общественном производстве и разделении труда, а также в общественном распределении материальных благ положение каждой личности и заинтересованной группы таково, что они склонны отступать от требований социальной справедливости и имеют повышенные притязания на долю общественного продукта, не соответствующую их вкладу и возможностям общества удовлетворить эти притязания. Отсюда возникает, во-первых, общественная необходимость иметь арбитра, а во-вторых, общая заинтересованность личностей и групп в беспристрастном арбитре, который распределял бы общественные ценности между различными группами и личностями. Таким арбитром и выступает государство.

Проблемы государства-арбитра многосторонни и новы для нашей науки, а поэтому мало изучены. Они требуют особого внимания в условиях переходного общественно-политического состояния Беларуси, когда система разнородных социальных и политических сил находится в стадии становления, когда лишь начал складываться рыночный механизм.

Постсоциалистическая государственная власть стремится устранить экономический, политический и идеологический авторитаризм. В экономике – это меры по разгосударствлению собственности, формированию слоя самостоятельных хозяев-предпринимателей, по ограничению государственного регулирования экономики, введению свободы предпринимательской деятельности, равноправия форм собственности, ее гарантий и т.д.

В политической сфере постсоциалистическая государственная власть упразднила однопартийное руководство обществом и производством, обеспечила условия для создания многопартийности и свободной оппозиции, соревновательности различных политических сил, свободной прессы, вернула выборам, которые были бутафорией при социализме, их подлинное значение. Монопольная государственная идеология уступила место идеологическому плюрализму.

Все эти меры, судя по опросам, населением поддерживаются. Народ не желает лишь ускоренной перестройки, форсированной обвальнoй приватизации, толкающей его в «дикий» капитализм начала XIX в. Все это ведет к резкому социальному расслоению и обеднению населения.

В постсоциалистических государствах существуют разные условия, но, в целом, можно сказать, сложились четыре крупные силы, в руках которых сосредоточиваются реальные рычаги власти: прежняя центральная номенклатура, во многом изменившая свой облик; слой чиновничества, наделенный правом решать вопросы по своему усмотрению, но в рамках закона; «новая буржуазия», в том числе из среды мафиозных группировок, занимающаяся коммерческой деятельностью. Наконец, это региональная старая и новая номенклатура, умеющая вырвать себе привилегии у центральной власти. Таким образом, политическая власть в постсоциалистическом государстве имеет блоковый характер. Но это – особый блок социальных сил. Отношения его участников характеризуются единством и борьбой одновременно. Они проявляются и в функциях государства, составляющих основные направления его деятельности.

Типологию государственных функций проводят по разным основаниям. Наиболее распространенными являются деление на внутренние и внешние, а также классификация их в зависимости от задач, стоящих перед государством. Внутренние функции – это основные направления деятельности государства в пределах данной страны, характеризующие внутреннюю политику государства. К ним относятся функции охранительные и регулятивные, в которые включается правовая, политическая, организаторская, экономическая, социальная и культурно-воспитательная функции.

Внешние функции государства связаны с защитой границ, территории страны (оборонная), вмешательством в дела государств (военно-агрессивная, насильственная), поддержанием и развитием межгосударственных

отношений (дипломатическая), а также осуществлением внешней торговли, координацией совместной деятельности с другими государствами в различных сферах, участием в блоках, союзах и др.

Важное научное и практическое значение имеет вопрос о форме государства, который до последнего времени является дискуссионным. Большинство политологов и юристов включает в него политический режим, форму правления и государственное устройство. Политический режим – это принципы, способы, средства и методы осуществления политической власти в обществе. Форма правления – внешнее выражение содержания государства, обусловленное структурой и правовым положением органов государственной власти. От положения и характера высшего органа государственной власти зависят в конечном счете различия между двумя основными формами правления – монархией и республикой. Государственное устройство – это национально-территориальная организация государства и взаимоотношения центральных, региональных и местных органов. Она дает ответ на вопрос о том, из каких частей состоит территория страны и каковы их правовое положение, соотношение и взаимосвязи иерархических структур государства. Обычно выделяют унитарное и федеративное устройства, хотя известны и смешанные формы.

Каково будущее постсоциалистических государств? Первоначальная модель будущего постсоциалистического государства представлялась лидерам борьбы против авторитаризма как полная противоположность авторитарному социалистическому государству. Многие из них ориентировались на опыт западных стран. Однако одержимые идеей разрушить все «до основания» с течением времени многие прагматики в руководстве постсоциалистических государств стали обнаруживать, что простое заимствование капиталистической модели не дает должного результата в их специфических условиях. Более того, отдельные представители государственного аппарата стали замечать, что подлинные социалистические идеи восприняты в развитых капиталистических странах, особенно там, где у власти долгое время находились социал-демократы. Так что развитие государственности в различных странах мира идет сложными путями. Общая тенденция заключается в том, что медленно, с поворотами и зигзагами, воспринимаются формы государственности, выработанные общим опытом человечества, соответствующие демократическим ценностям, но учитывающие при этом конкретные условия каждой страны. Этой общей тенденции не избежит и постсоциалистическое государство.

Двадцатое столетие можно назвать веком образования множества молодых независимых государств. Если в начале этого века на земном шаре существовало всего 57 государств, то в конце – уже более 200. Основными причинами, вызвавшими процесс «государствообразования» в мире, являются и распад колониальных империй, и революционная смена власти, и рост национального самосознания, и многое другое. Во второй половине XX ст. все более разнообразными становятся формы государственных объединений. Как отмечают исследователи, тут и содружество наций (типа Британского), и сообщества конфедеративного типа, и Содружество независимых государств и конфедерации, и универсальные объединения государств (типа ООН), и федерации, и др.

Наиболее общими закономерностями развития государств в XX в. будут: изменения соотношения государства и гражданского общества; приоритет права над государством; обострение проблемы национальной природы государства при расширении его социальной базы; усиление международно-правовых зависимостей; саморазвитие государства как системы.

Что ожидает государственность в третьем тысячелетии? На этот вопрос даются разные ответы-прогнозы. Западные ученые больше пишут об интеграционных процессах. Российские обществоведы дают неоднозначные оценки всевозрастающему разнообразию и взаимовлиянию государственной власти разных стран⁵. Думается, что интеграционные процессы в межгосударственных отношениях все же будут нарастать.

¹ См.: Санистебан Л. С. Основы политической науки. М., 1992. С.9.

² См.: Хайек Ф. Общество свободных. Сдерживание власти и развенчание политики // Открытая политика. 1998. № 8 (10). С.41.

³ См.: Бади Б., Бирнбаум П. Переосмысление социологии государства // Международный журнал социальных наук. 1994. № 4 (7). С.17.

⁴ См.: Основы политологии. Курс лекций / Под ред. В.П. Пугачева. М., 1992. С.116.

⁵ См.: Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государственоведения. М., 1994. С.140 и след.

Е.А. КЕЧИНА

СТАТИСТИКА: СТРУКТУРА, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ И МЕСТО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Как известно, изучение и понимание любого явления требует в первую очередь знания определенных фактов о нем, каких-либо его характеристик. От качества этих данных во многом зависит конечный результат – правильное или неправильное представление об исследуемом объекте.

Потребность в точных характеристиках различных явлений возникла у людей еще в глубокой древности. Практическая хозяйственная деятельность требовала элементарных подсчетов – так появился хозяйственный учет. Возникновение и становление государства невозможно без получения важнейших количественных сведений о числе подданных, воинов, податного населения – так возник административный учет. Дальнейшее историческое и экономическое развитие общества породило новые виды учета: торговый учет известен Древней Греции и Древнему Риму, формирование городов привело к возникновению муниципального учета, укрепление связей между государствами выявило потребность в таможенном учете и описании новых стран. Таким образом, можно сказать, что вся история развития человечества является и историей развития учета.

Постепенное накопление данных первичного учета, усиление потребности общества в количественных измерениях разнообразных явлений, а также высокий уровень математических наук привели к необходимости выделения в отдельную область знания науки, которая позволяла бы не только осуществлять сбор количественной информации, но и эффективно обрабатывать, классифицировать, обобщать и интерпретировать ее. Это произошло в XIX веке, когда А. Кетле определил основные принципы статистического познания, положив тем самым начало статистике как новой науке. С тех пор статистика стала неотъемлемой частью научных исследований, управления, экономической деятельности, охватывающей практически все сферы жизнедеятельности общества.

Современную статистику можно рассматривать как комплекс статистических наук, всесторонне удовлетворяющих потребности людей в многообразной количественной и качественной информации. Основа, или теоретический фундамент, этого комплекса – общая теория статистики, базирующаяся на теории вероятностей. Общая теория статистики является важнейшим инструментом исследования для всех наук, оперирующих массовыми фактическими данными. Поскольку каждая наука имеет специфический объект исследования, то и использование общей теории статистики в конкретных научных дисциплинах имеет свои особенности, определяемые характером конкретной отрасли знания. Это позволяет избежать математического формализма и упрощенно-схематического подхода при изучении реально существующих явлений и процессов. В силу этого из общей теории статистики выделились отдельные ветви – прикладные статистики, адапти-

рованные к потребностям и особенностям конкретных областей научного знания. Эти статистические науки представляют собой методы обработки и анализа массовых количественных данных, используемых в качестве эмпирической базы определенных наук. Так, в технических науках этот фактический материал представляет собой результаты испытаний работы машин и механизмов, в физике – результаты серий физических опытов, в биологии – результаты массовых наблюдений за жизнью различных организмов, в медицине – результаты медицинских обследований и уровня заболеваемости, в психологии – результаты психологического тестирования, в социологии – данные опросов, интервью и т.д. Общим для всех прикладных статистических наук является то, что они представляют собой специальный математико-статистический аппарат для анализа массовых совокупностей явлений как в естественных и технических, так и общественных науках. А спецификой каждой прикладной статистики является то, что она оперирует определенным, конкретным типом статистических совокупностей, охватываемых данной научной дисциплиной.

Теперь перейдем к анализу особенностей статистических совокупностей в различных науках.

В технических и некоторых естественных науках (физика, химия, биология, механика и другие) в основном используются характерные только для каждой отдельной науки статистические количественные данные, т.е. общего для всех этих наук массива эмпирических статистических данных нет. Каждая из этих наук в большинстве случаев рассматривает соответствующий ее специфике фактический материал. Чем более высоким уровнем «точности» обладает наука, тем более замкнуто множество статистических данных, которые она использует, тем меньше привлекается ею эмпирического, статистического материала из других областей знания. Например, в технических дисциплинах используется сугубо специальный, технический набор первичной статистической информации.

Под уровнем «точности» науки мы понимаем возможность установления функциональных связей между характером явлений, изучаемых наукой. Так, в технических дисциплинах большинство связей является функциональными, т.е. выражается в виде формул, уравнений и их систем. Чем больше доля функциональных связей в их общем количестве, тем выше уровень «точности» науки. С увеличением доли корреляционных, «неточных», связей уровень «точности» науки понижается. С этой точки зрения практически все научные дисциплины можно классифицировать по степени убывания или возрастания их точности.

С понижением уровня «точности» науки спектр эмпирического количественного материала расширяется за счет привлечения данных других областей научного знания. Например, в медицинских научных исследованиях могут использоваться не только данные медицинской статистики, но и статистические данные об уровне жизни населения, развитии системы здравоохранения, параметрах экологической ситуации и другие.

Что касается наименее «точных» в указанном смысле наук – общественных, то разнообразие изучаемого ими статистического материала чрезвычайно широко. Так, педагогическая наука использует статистические материалы о здоровье, уровне жизни, семейном состоянии, психологических особенностях детей, о материальной базе системы образования, культуры и другие. В этом комплексе статистических данных обобщается фактически количественный материал ряда наук: медицины, экономики, демографии, психологии, социологии, права и многих других.

Наиболее разнообразен массив статистической информации для общественных наук, изучающих различные стороны развития общества и существования в нем человека. Это обусловлено сложностью социально-экономических явлений, многообразием их количественных и качественных характеристик, тесной взаимосвязью между ними, многообразием видов и форм, в которых они проявляются. В конечном счете возникает практиче-

ская потребность в существовании науки, которая предоставляла бы разноплановые статистические материалы, описывающие массовые общественные явления и различные их стороны, и являлась бы важнейшим инструментом научного анализа актуальных проблем общества.

Этой наукой является социально-экономическая статистика, представляющая собой систему статистических наук. Предмет изучения социально-экономической статистики – количественная сторона социальных и экономических явлений в обществе в неразрывной связи с их качественными особенностями, т.е. качественно определенные количества и проявляющиеся в них закономерности. Роль социально-экономической статистики в социальных исследованиях трудно переоценить, поскольку всегда добиться в общественных науках необходимой точности и конкретности анализа можно было главным образом при использовании статистических методов и обосновании важнейших социально-экономических и политических выводов и положений массовыми фактическими данными.

Поскольку объектом изучения социально-экономической статистики является общество во всем многообразии его форм и проявлений, то как отрасль научного знания социально-экономическая статистика является общественной наукой, которая в свою очередь является инструментом исследования для других общественных наук: социологии, политологии, юридических наук, педагогики, социальной психологии и др.

Рассмотрим структуру социально-экономической статистики. В ее составе традиционно выделяются три части: статистика населения (демографическая статистика), экономическая и социальная статистика. Некоторые исследователи включают статистику населения в состав социальной статистики, но преобладающим является деление социально-экономической статистики на три структурные части. В свою очередь каждая из выделенных наук представляет собой совокупность статистических наук – отраслей социально-экономической статистики, имеющих объектом своего исследования некоторую область социальной действительности, например статистика национального богатства, статистика оплаты труда, статистика семьи и др.

Основные различия между прикладными статистиками и отраслями социально-экономической статистики состоят в следующем:

- прикладные статистики – это ветви общей теории статистики, относящиеся к классу естественных наук;
- отрасли социально-экономической статистики – это ветви социально-экономической статистики, относящиеся к классу общественных наук;
- каждая прикладная статистика выделяется в зависимости от вида научной дисциплины, в которой применяется ее математико-статистический аппарат; каждая отраслевая статистика выделяется по признаку сферы жизнедеятельности общества вне связи с какой-либо конкретной наукой.

Вернемся к рассмотрению структурных частей социально-экономической статистики. Здесь существует проблема выбора критерия отнесения отраслевых статистик к экономической или социальной статистике. Наиболее устойчивый взгляд на эту проблему таков: экономическая статистика рассматривает население как важнейшую составляющую производительных сил, социальная же изучает население как потребителя материальных и духовных благ. Однако такое разграничение не является оптимальным для классификации отраслей социальной статистики, так как в ее состав входят статистика личности, моральная статистика, политическая статистика, статистика семьи, которые не входят в сферу потребления материальных и духовных благ. Нет единой точки зрения и непосредственно на состав комплекса отраслевых статистик, входящих в экономическую и социальную статистики. Например, статистика труда в некоторых классификациях входит в состав социальной статистики, в других – является отраслью экономической статистики.

С нашей точки зрения, критерий отнесения отраслевых статистик к системе экономической статистики можно оставить фактически неизменным:

к экономической статистике относятся отрасли, в которых население рассматривается как часть производительных сил и фактор экономического развития. Статистика труда при таком определении относится к экономической статистике. Тогда семантика определения социальной статистики значительно расширяется: к социальной статистике относятся отрасли, рассматривающие процессы социальной деятельности и массового поведения людей в обществе, а также процессы потребления ими материальных и духовных благ.

Информацию, которую предоставляет социально-экономическая статистика, никакими другими видами фактического материала заменить невозможно. Статистические данные позволяют выявить основные тенденции и закономерности протекания социальных процессов, которые наиболее четко проявляются лишь в массе явлений; определить особенности и специфику общественного развития в целом. Статистические методы сбора информации позволяют полностью охватить изучаемые совокупности и в целом обеспечивают высокий уровень репрезентативности и сравнимости показателей. Системы социально-экономических показателей имеют двойственный характер: часть их них длительно остается инвариантной, часть оперативно изменяется в соответствии с изменениями в обществе. Эти свойства социально-экономической статистической информации делают ее универсальной и применимой во всех общественных науках. Социально-экономическая статистика как общественная наука выступает в качестве средств формирования эмпирической базы для других наук, изучающих общество в целом и человека в нем.

Данные социально-экономической статистики являются фундаментом социальной информации. Достоинство статистической информации составляет ее объективность и в основном сплошной характер сбора данных. Статистическая информация надежна, инвариантна по отношению к исследователю и исследуемому явлению, характеризует масштабы и динамику социальных явлений, дает обобщающее представление о всевозможных общественных процессах и явлениях. Иначе говоря, данные социально-экономической статистики являются отправным пунктом для теоретической и практической деятельности людей. Именно поэтому так важно развитие теоретической базы статистики в целом, а также социально-экономической статистики как самостоятельной науки и расширение сферы ее применения в различных науках.

Е.А.БОРОВСКАЯ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Специфика рынка интеллектуальной собственности (ИС) как рынка нематериального продукта заставляет экономистов искать теоретическое обоснование особенностей его функционирования. В отношении рынка ИС экономическая теория методологически обобщает практический опыт использования нововведений, который требует модификации традиционных теорий и моделей.

Одна из особенностей интеллектуальной собственности как объекта рыночных отношений заключается в своеобразии отношений собственности, выражающимися, в частности, в возможности быть многократно использованными без перехода права собственности к пользователю и в возможности передачи части правомочий по распоряжению объектом другим субъектам.

Разделение прав собственности возникает не только по основным функциям, выражающим сущность категории собственности: владения, пользования и распоряжения, — но и в рамках каждой из функций, и в первую очередь функции владения, т.е. на начальном этапе присвоения. Природа интеллектуального продукта как объекта разграничения прав собственности позволяет дать обоснование такому разграничению.

На присвоение результатов интеллектуального труда претендуют все участники инновационного процесса на стадии создания интеллектуального продукта: авторы (соавторы), субъекты, финансирующие инновационный процесс, и субъекты, его организующие. Справедливость претензий второй и третьей групп, как правило, не оспаривается, потому что и финансирующая и организующая стороны (иногда в одном лице) инвестируют в инновации материальные и финансовые средства. Справедливость претензий авторов обосновывается тем, что эта группа инвестирует интеллектуальную составляющую инноваций — новизну знаний, информации, технических решений, — без которых созданный продукт нельзя отнести к категории интеллектуальной собственности.

Необходимость удовлетворения экономических претензий каждой стороны заставляет находить достаточно сложные варианты юридически оформленных взаимоотношений, составляющих систему прав собственности по присвоению и распоряжению единым объектом.

Теоретическое обоснование процесса разграничения прав собственности на объект дает соответствующая экономическая теория, выросшая в недрах неинституционализма и сформировавшаяся впоследствии в самостоятельное научное направление. Теория прав собственности исходит из той базовой посылки, что "любой акт обмена есть по существу обмен пучками правомочий"¹.

В соответствии с институциональной концепцией прав собственности по-иному раскрывается содержание категории "товар": ценность товара определяется не только набором свойств, характеризующих его полезность в процессе обмена, но также связанным с ним набором прав и юридических отношений по поводу его использования. Ценность товара "интеллектуальная собственность" в соответствии с данной характеристикой определяется не только ее способностью улучшать процесс производства, но также и присущим ей гибким набором правомочий по ее использованию и распоряжению. Сущность лицензионного договора, состоящая как в возможности использовать содержание объекта несколькими субъектами одновременно без передачи права собственности, так и в возможности частично распоряжаться объектом в виде передачи права использования следующей ступени субъектов (сублицензия), – красноречивое свидетельство справедливости применения институционального подхода к проблеме собственности.

Выдвижение на первый план правовых аспектов процесса обмена, функционирование рынков материальных и нематериальных продуктов делают, на первый взгляд, теорию прав собственности более юридической, нежели экономической. Однако это не так. Действительно, из неoinституциональной теории прав собственности выросла так называемая экономика права; действительно, предметом исследования здесь является взаимодействие между экономической и правовой системами процесса обмена; однако анализ явлений, попадающих в сферу действия данной теории, дается с позиций экономики. Это означает, что логическая последовательность причинно-следственных связей движется от спецификации прав собственности, определяемой экономическим вкладом правообладателей, к экономической выгоде и издержкам, которые распределяются в соответствии со спецификацией прав. И далее: изменение структуры прав собственности влечет изменение отношений, стимулов, а следовательно, и поведения субъектов. "Эта логика – от структуры прав через систему стимулов к поведенческим последствиям – ясно выражена в анализе процессов спецификации/размывания прав собственности"².

Проследим применимость этой схемы для объектов интеллектуальной собственности (ОИС). Для данного вида средств характерно юридическое оформление научно-технического или информационного содержания объекта. Закрепление правомочий осуществляется только на основе документального подтверждения перехода интеллектуального продукта в ОИС. Как правило, "ничьим" ОИС не бывает. Если не указаны конкретные обладатели прав собственности на данный объект и не оговорен объем этих прав, то объект интеллектуальной собственности принадлежит тому субъекту, под юрисдикцией которого он создан. Однако чаще (это больше характерно для развитых стран, но и в Беларуси уже появилась аналогичная практика) права собственности распределяются между двумя субъектами: авторским коллективом (или автором) и субъектом, организующим процесс разработки (если осуществлялось собственное, государственное или целевое внебюджетное финансирование; в двух последних случаях субъект хозяйствования выступает преемником прав, если иное не зафиксировано договором). Дополнительно претендентами на права собственности на ОИС могут выступать сторонние инвесторы и субъекты, организующие процесс создания и использования объекта.

Спецификация прав собственности (их разграничение и документальное закрепление этого разграничения) основывается на экономической оценке вклада каждого претендента на объект. Процесс этот достаточно сложный со всех точек зрения: психологической, юридической и экономической. Нормативных актов, регулирующих этот процесс или оговаривающих "правила игры", нет, за исключением патентного законодательства, да и практики проведения таких операций в Беларуси недостаточно, чтобы можно было обобщить опыт и дать рекомендации. Но, с другой стороны, существующее законодательство не препятствует осуществлению подобных процедур.

Если стоимостная оценка вклада финансирующей стороны не вызывает проблем, оценка вклада организующей стороны — сложнее технически, но методологически понятна, то оценка вклада авторского коллектива затруднена и методологически непосредственно связана с ценностью получаемого результата. Однако сегодня, когда уже разработаны основные подходы к оценке стоимости объектов интеллектуальной собственности, специалисты в состоянии решить эту задачу. В простом случае спецификацию прав собственности можно провести на основании коэффицентного распределения, когда вклад авторов определяется на основании коэффицента, согласованного с ними заранее. Тогда ценность вклада авторов будет выражаться через установленный коэффицент.

Какие экономические отношения стоят за спецификацией прав собственности? В первую очередь — это отношения по поводу распоряжения объектом и его свободного использования. Теория прав собственности подчеркивает, что отношения собственности — это отношения по поводу исключения из доступа к свободному использованию объекта прав. Система ограничений имеет важное значение для ОИС. Новизна, присущая объектам данного вида, имеет принципиально важное значение для развития рынка товаров, использующих это нововведение. Монопольное владение новшеством позволяет его обладателям завоевывать преимущественное положение на рынке традиционных товаров. Временный переход в категорию монополистов на основании использования преимуществ нововведения стимулирует правообладателей ограничивать доступ к существу нововведения, т.е. ограничивать или вовсе отсекают его использование другими субъектами. Следовательно, на начальном этапе вхождения в рынок товара, произведенного с использованием нововведения, просматривается четкое подтверждение логической схемы причинно-следственных связей: спецификация прав собственности (ответы на вопросы: кому и в каком объеме принадлежат права) — система стимулов (приближение к монопольному положению и повышение конкурентоспособности) — поведение на рынке (ограничение доступа к сущности нововведения).

На следующем этапе вступают в действие отношения по поводу распоряжения объектом, что выражается в заключении лицензионных договоров и договоров франчайзинга. И здесь существенную роль играют объемы прав собственности, в соответствии с которыми происходит распространение на рынке каждым из правообладателей, а следовательно, и получение дохода от этого распространения. Мотивация стремления к монополии и доходам, получаемым на ее основе, уступает место мотивации получения доходов от более широкого использования объекта. Поведенческие последствия такой мотивации — заключения лицензионных договоров.

Оба основных этапа продвижения ОИС на рынок имеют общую мотивацию, выражающуюся в стремлении субъектов владеть нововведением: если не полностью, то иметь определенный набор правомочий. Это также касается и научно-технических работников, т.е. тех потенциальных авторов будущих объектов ИС, которые могут дать перечисленные нами преимущества. Следовательно, трехуровневая система причинно-следственных связей имеет общее свойство: стимулировать инновационный процесс.

Существовавшая в советской экономике система поощрения научно-технических работников через авторское вознаграждение за изобретения и рацпредложения не создавала существенных стимулов для развития новаторской мысли. Она играла положительную роль на фоне общего уравнительного принципа оплаты труда, однако серьезных предпосылок для развития инновационного предпринимательства не имела. Государственная собственность на результаты интеллектуального труда блокировала предпринимчивость новаторов. Поэтому главным предпринимателем должно было выступать государство.

Развитие патентного законодательства по пути демократизации прав собственности на изобретения, промышленные образцы, полезные модели и др. открыло возможность юридического закрепления частного права на

эти объекты и стимулирования инновационного процесса. В настоящий момент доля патентов, получаемых частными физическими лицами, почти сравнялась с долей государственных предприятий: 36% всех патентов приходится на государственные предприятия, 30 – на физические лица, 20 – на вузы, 10% – на предпринимательские структуры. Получил развитие институт лицензионных соглашений: за период с августа 1993 по май 1998 г. заключено 409 лицензионных договоров и договоров об уступке прав, из которых на долю лицензий приходится почти 55%.

Все перечисленные данные свидетельствуют о становлении рыночных отношений в интеллектуальной сфере, когда объектом рынка прямо или опосредованно выступает интеллектуальный продукт. Причем оба процесса: патентная защита результатов интеллектуального труда и лицензирование как рыночная реализация интеллектуального товара – непосредственно связаны с вопросами определения объема и содержания прав собственности на ОИС. Зафиксированное юридическое преимущество патентообладателя не означает владения полным набором прав собственности на запатентованный объект. Система контрактов и договоров, предусматривающих распределение возможностей использования и распоряжения объектом основных участников инновационного процесса, дающая право на соответствующую долю дохода, создает возможность реализации на практике принципа разграничения прав собственности для стимулирования инновационного процесса. Это в равной мере относится к ситуации введения в хозяйственный оборот так называемых служебных изобретений, когда патентообладателем является юридическое лицо, и к ситуации, когда физическое лицо становится патентообладателем объекта, полученного им в результате выполнения служебных обязанностей. Стремление разработчиков получить преимущественные права на результат собственной мысли психологически вполне понятно и оправдано. Более того, идеологической основой теории прав собственности является индивидуализм, присущий каждому субъекту, вступающему в экономические отношения в процессе производства (в данном случае – производства интеллектуального продукта) и стремящемуся максимизировать не столько общий результат коллективных усилий, сколько свой личный результат как часть общего.

Разработать законодательный акт, который обязывал бы участников инновационного процесса соблюдать справедливость и не ущемлять интересы обеих сторон, невозможно. Стимулирование инновационной деятельности достигает результата только в случае предоставления возможности каждому участнику реализовать свои права на созданный объект в соответствии с вкладом, внесенным в его создание.

Игнорирование необходимости распределения прав собственности на интеллектуальный продукт приводит к потере интеллектуального потенциала через "утечку" наиболее интересных разработок нелегальным путем за пределы республики. Отсутствие стимулов для сохранения научно-технического задела и его приумножения в виде возможности получить свою "долю" от реализации изобретения законным путем заставляет разработчиков искать возможность реализовать эти стимулы незаконным путем. Несанкционированное собственником использование ОИС может быть пресечено в судебном порядке, однако когда это произойдет, рынок уже будет обеспечен данным интеллектуальным продуктом и товарами, произведенными на основе его использования.

Следовательно, регулирование отношений собственности на интеллектуальный продукт является существенным фактором в становлении рыночных отношений в интеллектуальной сфере. Регулирование этих отношений может осуществляться различными путями. Во-первых, это нормативная база, узаконивающая договорную основу распределения прав собственности. Во-вторых, грамотное оформление этого распределения в юридических документах (договорах, контрактах, соглашениях и др.) В-третьих, возмещение убытков, причиненных незаконным использованием ОИС, через суд.

Немаловажную роль в развитии стимулирования инновационной деятельности путем регулирования отношений собственности на ОИС должен сыграть психологический фактор, который невозможно учесть в законодательстве. Этот фактор обусловлен психологией как руководителей, так и исполнителей, когда первые не считают нужным "делиться" правами и доходами с исполнителями, полагая, что их заработная плата и авторское вознаграждение являются компенсацией за интеллектуальный вклад, исполнители же не считают возможным отстоять свои права на продукт собственного интеллекта.

Развитые рыночные отношения в научно-инновационной сфере, безусловно, расставили бы правильные акценты, стимулируя тем самым инновационный процесс. Но для их развития необходим весьма существенный шаг – формирование цивилизованных отношений собственности на рынке интеллектуального продукта.

¹ Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М., 1990. С.90.

² Там же.

В.Л.КЛЮНЯ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СУЩНОСТЬ, ФАКТОРЫ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Сущность продовольственной безопасности можно определить как такое состояние развития АПК, при котором достигается самообеспечение продуктами питания, удовлетворение потребностей населения страны за счет собственных ресурсов в соответствии с платежеспособным спросом.

Иными словами, продовольственная безопасность – это совокупность внутренних и внешних условий, благоприятствующих (или припятствующих) эффективному динамичному росту АПК и национальной экономики в целом, их способности удовлетворять потребности, обеспечивать конкурентоспособность на внешних рынках, гарантирующую от различного рода угроз и потерь. Сущность продовольственной безопасности реализуется в системе критериев и показателей. Сюда можно отнести оценки: ресурсного потенциала АПК и возможностей его развития; уровня эффективности использования ресурсов в АПК; конкурентоспособности выпускаемой продукции; сохранения или утраты позиций на мировом рынке; зависимости внутреннего рынка продовольствия от импорта и т.д.

Для продовольственной безопасности важное значение имеют не сами показатели, а их пороговые значения, т.е. предельные величины, несоблюдение которых препятствует нормальному развитию воспроизводства в АПК. При этом наивысшая степень безопасности достигается в том случае, когда весь комплекс показателей находится в пределах допустимых границ своих пороговых значений, а пороговые значения одного показателя достигаются не в ущерб другим¹. Для определения таких пороговых значений важно проанализировать основные условия функционирования АПК как системы, выделить в ней наиболее важные показатели, характеризующие эти условия, а также определить пути предотвращения угрозы безопасности и поддержания стабильности.

В этой связи сущностная характеристика продовольственной безопасности дополняется концепцией риска, включающей в себя два важнейших элемента: оценку риска и управление риском. Первый элемент носит экспертный, вероятностный характер в силу действия объективных факторов и субъективных хозяйственных решений, обуславливающих неопределенность многих последствий. И хотя переживающий кризис АПК республики и обладает определенной внутренней устойчивостью, однако сегодня многие факторы способны создавать в нем критическую ситуацию. Во втором слу-

чае необходимо предвидение критических социально-экономических ситуаций для ослабления и смягчения их последствий. Другими словами, кроме оценки вероятности появления определенной критической ситуации, необходима и оценка потерь или ущерба, сопровождающих ее возникновение. Поэтому оценка уровня продовольственной безопасности наряду с анализом факторов риска должна предполагать также различные категории потерь или ущерба – фактические, ожидаемые, потенциальные, компенсируемые и некомпенсируемые².

В зависимости от характера возникающих потерь и ресурсов, необходимых для их возмещения, негативные последствия факторов риска и связанных с их действием критических социально-экономических ситуаций проявляются на макро- и микроуровнях, на различных структурных разрезах АПК, в его отдельных сферах.

Особенностью современного этапа развития АПК страны является прослеживание критических ситуаций если не на всех, то на большинстве его уровней. Непосредственную опасность создают внутренние и внешние экономические факторы или угрозы, нарушающие нормальный ход не только воспроизводства в АПК, но и общественного воспроизводства. Эти факторы весьма многообразны и имеют разную степень остроты. По нашему мнению, наиболее серьезными являются: спад производства в АПК; снижение технико-технологического потенциала АПК и его деиндустриализация; разрыв хозяйственных связей по горизонтали и вертикали между элементами АПК, а также между АПК и народнохозяйственным комплексом; ослабление и даже потеря межгосударственных связей по вывозу и ввозу продукции АПК республики; рост импорта продовольственной продукции; снижение потребления продуктов питания.

Обобщение всех факторов продовольственной безопасности показывает, что они охватывают важнейшие элементы АПК и затрагивают фундаментальные основы жизнеобеспечения человека. А поскольку АПК как система представляет собой целостную совокупность взаимосвязанных элементов, постольку обеспечение ее развития является главным требованием продовольственной безопасности страны. Думается, что именно рассмотрение АПК как макроэкономической системы позволяет наиболее обоснованно говорить о развитии, а не о выживании. В определенном смысле проблема выживания характерна для отдельных элементов АПК республики. Однако на макроэкономическом уровне речь может идти о развитии АПК как системы, его ресурсного потенциала, связей и пропорций между структурными элементами, их взаимодействия.

Основу государственной стратегии продовольственной и в целом экономической и национальной безопасности страны должна составить идеология развития АПК республики. Она должна отразиться в государственной программе "Продовольственная безопасность Республики Беларусь на основе развития агропромышленного комплекса" и учитывать стратегические приоритеты, национальные интересы. Эта проблема приобретает особую актуальность в условиях углубления процессов интернационализации и политизации внешнеэкономических связей. Поэтому целями программы должны стать увеличение ресурсов продовольствия и сельскохозяйственного сырья, повышение степени самообеспечения страны продовольствием с учетом национальной безопасности и конкурентоспособности продукции, АПК на внутреннем и мировом рынках.

Продовольственная безопасность страны должна рационально сочетать уровни самообеспеченности и импорта, политику международного сотрудничества и создания внутренних условий, гарантирующих обеспечение продовольствием населения страны. Гарантией обеспечения продовольствием за счет внутренних ресурсов считается компенсационный потенциал как категория, характеризующая общую способность АПК страны реагировать на критические ситуации, предупреждать и преодолевать их, восста-

навливать стабильность и устойчивость процессов продовольственного обеспечения при возникновении их нарушений.

Основной задачей АПК как системы является обеспечение устойчивого и стабильного развития его основной подсистемы, в качестве которой выступает продовольственный комплекс. И хотя АПК и продовольственный комплекс не совпадают по некоторым параметрам, однако их основную базу образуют отрасли растениеводства и животноводства, являющиеся главным источником продовольственного обеспечения.

Эти основополагающие моменты необходимо учитывать при проведении государственной продовольственной политики в Беларуси. Целью такой политики является продовольственное обеспечение уровня потребления населения страны, соответствующего научно обоснованным нормам. Продовольственная политика должна включать совокупность различных мер, охватывать все фазы воспроизводственного процесса, обеспечивающего удовлетворение населения в продуктах питания. Она должна учитывать обеспечение оптимальной структуры потребляемых продуктов питания не только по их объему и ценам, но и с позиций всего народнохозяйственного комплекса (закупочных и оптовых цен, политики заработной платы, политики цен на другие товары и т.д.), включая потенциал отдельных сфер продовольственного комплекса.

Продовольственная политика как органическая составная часть общей экономической политики государства должна быть направлена и на образование своего рода компенсационных ресурсов или страхового, резервного, запаса с учетом прогнозируемых фактических потерь или ущерба. В качестве такого компенсационного ресурса выступает продовольственный фонд. Продовольственный фонд как экономическая категория представляет собой систему экономических отношений между производителями и потребителями, социальными группами и слоями населения по поводу производства, распределения, обмена и потребления продуктов питания в соответствии с потребностями и платежеспособным спросом.

Для развития современного агропромышленного производства огромное значение имеет включение страны в мирохозяйственное пространство. В условиях открытой экономики важным фактором продовольственной безопасности является высокая конкурентоспособность производимой АПК республики продукции, позволяющая поставлять ее на мировые рынки. Конкурентоспособность агропромышленного производства должна содействовать не только развитию экспорта, но и успешному соперничеству с иностранными производителями на внутреннем рынке. В то же время международная конкуренция является мощным фактором научно-технического прогресса в АПК страны, ибо требует постоянного обновления выпускаемой продукции, повышения ее качества и снижения издержек производства на базе современной индустриальной технологии.

Обеспечение продовольственной безопасности Беларуси должно основываться на приоритетном развитии отдельных видов агропромышленного производства, которые заслуживают поддержки с учетом поставок их продукции на экспорт и требуют своевременной защиты на внутреннем рынке. Если в области внутренней продовольственной политики эти производства должны поощряться соответствующей налоговой, кредитной, финансовой и ценовой политикой, субсидиями, то в сфере мирохозяйственных связей их следует защитить с помощью таможенных пошлин, квот и других мер. Несомненно, что импорт сельскохозяйственной продукции должен ограниченными теми продуктами, которые либо вообще не производятся в Беларуси, или производятся в таком незначительном количестве, что их ввоз не может существенно повлиять на отечественное сельское хозяйство, либо выдерживают конкуренцию импортных.

В практической политике все государства исходят из своих интересов и каждое ограждает их по-своему. Например, Япония оградила себя высокими таможенными пошлинами в отношении 22 товарных групп сельскохозяй-

зяйственной продукции, Финляндия – 19, ФРГ – 3, США и Англия – по одной. Кроме того, в Японии шесть товарных групп, в которые входят рис, пшеница, ячмень, голозерный ячмень, масло и обезжиренное порошковое молоко, шелк-сырец, являются объектами только государственной торговли. Другие страны также определяют товарные группы, включающие продукцию ограниченного ввоза. В США сюда относятся молочные продукты, арахис, хлопок и др. В странах ЕЭС на многие продукты установлен очень высокий уровень таможенных сборов. Тонна зерна, например, Финляндии обходится в четыре раза дороже той цены, по которой его предлагают США. Однако финны, высоко ценя свою продовольственную обеспеченность и безопасность, предпочитают возделывать собственную пшеницу³.

Таможенные пошлины должны быть весьма дифференцированы. Они должны поощрять ввоз продовольственных товаров, производство которых в республике экономически невыгодно, и сдерживать ввоз товаров, производство которых в стране может быть эффективным. Обеспечение продовольственной безопасности должно включать защиту отраслей и производств, перспективных для развития АПК страны, его включения в мирохозяйственные связи, постепенной интеграции в мировое хозяйство.

Выбор путей и способов интеграции Беларуси в мировое хозяйство должен исходить из уяснения сегодняшнего положения в мировой экономике и в экономике отдельных стран. Беларусь по ряду важнейших экономических показателей пока отстает от лидирующих стран мира.

Мировой опыт преодоления экономического отставания свидетельствует о целесообразности построения экономики, ориентированной на экспорт. Это положение в полной мере относится и к АПК республики, во всех сферах которого уже сегодня есть достаточно конкурентоспособные виды продукции. Реализация программы "Продовольственная безопасность ..." должна предусматривать такое развитие АПК, чтобы в перспективе Республика Беларусь вносила свой вклад в мировое производство продовольствия. Важно также иметь в виду, что на рынки продовольствия существенное влияние оказывают товарные соглашения и деятельность международных организаций экспортеров. Поэтому следует стремиться к равноправному сотрудничеству с этими структурами.

Анализ современных развивающихся мирохозяйственных тенденций свидетельствует о том, что для обеспечения экономической, в том числе и продовольственной, безопасности Беларусь должна включиться в формирование единого аграрного рынка СНГ и других заинтересованных стран. Мы имеем в виду комплексный подход к внешнеэкономическому сотрудничеству в рамках АПК. Перспективная концепция развития внешнеэкономических связей в системе АПК Республики Беларусь должна охватывать ряд приоритетных направлений, среди которых важнейшими, по нашему мнению, являются: развитие международного научного и производственно-технического сотрудничества; интернационализация производства и капитала; рациональное расширение экспорта и импорта продукции АПК и совершенствование их структуры. В этой связи в концепции следует особое внимание уделить таким формам внешнеэкономических связей, как сотрудничество в разработке и внедрении биотехнологий в земледелие и животноводство, в создании в них международных генетических фондов, получении и использовании безвредных химических и биологических средств защиты растений, животных, создании совместных предприятий и объединений, заключении лицензионных соглашений с зарубежными фирмами и компаниями, в производственной и научно-технической кооперации.

Выводу АПК из кризисного состояния и улучшению экономического положения страны в целом, укреплению ее экономической и продовольственной безопасности могли бы помочь иностранные инвестиции. По нашему мнению, необходимо разрабатывать и осуществлять целенаправленную политику иностранных инвестиций в приоритетные для нас отрасли АПК и

связанные с ним виды производства, включая экономическое стимулирование иностранных инвесторов.

В экспорте нам необходимо ориентироваться на повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной техники, на вывоз готовой продукции и нетрадиционных товаров (грибов, лекарственных, дикорастущих плодов и ягод и т.п.). Во всех случаях внешнеэкономические связи системы АПК Беларуси должны быть направлены на создание наиболее благоприятных условий для развития национального производства продовольствия.

¹ См.: Сенчагов В. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. 1995. №1. С.98.

² Бухвальд Е., Гловацкая Н., Лазуренко С. Макроаспекты экономической безопасности: факторы, критерии и показатели // Вопросы экономики. 1994. №12. С.26.

³ Маркарян С.Б. Аграрный сектор японской экономики: основные проблемы 80-х годов. М., 1990. С.81; Дзюрасов С., Пилиев С. Продовольственная безопасность России // Экономист. 1996. №8. С.29.

С.Т.КЛАК

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИМПЕРАТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Распространение и внедрение в производство новых технологий может быть эффективным только при соответствующем уровне профессиональной компетенции специалистов. В конце XX в. преимущества в конкурентной борьбе между странами и обеспечение темпов экономического роста определяются уровнем образования и объемом накопленных обществом знаний, т.е. интеллектуальным потенциалом.

По мнению американского профессора Э.Денисона, образование представляет собой ведущий в количественном отношении фактор роста объема выпуска продукции на одного работающего. Согласно его расчетам, рост экономики США за период 1929–1982 гг. обязан: на 32% – вовлечению новой рабочей силы, на 14 – росту уровня образования, на 28 – прогрессу в знаниях, на 19 – новым капиталовложениям, на 8 – улучшению структуры производства, на 9% – улучшению организации труда¹.

В современных условиях в промышленно развитых странах специальными законами предусматривается обязательная ориентация на постоянное совершенствование квалификации рабочей силы. Например, во Франции еще в конце 70-х гг. каждая фирма с числом занятых более 10 человек обязывалась тратить на обучение сотрудника не менее 1% фонда заработной платы. В Японии расходы на обучение главы семьи в возрасте 47–53 лет составляют в среднем до 1 млн иен в год, что соответствует примерно 20% дохода этой возрастной группы. При этом затраты на профессиональное обучение из года в год растут. В Швеции расходы на упорядочение рынка труда составляют приблизительно 3% от ВВП страны, в том числе 1/3 ассигнований идет на выплату пособий по безработице, а 2/3 – расходуется на подготовку и переподготовку кадров². В начале 90-х годов в США на образование из федерального бюджета расходовалось 3% и 34,8 – из местных бюджетов³. Американские корпорации тратят на профессиональную подготовку своих работников около 30 млрд дол. в год⁴.

В Беларуси расходы на образование составляли в 1997 г. 6,6% от ВВП против 5,9 в 1993 и 4,4% в 1990 г. Для нашей страны, осуществляющей переход к экономике рыночного типа, ключевым вопросом является не только сохранение, но и динамичное развитие как образования в целом, так и профессионального образования в частности.

В настоящее время система профессионального образования Беларуси находится на распутье. С одной стороны, она остается слаженной системой и поэтому важно не разрушить то положительное, что содержится в ней:

общедоступность, разветвленная структура, независимость уровня получаемого образования от материального благосостояния учащихся, сочетание академического и профессионального образования на всех уровнях, баланс между теорией и практикой, квалифицированные преподавательские кадры.

В условиях демократизации общества, объективной необходимости перехода на качественно новый этап развития экономики возникает острая потребность совершенствования социального статуса членов общества. Исходя из этого, систему профессионального образования следует трансформировать из жестко централизованной в гибкую, открытую и самосовершенствующуюся. Она должна стать способной оперативно реагировать на преобразования в экономическом устройстве общества, отражать изменения в технологии и управлении производством, учитывать как национальные, так и частные интересы работодателей, оказывать образовательные услуги работникам всех возрастов в соответствии с их потребностями и возможностями, гарантировать достижение установленных образовательных стандартов.

В этой связи образовательная система должна быть способной не только вооружать учащихся знаниями, но и, принимая во внимание быстрое обновление последних в настоящее время, формировать у обучаемых как творческий подход к знаниям, потребность в непрерывном самостоятельном овладении ими, так и умения и навыки самообразования в течение всей трудовой деятельности.

Социальный пласт преобразований в процессе системных реформ связан с формированием субъектов рыночной экономики (появление новых социальных секторов и форм хозяйствования, новых видов рынка). Институциональный аспект находит свое проявление в становлении новых экономических институтов (экономико-правовых форм собственности, производства и управления, финансовых институтов) и рыночной инфраструктуры. Новые экономические условия создают основу для развития новых систем и организационных структур управления.

Для прогрессивного развития этих процессов требуются профессионалы во всех сферах национальной экономики. В широком смысле опорой реформирования является составляющий большинство населения средний класс, который можно определить по доходу, обеспечивающему средний уровень потребления. Нашей стране еще предстоит сформировать новый средний класс, который будет прочной и эффективной кадровой опорой экономических преобразований. Его должны составить, прежде всего, большинство интеллигенции, руководители среднего и низшего звена, высококвалифицированные рабочие.

Какие специалисты, в каком количестве и для каких отраслей национального хозяйства потребуются в ближайшей перспективе? В первую очередь это будет зависеть от структурной перестройки экономики и соответственно от развития ее различных секторов. В этой связи должны быть приняты во внимание прежде всего следующие обстоятельства: на какое место на европейском и мировом рынках может претендовать Республика Беларусь, осуществляя структурную перестройку с учетом глобального разделения труда и мировой конкуренции, какие внутринациональные изменения в секторах экономики будут произведены на основе этого, и из чего может складываться будущий экспорт страны.

В Германии, например, уже в течение нескольких лет происходят существенные сокращения сталелитейной индустрии, большие сегменты этого рынка переместились в Азию (Япония, Южная Корея). Также в основном переместилось в Азию производство текстиля. В противоположность этому в ФРГ ожидается масштабное развитие таких новых отраслей услуг, как туризм, организация отдыха и др. Кроме того, увеличивается спрос на профессии в здравоохранении, социальной сфере, охране окружающей среды. Очень высока конкуренция среди абитуриентов за получение специальностей, связанных с коммерцией. Именно здесь спрос на учебные места обычно

превышает предложение. В настоящее время в Германии к коммерческо-управленческой сфере относятся 40 учебных профессий (из 373, признанных государством).

Важным моментом в подготовке специалистов является исследование содержания их деятельности, особенно при наличии таких новых форм организации труда, как малое предприятие, самозанятость и др., а также проектирование дидактических моделей их подготовки.

В настоящее время в развитых странах актуальна организация предприятий по модели так называемых "производственных островов". Каждый из них, являясь автономной единицей, имеет в своем распоряжении необходимые средства производства, выполняет все задачи, связанные с производством конечного продукта, и ответствен за осуществление деятельности своего подразделения. Внутренняя структура каждого "производственного острова" похожа на малое предприятие: 20 сотрудников непосредственно осуществляют работу по планированию и координации своей деятельности. Успех такой организации труда зависит от того, насколько все без исключения члены производственной группы могут закрыть поле деятельности в пределах "острова". Решающее значение здесь имеет профессиональная компетенция специалистов⁵.

Согласно сделанному немецким ведомством труда IAB (г.Нюрнберг) научно обоснованному заключению по прогнозированию изменения квалификационной структуры, к 2010 г. резко сократится доля малоквалифицированного труда, доля же работ средней квалификации в основном сохранится, а доля высококвалифицированного труда достигнет 40% против 28 в 1985 г.⁶

Таким образом, реально защищенным в социальном отношении может быть лишь специалист широкого профиля, осуществляющий многостороннюю деятельность, а не концентрирующий свои усилия на выполнении частичных производственных функций. Это, в свою очередь, обеспечит ему возможность взаимодействия с динамичным рынком труда.

В Германии только в отрасли металлообработки насчитывается более 200 возможностей получить дополнительную специальную квалификацию. Так, электрик может работать на промышленном предприятии электронщиком или специализироваться в монтаже антенн, или переквалифицироваться на продавца электротоваров.

От современного специалиста требуется трудовая мобильность, гибкость, маневренность, способность адаптироваться к переменам, вызванным автоматизацией производства, сменой технологий, а также перестраивать при этом направление, характер и содержание своей работы. Ему должны быть свойственны знание предмета деятельности, навыки предпринимательства, высокая деловая активность. Его собственная задача на предприятии состоит в планировании, контроле, управлении. Он должен обладать способностью самостоятельно анализировать и решать нестандартные социальные и производственные проблемы, быть ответственным за принимаемые решения, давать оценку различным факторам, влияющим на развитие экономических и технологических процессов.

В этой связи в современном обществе, несомненно, возрастает роль экономического образования. В условиях перехода к рынку, создания его инфраструктуры, запуска его механизмов специалисту любого профиля жизненно необходимо экономически грамотно мыслить. Он должен владеть всем арсеналом экономических методов управления, знать законы и механизмы экономического регулирования, иметь необходимую подготовку по информатике и моделированию экономических процессов, знать основы систем технологии.

Однако реформаторская деятельность правительства иногда сталкивается с непониманием, безразличием, старыми представлениями части членов нашего общества об экономике, механизме хозяйствования. Они оказались не готовы к тому, чтобы оперировать современными экономическими знаниями, соответствующим категориальным и методическим аппаратом.

Недооценка роли экономического образования, неудовлетворительная организация занятий, низкий уровень преподавания при подготовке учителей, игнорирование человеческого фактора в экономическом и социальном прогрессе, а также региональных особенностей работы учебных заведений, острый дефицит специальной и методической литературы по экономическому образованию и многие другие причины на протяжении долгих лет сковывали развитие страны, ограничивали реальный творческий потенциал общества, что привело к отрыву педагогической науки и практики от потребностей развития страны, к искажениям в общественных отношениях и в конечном счете не позволило в полной мере использовать экономическую дееспособность общества. Многие трудности выхода экономики страны из кризисного состояния – результат экономической некомпетентности кадров.

Сегодня привычные стереотипы восприятия мира разрушаются, происходит глубокое переосмысление базовых, концептуальных постулатов теории общественного развития. Экономическая наука стран бывшего СССР вырывается из объятий догматизма и схоластики, выходит на путь мировой экономической мысли.

Экономическая образованность специалистов позволяет свободно владеть экономическими понятиями и категориями, понимать сущность экономических явлений и законов, критически оценивать негативные и положительные стороны экономической практики, выявлять принципы и методы рационального хозяйствования, уметь прогнозировать развитие объективных экономических процессов, по-новому воспринимать экономический рост через такие экономические категории, как рынок, конкуренция, предпринимательство, многообразие форм хозяйствования, маркетинг, менеджмент и др. Как справедливо заметил американский экономист Пол Хейне, "экономическая наука позволяет нам лучше понимать то, что мы видим, более последовательно и логично размышлять о широком круге сложных общественных взаимосвязей".

Экономическая культура является именно тем компонентом общей культуры общества, который при ориентации на рыночную экономику наиболее глубоко влияет на общую социокультурную динамику.

Таким образом, в современных условиях от образовательного уровня специалистов, их квалификации, творческого потенциала во многом будут зависеть глубина, динамизм реформ, нацеленных на обеспечение конкурентоспособности отечественной экономики в международном масштабе и достижение экономического процветания страны.

¹ См.: Сажина М.А., Чибриков Г.Г. Основы экономической теории: Учебное пособие для неэкон. спец. вузов. М., 1996. С.214.

² См.: Государственная власть и предприятие: от команды к партнерству. М., 1991. С.120–121.

³ См.: Новикова И.В. Возможен ли экономический рост в Беларуси за счет интеграции с Россией? // Белорусская деловая газета. 1997. 11 сент. С.7.

⁴ См.: Мухаметзянова Г.В. Стратегии реформирования системы среднего профессионального образования. М., 1995. С.126.

⁵ См.: Stahl T., Nyhan B., D'Aloja P. Die lernende Organisation: eine Vision der Entwicklung der Humanressourcen. Bruessel, 1993. S.20.

⁶ См.: Калицкий Э.М. Трансформация профессионального образования в современном обществе. Мн., 1997. С.17.

А.А.РАКОВЕЦ

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОГО МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Денежно-кредитная политика, направленная на изменение количества денег, находящихся в обращении, является действенным средством государственного регулирования экономики. В этой связи цели экономической политики государства соответственно становятся долгосрочными целями

денежно-кредитной политики. Среди этих целей следует выделить: а) достижение полной занятости (по крайней мере сведение безработицы к минимуму), а это значит – обеспечение экономического роста; б) обеспечение стабильности цен и контроль над инфляцией; в) обеспечение активного сальдо платежного баланса при росте его составляющих.

Однако эти цели нередко вступают в определенное противоречие друг с другом. Например, полная занятость способствует росту потребительского спроса, который в свою очередь может вызвать рост инфляции из-за несоответствия предложения спросу; превышение темпов роста импорта над экспортом также может нарушить платежный баланс. В свою очередь снижение спроса правительственными мерами, помогая преодолеть эти трудности, может увеличить безработицу. Следовательно, решение проблем денежно-кредитной политики требует действовать осмотрительно, оптимизировать последствия и в основном придерживаться золотой середины.

Контроль за движением денег осуществляется двумя путями: через цены на деньги – регулирование процентных ставок – и с помощью регулирования общего объема предложения денег, т. е. регулирования эмиссии, объема денежной массы. При этом объективно невозможно контролировать одновременно и цену, и предложение денег: на рынке можно зафиксировать лишь значение одной переменной и предоставить рыночным механизмам определять другую.

Экономический закон обращения денежной массы гласит: общее количество денег, потраченных за определенный период, должно быть равно общей денежной стоимости товаров, приобретенных за этот период. На первый взгляд это кажется очевидным, однако такая посылка является лишь исходной точкой уравнения обмена, выражающего качественную взаимозависимость денежной массы и потребления:

$$M \cdot V = P \cdot Q,$$

где: M – количество денег, V – скорость их обращения, P – общий уровень цен, Q – количество товаров и услуг – реальный национальный продукт. Из уравнения обмена вытекает, что

$$M = (P \cdot Q) : V.$$

Если, например, при стабильном производстве и неизменной скорости обращения денег количество их удвоится, то люди обнаружат, что им не на что потратить половину наличных средств, поэтому они будут конкурировать друг с другом за возможность приобрести больше товара. Для этого они будут использовать единственное средство – предлагать за необходимый товар все больше и больше денег. А это значит, что цены будут повышаться до тех пор, пока не удвоятся, и в результате сложится равновесие в экономике.

Если следовать теории классической школы и предположить, что скорость обращения денег и реальный объем производства имеют тенденцию стремиться к определенному естественному уровню и не зависят от воздействия денег и денежной политики (т.е. рассматриваться как константы), то из приведенного нами равенства вытекает, что изменение уровня цен приводит к пропорциональному изменению номинального количества денег и наоборот.

Уравнение обмена можно выразить и в единицах приращений входящих в него параметров, т. е. в дифференциальной форме:

$$(\Delta M : M) + (\Delta V : V) = (\Delta P : P) + (\Delta Q : Q).$$

Это уравнение показывает, что изменения в проведении денежной политики определяется варьированием темпов прироста количества денег, находящихся в обращении $(\Delta M : M)$, а не изменением их общего количества в обращении. Параметр $(\Delta P : P)$ характеризует годовой темп прироста инфляции, $(\Delta Q : Q)$ – годовые темпы прироста реального объема производства, параметр $(\Delta V : V)$ – ускорение обращения денег за рассматриваемый период.

Если допустить, что только скорость обращения денег не меняется, то из уравнения обмена можно получить следующую формулу определения прироста денежной массы ΔM , %:

$$\Delta M = \Delta P + \Delta Q.$$

Разумеется, нельзя ожидать универсальности от таких упрощений, так как факторы, влияющие на скорость обращения денег, особенно в нашей экономике, не остаются неизменными.

Важнейшим фактором, определяющим скорость обращения денег, является предпочтение ликвидности, т. е. выяснение факта: предпочитает ли население копить деньги или тратить их. Если же оно предпочитает копить, то предпочтение ликвидности повышается, а скорость обращения денег понижается.

Известны три мотива, определяющие склонность к накоплению денег:

-транзакционный (операционный) мотив определяется: а) частотой получения дохода – чем этот период больше, тем больше нужно откладывать денег на текущие расходы; б) уровнем дохода – богатые, тратят небольшую долю дохода на текущие расходы, но в абсолютном значении значительно больше, чем бедные; в) жизненным уровнем, когда спрос на деньги ограничивается размером доходов;

-мотив накопления на непредвиденные расходы, когда деньги откладываются в виде резервов сверх суммы, необходимой для оплаты текущих затрат;

-спекулятивный мотив – выражается в накоплении денег в ожидании выгодных процентных ставок.

Рассмотрение экономической сути данных мотивов позволяет сделать следующие выводы: 1) наличность, определяемая мотивом накопления, будет больше при низкой процентной ставке; 2) увеличение неопределенности на денежном рынке ведет к увеличению наличных денег; 3) чем больше денег хранит население на случай непредвиденных расходов, тем больший процент доходов оно теряет, не вкладывая деньги в прибыльные ценные бумаги.

Транзакционный мотив и мотив накопления определяют спрос на деньги, которые выражают функцию средства обращения. В теории же спекулятивного спроса внимание акцентируется на роли денег в формировании инвестиционного портфеля индивида. Многое в спекулятивном спросе определяется тем, как будут изменяться процентные ставки, а на их изменение оказывают влияние текущие тенденции рынка. Когда доход по другим финансовым активам увеличивается, тогда спрос на деньги падает. С другой стороны, спрос на деньги прямо связан со степенью риска по другим финансовым активам. Считается, что надежные финансовые активы приносят доходы ниже, чем активы, связанные с риском. А самыми надежными активами являются деньги (M_1), которые включают финансовые активы M_0 (наличные деньги) плюс депозиты до востребования (в структуре рублевой денежной массы Республики Беларусь на 01.08.99г. M_0 составляли 33,9%, а денежный агрегат M_1 – 85,0%). Из этого вытекает, что осторожный инвестор будет иметь разнообразный портфель с финансовыми активами M_1 и часть рискованных активов, ибо спрос на деньги зависит от (1) ожидаемых доходов по другим финансовым активам и от (2) степени риска при ожидании доходов по этим активам.

Количество денег, накапливаемых в соответствии с транзакционным мотивом и мотивом накопления, в целом остается постоянным, если постоянна денежная масса в обращении. Рост же денежной массы в обращении свидетельствует о том, что общество становится богаче, а в этом случае люди, как правило, увеличивают свои ликвидные вклады. Большее предпочтение ликвидности приводит к уменьшению скорости обращения денег, так как большее количество денег выводится из обращения на длительный период. Таким образом, в произведении ($M \cdot V$) увеличение M может быть в

некоторой степени скомпенсировано уменьшением V . С другой стороны, накопление денег в спекулятивных целях гораздо менее стабильно: оно зависит от разницы между текущими и ожидаемыми процентными ставками.

В периоды вспышек инфляции предпочтение ликвидности снижается, так как деньги обесцениваются, и люди предпочитают их тратить, приобретая товары и сокращая до минимума вклады. Когда денежные остатки уменьшаются, увеличивается скорость обращения денег (в странах с низкой инфляцией $V = 2:4$, в инфляционной экономике Республики Беларусь V превышает значение 10). Объем совершения сделок с ростом инфляции может несколько сократиться, но он все-таки будет достаточно большим, потому что скорость совершения сделок существенно увеличивается.

Среди факторов, оказывающих влияние на объем денежной массы, следует выделить, с одной стороны, денежную эмиссию, т. е. выпуск бумажных денег в обращение Центральным (Национальным) банком страны (экспансионистская денежная политика) и, с другой стороны, изъятие части денег из обращения (рестриктивная денежная политика). **Это соответственно первое и второе направления денежно-кредитной политики.** При неизменной величине спроса на деньги экспансионистская денежная политика позволяет снижать ставки процента. Это означает, что большее количество денег найдет спрос, т. е. будет востребовано только в том случае, если «издержки» получения денег снижаются.

Через ставку процента экспансионистская денежная политика взаимодействует с рестриктивной денежной политикой, которая кроме ставки процента Национального банка включает операции этого банка на открытом рынке, обязательные нормы резервов, регулирование в зависимости от ставки процента движения валюты из-за границы в страну и за границу.

Таким образом, первоочередная задача денежно-кредитной политики при переходе к рыночной экономике – это поглощение избыточной ликвидности, т. е. избавление от избыточной денежной массы. Мировой банк предлагает несколько подходов к решению проблемы избыточной денежной массы. Среди таких подходов можно выделить:

- конфискацию или замораживание части финансовых активов населения и предприятий. Этот метод применялся в европейских странах после второй мировой войны. Так, во Франции если человек не мог доказать легальность происхождения своих денег, он уплачивал определенный налог (до 50%), а остальные деньги становились легальными;

- продажу основного капитала и ценных бумаг (акций и облигаций) государственных предприятий. Лучшим способом уменьшения ликвидности является приватизация и продажа активов государственных предприятий населению, что требует создания надлежащей инфраструктуры финансового рынка;

- уменьшение реальной стоимости финансовых активов путем повышения цен на деньги. Этот подход был принят в большинстве постсоветских стран и стран Восточной Европы как самый простой и быстрый. Его проблематичность заключается в том, что он приводит к уменьшению народной поддержки рыночных реформ, так как успешное движение к рыночной экономике требует уверенности в том, что частные активы будут неприкосновенными.

Третьим направлением денежно-кредитной политики является повышение эффективности финансово-банковской системы на основе совершенствования организации труда и методик банковских операций, организации управления деятельностью коммерческих банков и взаимодействия их с Национальным банком и субъектами хозяйствования.

Известно, что в упрощенной банковской системе (таковой она является в Беларуси) денежный мультипликатор равен величине, обратной норме обя-

зательных резервов, т. е. денежный мультипликатор $= \frac{1}{RRR}$,

где $RRR = \frac{\text{обязательные резервы}}{\text{обязательства по вкладам}}$.

Из этого вытекает, что банковская система может выпускать деньги на кратную сумму от существующих избыточных резервов. Это максимально возможная экспансия. Обычно она бывает меньше по следующим причинам:

1) **утечка наличных денежных средств** (если предприятия или население, занимающие деньги у банка, берут часть кредита в наличных деньгах, то мультипликаторы будут меньше, потому что часть этих денег будет утекать из системы);

2) **увеличение дополнительных избыточных резервов** (если банки захотят увеличить избыточные резервы, то мультипликатор будет уменьшаться. Например, если банки предпочтут иметь 15% резервов, а не 10%, то способность банковской системы создавать депозиты уменьшится с 10 до 6,7);

3) **готовность занимать и предоставлять ссуды**. Деловые круги могут не брать ссуды в период депрессии из-за высокого риска банкротства большого числа банков, а банки могут предпочитать защищать свои резервы от массового снятия средств со счетов;

4) **разные резервные возможности отдельных банков**. Банки, где резервы небольшие, способствуют росту денежного мультипликатора, крупные банки – его снижению.

Как известно, денежно-кредитная политика в Республике Беларусь проводится при помощи ставок рефинансирования Национального банка Республики Беларусь, минимальных резервных требований, операций на открытом рынке, установления нормативов контроля за банковской деятельностью. Все эти инструменты взаимосвязаны. Так, например, на резервную норму влияет рыночная процентная ставка, учетная ставка, норма обязательных резервов и степень неопределенности, связанная с варьированием притока и оттока денежных средств. Чем выше норма обязательных резервов, тем выше общая резервная норма и тем меньше денежный мультипликатор. Более высокая рыночная процентная ставка не стимулирует избыточных резервов, в то время как более высокая учетная ставка побуждает банки поддерживать крупные избыточные резервы. С повышением же нормы избыточных резервов денежный мультипликатор будет понижаться.

На первый взгляд, все названные инструменты используются в денежно-кредитной политике Республики Беларусь. Однако, например, ГКО из-за отсутствия полноценного рынка ценных бумаг не стали средством покрытия дефицита государственного бюджета или средством частичного покрытия государственных расходов ни количественно, ни качественно. Скорее, из-за относительно высокой доходности ГКО превратились в фактор перераспределения ресурсов между производственным и финансовым секторами экономики. Практика предоставления дешевых кредитов за счет кредитной эмиссии в 1996–1997 гг. привела к тому, что на фоне существенной инфляции официальная ставка рефинансирования Национального банка оказалась ниже объявленной. Таким образом, и этот инструмент регулирования экономики не выполнил предназначенной ему роли.

Практически только минимальные резервные требования выполняют свою регулирующую функцию, влияя на объем кредитных ресурсов коммерческих банков. Манипулируя с резервными требованиями, Национальный банк Республики Беларусь пытается воздействовать на банковскую систему в направлении роста кредитов в инвестиции. Для этого он ввел систему дифференциации минимальных резервных требований в зависимости от структуры кредитного портфеля коммерческих банков. Однако стимулирующей роли этот порядок не выполнил. С июля 1998г. был введен новый порядок обязательного резервирования. Он предусматривает уменьшение суммы привлеченных средств на величину остатка задолженности

по инвестиционным кредитам, выданным за счет собственных и привлеченных средств. Норма обязательного резервирования была установлена в размере 18%, а с 1 августа 1998г. – 16%. Снижение нормы обязательных резервов является в долгосрочном периоде положительным явлением. Однако в краткосрочном периоде оно способствовало дополнительному росту денежной массы и тем самым – активизации инфляционных процессов.

Наряду с этим, как показывают исследования, проблема неплатежей, дебиторская задолженность начинает подменять функцию денег, а кредиторская задолженность – функцию кредита. Если темпы роста задолженности по кредитам в текущую деятельность на 01.01.99г. по сравнению с началом 1998г. составили 351%, то по инвестиционным кредитам – 480%. Доля задолженности по инвестиционным кредитам в общем объеме задолженности по кредитам, выданным экономике за этот период, увеличилась до 45,7%. Вследствие этого Национальный банк, в определенной мере «отстраненный» от своих функций, не может полностью обеспечить намеченной денежно-кредитной политики, поскольку не в состоянии достоверно оценить объемы необходимой денежной массы и кредитования экономики. Таким образом, неплатежи выступают одной из весомых причин снижения эффективности денежно-кредитной политики.

В целом за 1997–1998 г.г. реальные значения процентных ставок по рублевым депозитам и кредитам были отрицательными, что обесценивало находящиеся в банках средства населения и субъектов хозяйствования. Среднегодовая процентная ставка по срочным депозитам в 1998г. по сравнению с 1997г. увеличилась с 37,3 до 39,3% годовых, в том числе населения – с 39,7 до 45,8% годовых. Однако с учетом инфляции реальная величина ежемесячных процентных ставок снизилась с – 1,2% в 1997г. до – 4,8% в 1998г., по депозитам населения – с – 1,1% до – 4,3%. Среднегодовая реальная величина процентной ставки по новым депозитам в СКВ в 1998г. по сравнению с 1997г. повысилась на 1,8 пункта и составила 9% годовых. С другой стороны, кредитные ресурсы вкладывались неэффективно, в основном не в модернизацию производства и не в новые технологии. Поэтому политика инфляционного налога на население не «работала» на воспроизводство. В итоге и население нищает, и реального повышения эффективности производства не наблюдается.

В отличие от рублевых кредитов процентные ставки за инвалютные кредиты являются положительными и более высокими. Соответственно положительными и более высокими являются и ставки процентов по инвалютным депозитам. Это ведет к перекачке рублевых средств в валюту, к долларизации экономики, что способствует оттоку сбережений населения из банковской системы, накоплению валютных средств у населения, которые из-за недоверия банкам не инвестируются в развитие экономики.

В итоге кредитный потенциал населения и субъектов хозяйствования невелик. Уменьшение кредитного потенциала предприятий объясняется низкой, а зачастую и отрицательной реальной рентабельностью, неплатежеспособностью многих предприятий, что снижает возможность использования их прибыли на модернизацию. Например, рентабельность в промышленности в первом полугодии 1999г. составила 18,3%, а рост цен на потребительские товары за этот период – 145%, индекс цен производителей на промышленную продукцию – 208%. Таким образом, основной источник кредитных ресурсов оказался слабым. А поэтому кредитные ресурсы, вопреки классическим положениям, в основном формируются за счет кредитных эмиссий Национального банка Республики Беларусь.

В 1999г. годовая процентная ставка рефинансирования Национального банка увеличилась с 48% в январе, до 90% в августе (для сравнения: в России при более низкой инфляции она за этот период уменьшилась с 60 до 55% годовых). Реальная ставка рефинансирования в январе была отрицательной (- 14,54%) и только в августе стала положительной (1,42). Реальные ставки по кредитам юридическим лицам в национальной валюте по

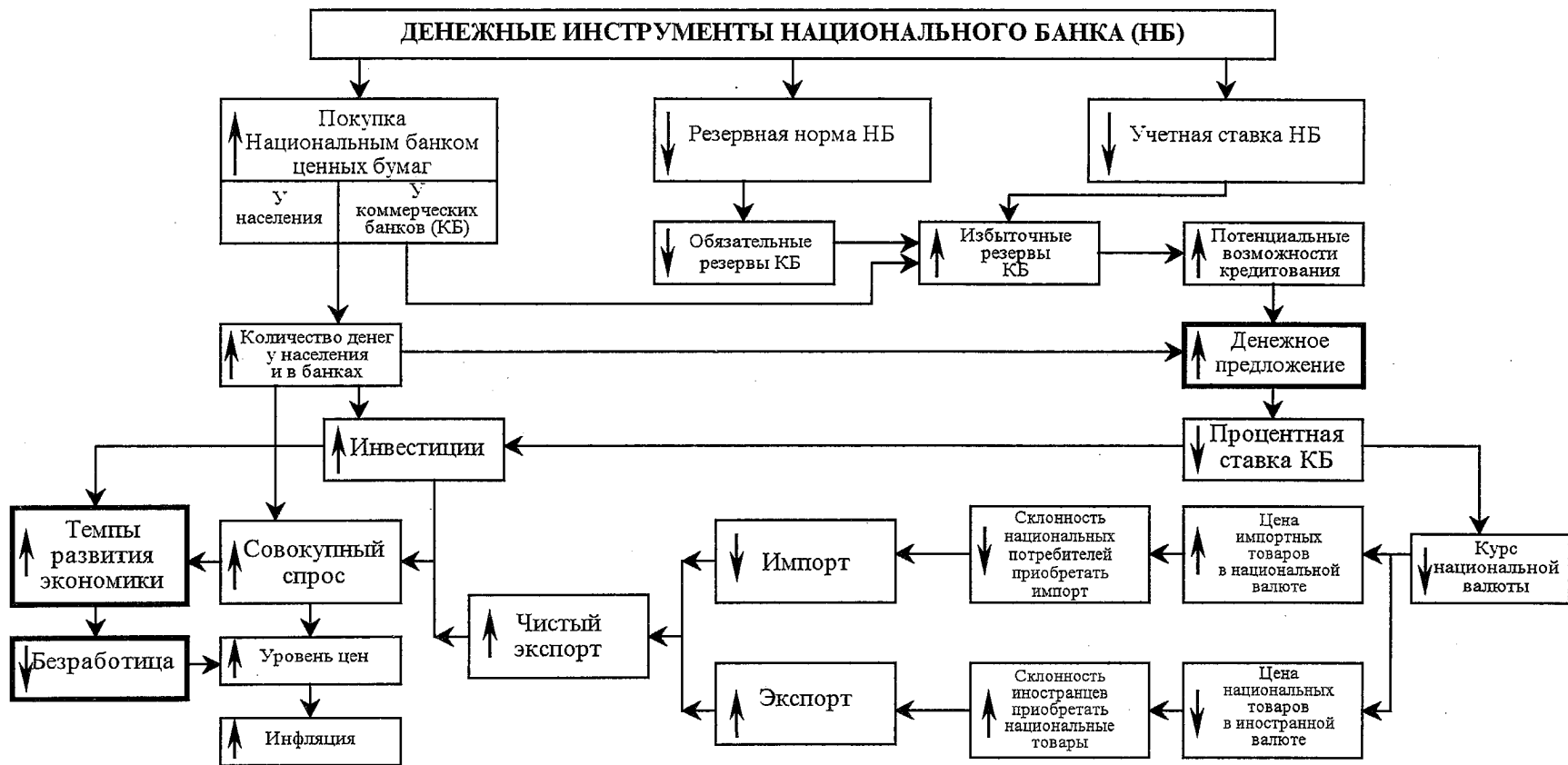

Рис. 1 Денежно-кредитный механизм ускорения темпов развития экономики и сокращения безработицы при неполной загрузке ресурсов

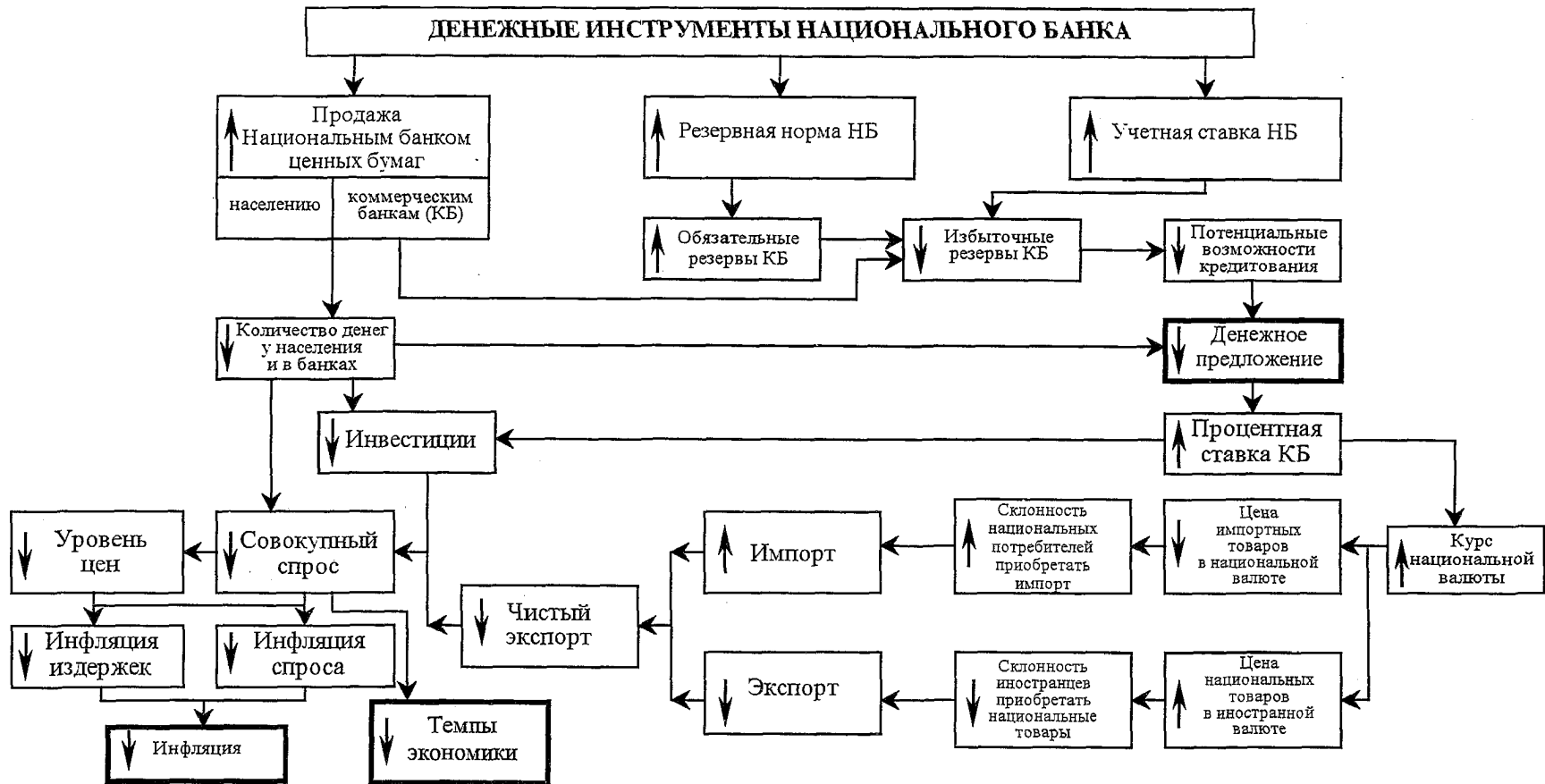

Рис. 2 Денежно-кредитный механизм сокращения инфляции при полной загрузке ресурсов

долгосрочным кредитам в августе 1999г. еще не достигли положительных значений. Исследования показывают, что к организации денежно-кредитной политики Беларуси должен быть применен комплексный подход, который призван оптимизировать два способа регулирования экономики (монетарный и кейнсианский), дополнив их блоком государственно-частного финансирования реального сектора, основанного на эффективном кредитовании проектов. В целях повышения темпов развития экономики и соответственно сокращения безработицы в условиях неполной загрузки ресурсов (что имеет место в настоящее время в отраслях экономики Республики Беларусь) представляется целесообразным **в краткосрочном периоде** использовать механизм более мягкой политики относительно «дешевых» денег. Суть этой политики сводится к увеличению денежного предложения, которое позволит коммерческим банкам осуществить для приоритетных отраслей политику селективного характера, уменьшив процентную ставку и через этот рычаг, с одной стороны, повысить инвестиционную деятельность предприятий, а, с другой стороны, в краткосрочном периоде – в определенной степени снизить курс национальной валюты, увеличить чистый экспорт и в сочетании с другими факторами обеспечить рост совокупного спроса, а в итоге – рост темпов ВВП, увеличение количества рабочих мест в экономике, снижение безработицы (см. рис.1). Однако в долгосрочном периоде политика «дешевых» денег, как правило, вызывает рост инфляции.

В целях же снижения инфляции целесообразно на определенном этапе использовать политику «дорогих» денег, которая уменьшит денежное предложение, но снизит инвестиционную активность предприятий и снизит курс национальной валюты. При этом уменьшится совокупный спрос, что будет сдерживать рост цен, т. е. сдерживать инфляцию (см. рис.2). Одновременно с этим такая политика препятствует развитию производственного сектора, а поэтому она оправдана в условиях перепроизводства. В нашей же экономике применение политики «дорогих» денег зависит от обоснования выбора: что важнее для ее конкретного этапа – обеспечение экономического роста или снижение инфляции?

Таким образом, только путем сочетания жесткой денежно-кредитной политики и селективной протекционистской политики государства по поддержке конкурентоспособных и экспортно-ориентированных производств реального сектора экономики (при гарантии вложения выделенных кредитов в эффективные воспроизводящие инвестиции – главным образом в энерго- и ресурсосберегающие технологии) можно регулировать процессы увеличения ВВП, снижения безработицы и инфляции. Учитывая высокий уровень инфляции в Республике Беларусь, приоритет в предлагаемом сочетании нужно отдать жесткой денежно-кредитной политике. Опыт Восточной Европы подтвердил целесообразность проведения в период реформирования экономики гибкой денежно-кредитной политики. В целом же относительно Беларуси она должна быть сориентирована на достижение конкретных целей с усилением акцентов проведения политики по следующим направлениям:

- первое и постоянно действующее направление – это борьба с инфляцией;
- второе – адаптация банковской и производственной сфер к работе в рыночных условиях, определяемая ориентацией на проведение наиболее эффективных банковских операций и способностью работы банков в изменяющейся среде;
- третье направление – переориентация кредитных потоков прежде всего на цели развития реального сектора экономики.

В этой связи предстоит активизировать направление банковских кредитных ресурсов на обслуживание реального сектора экономики посредством использования дифференцированных норм резервирования, льготного налогообложения прибыли, страхования рисков, формирование соответствующей системы ответственности и гарантий.

Н.А.БАБИЙ

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ЗАДЕРЖАНИЯ ПРЕСТУПНИКА В ПРОЕКТЕ УК РБ

Ныне действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК) определяет только два обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния: необходимую оборону (ст.13 УК) и крайнюю необходимость (ст.14 УК). В Проекте УК РБ регламентация необходимой обороны подверглась изменениям (ст.34 Проекта УК). Одновременно впервые непосредственно в уголовном законе определены условия правомерности причинения вреда преступнику при его задержании (ст.35 Проекта УК). Приветствуя в целом законодательные новеллы, хотелось бы высказать некоторые соображения о возможных путях их совершенствования.

Состоящая из трех частей ст.34 Проекта УК следующим образом регламентирует условия правомерности необходимой обороны.

«1. Каждый гражданин имеет право на защиту от общественно опасного посягательства. Это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

2. Не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

3. Превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть, тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение».

Упоминание в ч.1 ст.34 права всех граждан на защиту является в большей степени прокламацией, нежели правовой регламентацией необходимой обороны. Выдержанное в духе конституционных норм данное положение не уточняет, должны ли граждане сами себя защищать или государство принимает на себя обязанность обеспечить это право и защищать своих граждан от общественно опасных посягательств. Между тем право на необходимую оборону является одним из естественных прав человека, таким же, как и право на жизнь, и потому не требует специального правового оформления. Однако поскольку реализация этого естественного права сопряжена с возможным причинением вреда другим правоохраняемым интересам, именно условия правомерности необходимой обороны должны быть особенно тщательно проработаны в уголовном законодательстве.

Если мы обратимся к содержанию статей Проекта УК, в которых определены иные исключающие преступность деяния обстоятельства, то не найдем в них указаний на всеобщий характер соответствующих прав (кроме

задержания преступника). Почему же тогда исключение сделано для необходимой обороны? Судебной практике не известны случаи ошибок или разночтений в отношении принадлежности права на необходимую оборону любому лицу независимо от его качеств. Нет таких проблем и в восприятии этого института уголовного права населением республики.

Кроме того, почему право на необходимую оборону принадлежит только гражданам, а не всем без исключения лицам? Ведь несомненно, что имелись в виду не только граждане РБ, но и иностранные граждане, и лица без гражданства. Но тогда следовало бы и написать, что каждый человек имеет право на необходимую оборону. Однако представляется, что первое предложение ч.1 ввиду его явной избыточности может быть просто исключено без ущерба для содержания статьи в целом.

Второе предложение ч.1 справедливо включено в рассматриваемую статью, однако оно могло бы быть дополнено указанием на принадлежность права на необходимую оборону всем лицам, независимо от их должностного или служебного положения, а также профессиональной или иной подготовки.

К вопросу о месте рассмотренных положений в статье. Более целесообразным было бы сначала в ч.1 дать определение самого понятия «необходимая оборона», дабы была полная ясность, о чем идет речь, а уж потом объяснять, кто имеет на нее право, т.е. ч.1 ст.34 Проекта УК сделать частью второй.

Определение необходимой обороны, данное в ч.2, является несколько затруднительным для восприятия ввиду его излишней громоздкости. К тому же использованная формулировка не дает ответа на целый ряд вопросов, требующих законодательного закрепления, а не изложения в разъяснениях различных постановлений. Более целесообразным было бы отказаться от стремления дать определение одним предложением и более обстоятельно регламентировать данный институт.

Применительно к изложению в Проекте УК превышения пределов необходимой обороны следует сделать весьма существенное замечание. Касается оно использованного словосочетания: «когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть, тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение».

Дело в том, что слова «без необходимости» и «причинение смерти» в контексте содержания статьи находятся в явном противоречии. Фактически любое посягательство может быть предотвращено путем причинения посягающему тяжких телесных повреждений или путем приведения посягающего в бессознательное состояние. В силу этого смерть всегда будет причиняться «без необходимости».

Безусловно, необходимым является только тот вред, который достаточен для прекращения посягательства. Между тем одна только обстановка осуществления посягательства может дать оправдание причинению вреда значительно более тяжкого, чем тот, который бы соответствовал характеру и степени общественной опасности осуществляемого в данной обстановке посягательства. И если понятия «характер и степень общественной опасности» в значительной мере являются объективными, то понятие «необходимость» носит сугубо субъективный характер, и, следовательно, дает большой простор для разночтений, что неприемлемо для судебной практики. Ведь ценой разночтений в вопросе наличия или отсутствия превышения пределов необходимой обороны является обоснованное или необоснованное привлечение человека к уголовной ответственности. А это вызовет большие опасения граждан в использовании права на защиту с трудно прогнозируемыми последствиями такого использования. Поэтому-то и не следовало бы использовать в столь важном вопросе неопределенное выражение «без необходимости».

Учитывая изложенное, а также достаточно подробную теоретическую разработку рассматриваемого института, полагаем возможным ограничить-

ся изложением содержания статьи о необходимой обороне в следующем виде:

«1. Необходимой обороной является защита от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему. Причинение вреда посягающему допускается при защите интересов самого обороняющегося, иных лиц, государственных или общественных интересов, если посягательство угрожает немедленным причинением им существенного вреда. Право на необходимую оборону существует с момента возникновения реальной угрозы немедленного осуществления посягательства и до полного, очевидного для обороняющегося прекращения посягательства. Обороняющийся вправе причинять посягающему материальный или физический вред, вплоть до лишения жизни, в зависимости от характера и степени общественной опасности, а также обстановки посягательства.

2. Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их должностного или служебного положения, а также профессиональной, специальной или иной подготовки. Это право принадлежит всем лицам независимо от наличия возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

3. Не допускается превышение пределов необходимой обороны. Под превышением пределов необходимой обороны понимается умышленное причинение посягающему вреда, очевидно для обороняющегося чрезмерного, явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности, а также обстановке посягательства».

Статья 35 Проекта УК следующим образом определяет условия правомерности задержания лица, совершившего преступление:

«1. Не является преступлением действие, направленное на задержание лица при совершении или после совершения им преступного деяния в целях передачи задержанного органам власти, если при этом не было допущено превышения мер, необходимых для задержания.

2. Превышением мер, необходимых для задержания, признается умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения, тяжкого телесного повреждения или смерти, явно не соответствующих тяжести совершенного задерживаемым преступного деяния либо явно превышающих тот вред, который был необходим для задержания.

3. Право на задержание лица, совершившего преступное деяние, наряду со специально уполномоченными лицами, имеют также потерпевшие и другие граждане».

Ныне действующий УК не содержит такого исключаящего преступность деяния обстоятельства, как задержание лица, совершившего преступление. К таким случаям применяются положения необходимой обороны, что является, хотя и в положительную сторону направленной, но тем не менее не приемлемой для уголовного права аналогией.

Регламентация условий правомерности причинения вреда преступнику при его задержании требует более тщательного и более взвешенного подхода, чем это имеет место в Проекте. Не пытаясь выяснять разницу между понятиями «преступное деяние» и «преступление», «лицо, совершившее преступное деяние» и «преступник», обратимся к содержательной части статьи.

Дело в том, что право одних граждан на задержание и причинение вреда неизбежно входит в конфликт с правами других граждан на свободу и неприкосновенность личности. При этом могут страдать как права граждан, не причастных к совершению преступления, так и законные права и интересы действительных преступников. Но даже если бы в законе была бы заложена возможность нарушения прав только самих преступников, такой закон все равно не имел бы права на существование. А анализируемая статья напоминает попытку проводить сложные хирургические операции не с помощью скальпеля, а с использованием топора, когда вместе со злокачест-

венной опухолью вырезаются или повреждаются здоровые ткани социального организма.

Прежде всего речь идет о словосочетании «при совершении или после совершения преступного деяния». Столь всеобщий характер права на задержание преступника вызывает определенные замечания. Закон разрешает применять насилие для задержания лица, совершившего любое преступление. И если применительно к таким преступлениям, как убийство или иные, сопряженные с насильственным лишением жизни преступления, данное разрешение не вызывает возражений, то применительно к большинству перечисленных в УК иных преступлений, это разрешение неприемлемо.

Представим себе ситуацию, когда после оглашения приговора (решения, определения или постановления) граждане решили, что судья вынес заведомо неправосудный приговор, чем совершил преступление, предусмотренное ст.173 УК РБ. Граждане нападают на судью для доставки его органам власти, да еще и причиняют ему легкие телесные повреждения (по бои), то превышения здесь все равно не может быть, поскольку минимум превышения – менее тяжкие телесные повреждения. Так что, если к неудовольствию граждан судью не осудят, поскольку его приговор признают «заведомо правосудным», то судье синяки будут долго напоминать о правильности всеобщей борьбы с преступлениями и о ловле преступников.

В УК перечисляется множество неосторожных преступлений и преступлений, хотя и умышленных, но не представляющих большой общественной опасности. Да и преступления одного вида весьма существенно разнятся по степени общественной опасности. Многие преступления могут быть наказаны общественными работами, штрафом, увольнением от должности и иными, не связанными с лишением свободы наказаниями. Подавляющее большинство таких преступников не скрывается от суда и следствия. И если даже государство за совершение определенных преступлений не может лишить человека свободы, то уж тем более не должны иметь такого права протестные граждане. Представляется, что нет необходимости давать право гражданам в указанных случаях «хватать и тащить».

Кроме того, существует множество преступлений, для признания которых таковыми требуются не только специальные правовые познания, но и знание отдельных отраслей науки. И если правоохранительные органы вынуждены обращаться за разъяснениями к экспертам, то как могут рядовые граждане правильно определять, совершено ли «преступное деяние»?

Еще одна проблема связана с правильным установлением субъекта преступления. Если применительно к застигнутым на месте совершения преступления лицам все более-менее ясно, то практически во всех остальных случаях определение истинного преступника весьма затруднительно. Даже потерпевшие и свидетели могут ошибаться. Но представим себе ситуацию с задержанием преступника, который разыскивается на основании фоторобота или, что еще хуже, описания примет, обнародованных в средствах массовой информации. Нетрудно себе представить, сколько человек будут весьма и весьма похожи на описание или на «фото». Что же получится, если граждане начнут активно задерживать и доставлять в органы власти всех подозрительных? А если задерживаемые, обуреваемые праведным гневом на тяжкое оскорбление, начнут активно сопротивляться, а им за это начнут причинять вред, который был необходим для задержания, вплоть до лишения жизни?

Другая ситуация. Виновный в совершении преступления найден с помощью населения после обращения милиции за помощью через телевидение. Его допросили и отпустили под подписку о невыезде. На следующий день граждане опять его задерживают и доставляют в органы. Через день другие граждане проделывают то же самое. И так длительное время...

Далее. В анализируемой редакции статьи заложена возможность задержания преступника, который уже осужден судом и отбывает наказание, не связанное с лишением свободы, либо уже фактически отбывшего наказа-

ние. Такая возможность заключена в словах «после совершения им преступного деяния» без ограничения «после» какими-либо сроками. Однако даже установление таких сроков не улучшит положения, поскольку рядовые граждане совершенно не ориентируются в сроках давности привлечения к уголовной ответственности, сроках давности исполнения обвинительного приговора и т.п. А учитывая постоянные изменения уголовного законодательства, наладить порядок в таком вопросе, как своевременное и обоснованное задержание преступника, практически невозможно.

Таким образом, закон в себе самом содержит реальную возможность грубого нарушения прав и интересов законопослушных граждан, а также, что не менее плохо, возможность нарушения прав и законных интересов преступников. Добавим ко всему сказанному моральные издержки, связанные с «охотой» рядовых граждан за преступниками, и ситуация с правом на задержание преступника в том виде, как это изложено в Проекте УК, окажется не такой уж однозначной.

Все эти проблемы будут сняты, если предоставить гражданам право в изложенных случаях сообщать в органы власти, а органы власти будут профессионально расследовать действительные преступления и задерживать действительных преступников.

Между тем предоставление рядовым гражданам права на задержание преступника и причинение ему вреда при задержании, безусловно, необходимо. Однако такое право должно быть ограничено случаями задержания именно действительных, очевидных преступников, дабы свести к минимуму вред от возможных ошибок. В связи с изложенным указанное право могло бы быть сформулировано в статье «Задержание преступника» следующим образом:

«1. Не является преступлением причинение вреда преступнику при его задержании непосредственно после совершения им преступления в целях передачи задержанного органам власти. Причинение вреда преступнику при его задержании допускается, если иными способами задержать такое лицо не представлялось возможным.

2. Право на задержание преступника имеют в равной мере потерпевшие, свидетели и любые иные лица независимо от их должностного или служебного положения, а также профессиональной, специальной или иной подготовки. Порядок задержания преступников представителями органов власти определяется законом.

3. Не допускается превышение мер, необходимых для задержания. Под превышением мер, необходимых для задержания, понимается умышленное причинение преступнику вреда, очевидно для задерживающего чрезмерного, явно несоответствующего характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым преступления, а также обстановке задержания».

К.Л. ТОМАШЕВСКИЙ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Изменение трудового договора — это достаточно новый правовой подинститут трудового права, включающий в себя нормы о переводах, перемещениях, изменении существенных условий труда и ряд других юридических норм. Хотя правовые нормы о договоре личного найма (трудовом договоре) и процедуре его изменения действуют на Беларуси не одно столетие, но окончательно правовой подинститут «Изменение трудового договора» сформировался только к 1988 г. В этот год были внесены существенные изменения в Основы законодательства о труде СССР и союзных республик, кодексы законов о труде союзных республик, в том числе, и в КЗоТ БССР 1972 г.

(далее – КЗоТ). Так, законом от 26.02.88 г.¹ ст.25 КЗоТ была изложена в новой редакции, а предусмотренный в ней юридический механизм вышел за пределы правового подинститута “Переводы”, вобрав в себя и такие самостоятельные правовые явления, как “перемещение” и “изменение существенных условий труда”. Правда, сам закон переводы, перемещения и изменение существенных условий труда напрямую формами изменения трудового договора не именовал. Термин “изменение трудового договора” к указанным правовым категориям стал применяться вначале в науке трудового права², а впоследствии был использован и в новом Трудовом кодексе Республики Беларусь от 26.07.99 г. (далее – ТК) и в проекте Трудового кодекса Российской Федерации³.

Источниками правового регулирования изменения трудового договора в настоящий момент являются ст.41 Конституции Республики Беларусь, гарантирующая право на труд и свободу труда, статьи 24 – 28 и ряд других положений КЗоТ. Правовые нормы об изменении трудового договора содержатся в других законах Республики Беларусь, декретах и указах Президента Республики Беларусь, иных нормативных правовых актах.

Со вступлением в силу с 1 января 2000 г. нового ТК Беларуси основные правила о переводах, перемещениях и изменении существенных условий труда будут содержаться в отдельной главе кодекса “Изменение трудового договора”.

Действующий КЗоТ не содержит определения категории “изменение трудового договора”, нет такого определения и в новом ТК. Понятие и определение данной правовой категории совсем недавно стало изучаться и разрабатываться наукой трудового права. В советской науке основное внимание уделялось проблемам переводов (Л.Ю. Бугров, Е.А. Голованова, И.Б. Морейн) и командировок (А.М. Быков). Вопросы перемещений, изменений существенных условий труда, отстранения от работы не были глубоко и комплексно исследованы. Такое правовое явление, как изменение трудового договора, вообще стало исследоваться в Беларуси и России только в последнее десятилетие.

К настоящему моменту наука трудового права уже выработала некоторые подходы к их определению, но полного единства мнений ученых в этом вопросе нет. В.И. Кривой рассматривает изменение трудового договора как изменение его условий⁴. На наш взгляд, правильнее говорить об изменении трудового договора при изменении его элементов, т.е. не только условий, но в определенных случаях и сторон. Также нельзя согласиться и с господствующим в науке трудового права подходом об исчерпывающем перечне разновидностей (форм) изменения трудового договора. Так, уже упомянутый В.И. Кривой, перечисляя формы изменения трудового договора (перевод, перемещение, изменение существенных условий труда, отстранение от работы), фактически ограничивает перечень условий, при изменении которых происходит и изменение трудового договора. А.А. Греченков полагает, что изменение трудового договора “происходит в результате **перевода, перемещения и изменения существенных условий труда**”⁵. Аналогичных взглядов придерживается ряд российских ученых⁶. Такой же подход нашел отражение в новом ТК. Полагаем, что со временем законодателю следует расширить понятие “изменение трудового договора”, поскольку в действительности оно выходит за пределы категорий “перевод”, “перемещение” и “изменение существенных условий труда”. Постараемся обосновать такой подход.

Изменение того или иного сложного явления (в нашем случае – трудового договора) как системы взаимосвязанных элементов (стороны и содержание договора) связано прежде всего с изменением самих этих элементов, которые в свою очередь могут рассматриваться как подсистемы.

Рассмотрим, что происходит при изменении субъектного состава (сторон) трудового договора. Очевидно, что одновременная смена обеих сто-

рон в рамках одного трудового договора невозможна, поскольку тогда мы будем иметь дело с прекращением прежнего договора и заключением нового. И даже случайное совпадение всех или некоторых условий (содержания) трудового договора не позволяет квалифицировать эту ситуацию как его изменение. Большой интерес вызывают случаи, когда меняется одна из сторон трудового договора (наниматель или работник). Здесь возможны следующие варианты.

Во-первых, перевод работника к другому нанимателю. Такой перевод в большинстве работ по трудовому праву правильно квалифицируют как прекращение одного трудового правоотношения (договора) и возникновение (заключение) другого⁷. Это объясняется тем, что при переводе к другому нанимателю правовое положение работника в подавляющем числе случаев претерпевает существенные изменения (изменяется трудовая функция, режим работы, система и размер оплаты труда и т.п.). То, что здесь действительно нет изменения трудового договора и трудового правоотношения, а происходит замена прежнего договора новым, видно также из процедуры такого перевода: прекращается прежний трудовой договор по п.5 ст.29 КЗоТ (п.4 ч.2 ст.35 ТК) и заключается новый с указанием в приказе и в трудовой книжке фразы "в порядке перевода". В этой связи возникает вопрос: а зачем вообще вводить такой вид переводов, который по процедуре аналогичен простому переходу на работу от одного нанимателя к другому? Представляется, что необходимость в таком виде переводов есть, поскольку его правовое регулирование предусматривает особые гарантии прав работника в рассматриваемой ситуации (напр., запрещение новому нанимателю отказывать работнику в заключении трудового договора, сохранность непрерывного трудового стажа).

Во-вторых, замена стороны трудового договора – нанимателя – происходит при реорганизации прежнего нанимателя или смене собственника его имущества, хотя этот тезис в литературе иногда ставится под сомнение⁸. По ч. 2 ст.29 КЗоТ (ч.2 ст.36 ТК) в этом случае трудовые отношения с согласия работника продолжают, а при отказе работника от их продолжения по сложившейся практике прекращаются применительно к п.1 ст.33 КЗоТ (по аналогии закона). В новом ТК указанный пробел устранен: трудовой договор в этом случае прекращается по п.5 ст.35 ТК. При этом в реальной жизни при смене собственника, реорганизации нанимателя условия труда и условия трудового договора (кроме места работы) могут оставаться неизменными. Другими словами, в правовом положении работника фактически ничего не меняется или изменяются несущественные условия труда (например, рабочее место). В этом случае происходит не что иное, как изменение трудового договора, так как изменился наниматель и, возможно, некоторые условия трудового договора. Но если в ходе реорганизации, смене собственника произойдет корректировка трудовой функции, различных существенных условий труда, то здесь можно будет вести речь уже не об изменении прежнего трудового договора, а о его расторжении и заключении нового. Вместе с тем для обеих смоделированных ситуаций (и при изменении трудового договора, и в случае его перезаключения) представляется правильным сохранение в новом ТК правила о необходимости получения согласия работника на продолжение работы у претерпевшего изменение нанимателя, поскольку это гарантирует работнику возможность выбора своего поведения (оставаться работать у данного нанимателя или быть уволенным по "льготному" основанию и искать другое место работы).

О замене работника в трудовых правоотношениях с определенным нанимателем можно говорить лишь условно, например, когда увольняется или переводится на другую работу один работник и принимается (переводится) на его место другой. На первый взгляд, здесь происходит простая замена работника в трудовом правоотношении, в то время как наниматель, трудовая функция и существенные условия труда могут остаться неизменными. На самом же деле речь идет о двух трудовых правоотношениях

(двух трудовых договорах). При таком подходе очевидна квалификация рассматриваемой ситуации либо как полной модификации трудового договора (когда соответствующий работник увольняется, а затем вновь принимается на работу), либо как изменение трудового договора (когда осуществляется перевод, выражающийся в изменении трудовой функции или местности выполнения работы у того же нанимателя). Следовательно, в реальности замена одного работника другим в рамках одного трудового договора неосуществима, поскольку существование единого трудового договора, заключаемого нанимателем с несколькими работниками, трудовым законодательством не допускается и противоречит сущности этого индивидуального фидуциарного соглашения.

Таким образом, изменение трудового договора в связи со сменой субъектного состава возможно только при изменении нанимателя в ходе его реорганизации, смене собственника. Переименование нанимателя или изменение его ведомственной подчиненности, как правило, никакого влияния на правовое положение работника и его взаимоотношения с нанимателем не оказывает и не может рассматриваться как изменение трудового договора.

Изменение трудового договора может происходить не только при смене стороны трудового договора – нанимателя, но и в случае *изменения содержания договора (его условий)*.

Теперь важно выяснить: при изменении всех условий происходит изменение трудового договора либо при изменении лишь отдельных из них? На наш взгляд, изменение трудового договора есть изменение любого его условия, когда в трудовом отношении наниматель не меняется. При этом к изменению трудового договора могут быть отнесены, помимо перечисленных, и некоторые другие явления из области трудового права (служебная командировка; замещение временно отсутствующего работника и т.п.). Так, при нахождении в командировке на некоторое время изменяется условие трудового договора о рабочем месте (месте выполнения работы), о режиме рабочего времени; при замещении временно отсутствующего работника на его заместителя возлагаются дополнительные трудовые обязанности. Нормы же, регулирующие вопросы командировок, замещений, следовало бы поместить в главе ТК, посвященной изменению трудового договора.

Рассмотрение проблемы модификаций в содержании индивидуального соглашения о труде может вызвать вопрос: не произойдет ли изменения трудового договора при смене его формы? На этот вопрос однозначно ответить нельзя. Само по себе изменение формы договора (с устной на письменную) еще не означает, что произошло изменение трудового договора, поскольку все его условия могут сохраниться неизменными. Но если изменение формы сопряжено и с корректировкой содержания трудового договора, то происходит изменение или перезаключение самого договора.

С учетом изложенного попытаемся дать научные определения рассматриваемому в данной статье правовому явлению.

Изменение трудового договора как правовое явление – это изменение нанимателя в результате его реорганизации, смены собственника его имущества при неизменности трудовой функции и существенных условий труда работника либо изменение любых условий трудового договора (как существенных, так и несущественных, как необходимых, так и факультативных) при неизменности субъектного состава трудового договора.

Предложенное определение категории “изменение трудового договора” позволяет отграничить такое изменение от замены прежнего трудового договора новым. В практических же целях лучше использовать упрощенную формулировку, которую следует поместить в отдельной статье нового ТК (например, в ст.29-1). В этой же статье ТК необходимо сформулировать правила, являющиеся общими для всех форм изменения трудового договора, а также закрепить некоторые коллизионные нормы данного правового института.

В заключение выскажем некоторые предложения по совершенствованию правового подинститута трудового права "Изменение трудового договора". На наш взгляд, законодателю необходимо:

- сосредоточить все нормы о переводах и иных формах изменения трудового договора (в т.ч. командировках, отстранении) в главе 3 ТК;
- сохранить имеющиеся гарантии прав работников при переводах, изменении существенных условий труда, но предоставить нанимателю возможность более гибко и оперативно изменять несущественные условия трудового договора (в одностороннем порядке);
- закрепить новые нормы о сохранении при переводе стажа работы, о разграничении переводов с другими формами изменения трудового договора, о форме и содержании соглашения сторон трудового договора о переводе;
- позволить сторонам трудовых отношений и судам расширять перечень существенных условий труда.

Высказанные в данной статье предложения пока не восприняты в трудовом праве, но могут быть учтены в ходе дальнейшего совершенствования законодательства о труде.

¹ СЗ БССР. 1988. №7. Ст.108.

² Лившиц Р.З. Изменение трудового договора // Социалистический труд. 1988. №8. С.55-60; Курылева О.С. Судебная практика по вопросам заключения, изменения и прекращения трудового договора. Мн., 1991; Фатуев А.А. Трудовое право в жизни человека. М., 1991.

³ Российская газета. 1999. 28 апреля.

⁴ Кривой В.И. Изменение трудового договора: Практическое пособие. Мн., 1998. С.6.

⁵ Греченков А.А. Трудовой договор: Учебное пособие. Мн., 1997. С.32.

⁶ Лившиц Р.З. Трудовое законодательство: настоящее и будущее. М., 1989. С.42; Ершов В.В., Ершова Е.А. Трудовой договор. М., 1999. С.117.

⁷ Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С.275; Морейн И.Б. Перевод на другую работу. М., 1965. С.17-18.

⁸ Фатуев А.А. Переводы на другую работу внутри предприятий и организаций // Советское государство и право. 1986. №8. С.44.

Актуальныя старонкі мінуўшчыны і сучаснасць (публікацыі і пераклады)

ИЗ АРХИВОВ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Внезапное нападение на СССР немецко-фашистская пропаганда объясняла желанием помочь народам Советского Союза освободиться от большевиков. Стремясь доказать, что якобы народы СССР ждали этой помощи со стороны Германии и хотят вместе с ней установить «новый порядок», немецкие оккупанты приступили к формированию всевозможных националистических частей.

Немалую роль в этом сыграло также и то обстоятельство, что гитлеровцы были вынуждены направить значительные силы на борьбу с партизанами, а также на охрану коммуникаций, складов и других военно-стратегических объектов. Фашисты пытались с помощью националистических формирований силой оружия задушить народное партизанское движение, оградить свои коммуникации от нападений партизан и перебросить часть охранных войск на восточный фронт.

К формированию националистических частей фашисты приступили в начале 1942 г. Первое время оккупационные власти пытались формировать эти части по принципу добровольности, но когда убедились, что добровольно в них идут только некоторые бывшие заключенные, они изменили свою тактику. Сохраняя внешне принцип добровольности, гитлеровцы приступили к проведению таких мероприятий, которые вынуждали часть населения вступать в эти формирования.

В основном личный состав националистических формирований комплектовался из военнопленных красноармейцев, содержавшихся в различных лагерях. В этих лагерях фашисты создавали для пленных нечеловеческие условия существования. Смертность здесь достигала до ста и более человек в сутки. Доведенным до отчаянного состояния военнопленным предлагалось вступать «добровольно» в части, которые, по заявлению оккупантов, должны были бороться с большевиками за установление «нового порядка».

На территории Белоруссии были сформированы следующие националистические части: «Русская народная национальная армия», которая позже стала именоваться «Русская освободительная армия» («РОА»); отдельные «восточные» батальоны «Днепр», «Припять» и «Бережина»; белорусский корпус самообороны; украинские охранные батальоны; литовские, латышские, эстонские полицейские батальоны; Волго-татарский легион; казацкие части; туркестанские легионы и другие. Наряду с ними были созданы отдельные отряды службы охраны порядка («добровольческие отряды») и полицейские гарнизоны, состоящие из активных антисоветских элементов.

Борьба против них велась под руководством Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, возглавлявшегося Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко. Об этом свидетельствует публикуемая нами директива*.

ДИРЕКТИВА О МЕТОДАХ БОРЬБЫ С КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Тов. Калинин

Начальникам штабов
партизанского движения
Секретарям областных
подпольных партийных комитетов

Красная Армия и партизаны нанесли немецким захватчикам крупнейшие поражения, подломившие гитлеровскую военную машину. Лагерь фашистов переживает серьезный военный кризис.

* Документ впервые публикуется без купюр, с исправлением некоторых орфографических ошибок. Научный комментарий и подготовка к печати аспиранта Белорусского государственного университета Ю.В. Зверева.

В ходе войны сорвались все планы гитлеровской Германии по разгрому вооруженных сил Советского Союза. Красная Армия в упорных боях окрепла, превратилась в массовую кадровую армию, выросла в грозную силу для врага. Боевая мощь Красной Армии продолжает неуклонно расти.

Провалились также все замыслы немецких захватчиков подавить военной силой партизанское движение на оккупированных советских территориях. Зверствами, неслыханными злодеяниями, массовыми убийствами и террором немцам не только не удалось поставить на колени советский народ, но, наоборот, это привело к большому обострению освободительной борьбы, принимающей всенародный характер.

В результате понесенных в ходе войны огромных потерь гитлеровцы очутились перед фактом истощения своих людских резервов, в то время как фронт непрерывно требует новых и новых пополнений, а на оккупированной советской территории немцам приходится держать огромное количество войск для борьбы с разветвляющимся всенародным партизанским движением, охраны растянувшихся коммуникаций, подавления сопротивления населения.

Немцы прилагают все силы к тому, чтобы предотвратить военную катастрофу, выйти из критического для них положения с нехваткой людских резервов. Они стремятся ограничить размеры партизанской борьбы, вывести свои кадровые части из-под ударов партизан и заменить их воинскими частями, сформированными из военнопленных и местного населения.

Так как в такие воинские части и различные карательные отряды в добровольном порядке не удастся втянуть советских людей, немцы, опираясь на предателей, пытаются создать антисоветские формирования в порядке мобилизаций, которые они проводят во всех оккупированных районах, загоняют в эти формирования советских граждан жесточайшим режимом террора, страхом голодной смерти. Системой демагогии, шантажа, обмана стремятся сбить часть советских людей и поставить их на службу гитлеровской армии.

При этом немцы формируют отдельные украинские, татарские, казахские, армянские, литовские и другие батальоны и пытаются таким путем разжечь национальную рознь между народами нашей страны.

Прикрывая свои коварные замыслы, гитлеровцы предприняли новый шантаж, объявив о создании так называемой «Русской освободительной армии» и «Русского комитета». Эта затея немецких фашистов направлена на то, чтобы расколоть единство советского народа, находящегося на оккупированной территории, втянуть его в борьбу между собой, направить против партизан и Красной Армии, лишить партизанское движение людских ресурсов, поддержки со стороны населения и отвлечь тем самым партизанские отряды от основной задачи – бить немцев на оккупированной территории и наносить удары по их коммуникациям.

Во главе «добровольческих» формирований немцев поставили генерала-предателя Власова, бывшего командующего 2-й ударной армией, который, забыв Родину и честь, продался немцам и начал служить им.

Предатель Власов в данное время выполняет приказ немецких хозяев – путем обмана, под страхом голодной смерти, насилием, террором собрать побольше людских резервов из числа военнопленных, окруженцев, насильно мобилизованного населения, которые, будучи сформированы в подразделения, вооружены и обучены, могли бы стать дополнительной военной силой для борьбы против партизан и на фронте.

С этой целью Власов применяет излюбленный прием немецкой агитации: создать большим числом митингов и демагогическими выступлениями впечатление о массовости движения и этим самым завлечь в ряды так называемых «добровольцев» побольше простаков из населения. Немцы предоставляют Власову все средства передвижения – автомашины, самолеты, ничем не ограничивают его поведение на оккупированной территории. Штаб «власовцев» находится в Берлине на улице Вильгельмштрассе, дом №35,

там же находятся редакции их газет «Заря» и «Доброволец». В предместье Берлина — Бухенвальде и в г. Бреславле имеются школы по подготовке старшего и среднего комсостава, в этих же школах и специальных группах производится подготовка кадров шпионов и диверсантов для засылки на советскую территорию. В другом предместье Берлина — Дабендорф — имеются курсы пропагандистов частей «власовцев».

Установлено, что личный состав подразделений «власовцев» в своем большинстве прибывает из лагерей военнопленных. Политико-моральное состояние рядового состава неустойчивое, в части «власовцев» большинство завербовались из-за желания вырваться из голодных лагерей военнопленных. Учитывая это, гестапо насадило среди личного состава подразделений густую сеть своей агентуры; так, из опросов перебежчиков известно, что примерно на 10 человек гестапо вербует одного агента.

В частях за проступок одного солдата несет ответственность все подразделение. Установлением круговой поруки немцы связывают людей и достигают установления известной дисциплины. Поэтому подпольные организации и партизанские отряды не должны недооценивать этого вопроса и обязаны шире разворачивать работу по засылке своей агентуры для разложения создаваемых немцами частей и отрядов изнутри с целью перехода их с оружием в руках на сторону партизан. Имеется много примеров перехода на сторону партизан крупных подразделений «власовцев», в том числе и комсостава.

«Власовцы» — это не политическое течение, а мероприятие, целиком, инспирированное гитлеровцами, имеющее цель вызвать гражданскую войну на оккупированной территории Советского Союза. Эту затею фашистских захватчиков и их агентуры население оккупированных районов встретило организованным отпором; скрываясь от проводимых мобилизаций, население массами уходит в леса, в партизанские отряды. Однако создаваемые немцами различные «добровольческие» формирования на оккупированной территории усложняют обстановку в тылу и создают серьезную опасность для партизанского движения.

Партизаны и партизанки, командиры, комиссары партизанских отрядов и бригад, секретари подпольных партийных комитетов, руководители партизанского движения должны видеть эту опасность и вести настойчиво и упорно работу по срыву замыслов немецких оккупантов поставить часть местного населения и военнопленных на службу гитлеровской военной машины.

Центральный штаб партизанского движения требует от руководителей партизанского движения, командиров, комиссаров отрядов и бригад, секретарей подпольных партийных комитетов:

1. Развивать повсеместно партизанскую борьбу в самых разнообразных формах. Надо помнить, что население видит в партизанах свою надежду, спасение от гитлеровских зверств, произвола, мобилизации и угона в рабство в Германию. Следует повсеместно создавать новые партизанские отряды и группы, так как где есть партизанские силы хотя бы в небольшом количестве, но организованные в боевой отряд или группу, там население будет спланиваться вокруг партизан.

Во главе новых партизанских отрядов и боевых групп ставить лучших командиров и комиссаров. Полностью обеспечивать эти группы оружием, чтобы они, став ядрами вновь образуемых отрядов, были в состоянии проводить боевые операции.

Недопустимо, когда командиры и комиссары некоторых отрядов и бригад отталкивают от себя население, укрывающееся от мобилизации и угона в немецкое рабство. Надо понять, что нельзя отговариваться никакими ссылками на нехватку оружия от принятия в действующие или во вновь формируемые отряды местных жителей, которые требуют, чтобы их приняли в партизаны. Отмахнуться от этого — значит предоставить возможность поставить этих жителей на службу гитлеровцам.

Надо активизировать удары партизанских отрядов по немецким штабам, гарнизонам, коммуникациям; срывать военно-хозяйственные мероприятия немцев на временно оккупированной территории; разрушать и уничтожать склады, базы, связь, мосты и другие сооружения, имеющие военное значение; беспощадно уничтожать живую силу противника; обратить особое внимание на истребление высших военно-политических чинов немецкой армии.

2. Максимально усилить развертывание политической работы среди всего населения оккупированной советской территории, ограждать местное население от гитлеровского произвола, разоблачать перед населением демагогическую пропаганду врага, его коварные замыслы, срывать проводимые мобилизации, призывать население к организованному отказу от вступления в формируемые немцами воинские части.

3. Дать задание партизанским отрядам, дислоцирующимся вблизи расположения подразделений «власовцев», приобрести особо проверенную агентуру среди «власовцев», которой поручить принять меры к уничтожению Власова в случае его появления на территории подразделения; надежную агентуру с тем же заданием надо создать в городах Смоленске, Орше, Борисове, Минске, Брянске, Орле, Идрице, Пскове, Порхове, Красногвардейске и других пунктах, где возможно появление Власова и его сообщников.

4. Поручить командованию партизанских бригад вести работу по разложению «власовцев» за переход их на сторону партизан; тщательно проверять перешедших; надежных, способных пойти на самопожертвование в интересах Родины, направлять обратно во «власовские» формирования с заданиями по уничтожению высшего командного состава «власовцев».

Надо твердо помнить, что разложение воинских частей, сформированных немцами из военнопленных и местного населения, тем успешнее будет идти, чем наступательнее будут действовать партизаны. В связи с этим целесообразно разработать и направить оперативные задания для партизанских бригад, действующих в зоне дислокации формирований, рассчитанных на то, чтобы в первую очередь удар наносился по немецким подразделениям и их коммуникациям.

Не давать спуска изменникам и предателям Родины, истреблять их так же, как и немецких оккупантов. Поворачивать на свою сторону всех тех, кто путем обмана, из-за страха голодной смерти или сбившись с правильного пути оказался на службе у немцев. В обращениях к военнопленным и местным людям, находящимся на службе у немцев, широко пропагандировать, что каждый, перешедший на сторону партизан, имеет полную возможность заслужить прощение советского народа, что для этого он должен повернуть оружие против немецких захватчиков.

5. Через партизанские отряды организовывать разведку с целью выявления новых подразделений и частей «власовцев», школ по подготовке комсостава и пропагандистов, порядка комплектования частей, добывать полные установочные данные о комсоставе, родственных связях на неоккупированной территории, политико-моральном состоянии подразделений.

6. Наиболее проверенным агентам из местной полиции, связанным с партизанскими отрядами, дать задание о вступлении в части «власовцев» с целью уничтожения высшего комсостава формирования.

7. Использовать все возможности для внедрения нашей агентуры из числа «власовцев» на руководящие посты созданных немцами формирований с тем, чтобы приблизить их к руководящим кругам «власовцев» и получить возможность ознакомления с замыслами и намерениями немецкого командования и Власова, а при благоприятной обстановке уничтожить самого Власова и других высших чинов.

8. Организацию и проведение всех мероприятий по данному делу возложить на наиболее преданных и толковых людей.

Работу по уничтожению Власова и его сообщников держать в строгой тайне: о ней должен знать только ограниченный круг людей.

9. О всех мероприятиях по данному делу, о новых добытых сведениях немедленно докладывать мне.

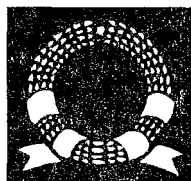
Начальник Центрального Штаба
Партизанского Движения при Ставке Верховного
Главкомандования

Генерал-лейтенант
9 июля 1943 года

подпись П. Пономаренко

¹ Национальный архив Республики Беларусь. Ф.3500, оп.1, ед.хр.1, лл.41-45. Подлинник. Машинопись.

Нашы юбіляры

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ КЛЕВЧЕНЯ

Исполнилось 75 лет со дня рождения видного белорусского ученого и педагога, доктора философских наук, профессора Александра Семеновича Клевчени.

А.С.Клевченя родился в 1924 г. в многодетной семье крестьянина-белоруса в д.Денисовичи на Брестчине (ныне Ганцевичский район). Начальное образование получил в польской школе. В годы Великой Отечественной войны участвовал в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, сначала в антифашистском подполье, а потом в рядах белорусских партизан. С осени 1944 г. находился на действительной службе в Советской Армии. Закончил войну в Японии.

В 1949 г. А.С.Клевченя поступил в Белорусский государственный университет на отделение философии, после окончания которого был рекомендован в аспирантуру. Успешно закончив аспирантуру, был оставлен на кафедре истории философии и логики БГУ для преподавательской деятельности.

Защитив кандидатскую (1959) и докторскую (1970) диссертации, получил последовательно ученые звания доцента и профессора (1972). За время работы в Белорусском государ-

ственном университете А.С.Клевченя вырос в крупного высококвалифицированного специалиста в области истории мировой и национальной философии. Им опубликовано свыше 100 научных работ, в том числе монографии: «Общественно-политические и философские взгляды Адама Мицкевича», «Стефан Руднянский (Из истории марксистско-ленинской мысли в Польше)», «Мировоззрение Владислава Спасовского», «Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше». Под его руководством и при его непосредственном участии были подготовлены учебное пособие «Логика», «Сборник упражнений по логике», выдержавший три издания, ряд коллективных монографий, а также библиографический указатель «Философская наука Советской Беларуси».

В последние годы талант профессора А.С.Клевчени особенно ярко проявился при анализе философских взглядов представителей национальной философии раннего периода (Евфросиньи Полоцкой, Кирилла Туровского, Климента Смолятича). Опубликовано ряд статей по этой теме, подготовлена к печати (к сожалению, остающаяся в рукописи) монография «Кирилл Туровский у истоков белорусской культуры».

За годы работы в университете А.С.Клевченя подготовил и прочитал ряд самостоятельных оригинальных академических курсов и спецкурсов по логике, истории и национальной философии, в том числе курс лекций по истории белорусской философии. Неоднократно приглашался для чтения лекций по истории философии в зарубежные университеты: Варшавский, Ягеллонский (Краков), Камагуэйский (Куба) и др.

Под его руководством защищено 29 кандидатских и 5 докторских диссертаций, из них 4 – по белорусской национальной проблематике. Ученики А.С.Клевчени работают практически во всех вузах республики, многих техникумах и средних школах.

С 1974 по 1987 г. он заведовал университетской кафедрой истории философии и логики. В 1973 г. руководил кафедрой философии ИПК при Белорусском государственном университете. На протяжении многих лет входил в состав редколлегии журнала «Вестник БГУ», являлся членом вузовского специализированного совета по защите докторских диссертаций.

Научная, педагогическая и общественная деятельность А.С.Клевчени отмечена шестью медалями, двумя почетными грамотами Верховного Совета БССР, грамотами Минвузов СССР и БССР, знаком «Отличник народного образования».

А.С.Клевченя ведет активный образ жизни, основу которого составляют умеренность, рационализм, постоянная деятельность, сочетание умственного труда с физическим, что позво-

ляет Александру Семеновичу сохранять удивительную работоспособность, общительность, оптимизм, неугасающий интерес к науке, общим проблемам белорусского общества.

Коллеги и ученики сердечно поздравляют Александра Семеновича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов.

В.Ф.Берков, А.А.Легчилин, В.Ф.Шалькевич

ПЕТР ИВАНОВИЧ БРИГАДИН

Исполнилось 50 лет первому проректору Белорусского государственного университета, ректору Республиканского института высшей школы БГУ, профессору, доктору исторических наук Петру Ивановичу Бригадину.

П.И.Бригадин родился в 1949 г. в деревне Молодово Ивановского района Брестской области в крестьянской семье. После окончания в 1971 г. исторического факультета Белорусского государственного университета служил в Советской Армии.

Дальнейшая судьба П.И.Бригадина, становление его как крупного организатора науки и ученого тесно связаны с Белорусским государственным университетом. С сентября 1973 по 1974 гг. он работал заведующим кабинетом кафедры истории КПСС гуманитарных факультетов, с 1975 по 1977 гг. — аспирант БГУ. После окончания аспирантуры оставлен на кафедре в должности преподавателя. В 1979 г. П.И.Бригадин был избран секретарем комитета комсомола университета, а с 1981 г. работал заведующим отделом пропаганды и культурно-

массовой работы ЦК ЛКСМБ. В 1982 г. Петр Иванович возвращается в родной университет, работает в должности заместителя секретаря парткома. С 1984 по 1988 гг. — инструктор отдела пропаганды и учебных заведений ЦК КПБ.

Призвание к научно-педагогической деятельности оказалось сильнее, чем работа на комсомольских и партийных должностях. Поэтому закономерно, что в 1988 г. П.И.Бригадин назначается проректором по учебной работе БГУ. Работая в этой должности, проявил большие организаторские способности, профессионализм, трудолюбие и научную эрудицию. В 1994 г. П.И.Бригадин был назначен первым проректором университета, а в 1997 г. избран ректором РИВШ БГУ на общественных началах. В 1996 г. П.И.Бригадин успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. В условиях перестройки высшего образования в Республике Беларусь Петр Иванович много внимания уделяет качественным преобразованиям учебной, научной, организационно-методической и воспитательной работы, оказывает практическую помощь факультетам в развитии их материальной базы, совершенствовании работы со студентами, магистрами и аспирантами, в переподготовке научно-педагогических кадров.

Научные труды профессора П.И.Бригадина являются важным вкладом в развитие отечественной истории. Среди них следует выделить монографии: "Эсэры в Беларуси (конец XIX в. — февраль 1917 г.)", "На переломе эпох: становление белорусской государственности (1917–1920 гг.)". Он является одним из авторов и редактором учебно-методических пособий: "Политические партии Беларуси" (1994), "Белорусоведение" (1997), учебного пособия для лицеев, гимназий и школ «История Беларуси» (1996). П.И.Бригадин — редактор многих коллективных научных сборников, в том числе и по проблемам культурологии, ответственный редактор третьей серии научно-теоретического журнала «Веснік БДУ». Для научной концепции Петра Ивановича характерно утверждение универсализма как принципа единого человечества, единого взаимозависимого и взаимосвязанного мира. Им сформирована научная школа по проблемам истории политических партий Беларуси, подготовлено шесть кандидатов наук.

П.И.Бригадин активно участвует в общественной жизни республики, в разработке национальной концепции исторического образования. Является членом коллегии Министерства образования Республики Беларусь, членом комиссии по разработке и внедрению государственных образовательных стандартов. С 1998 г. возглавляет специализированный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций при Белорусском государственном университете.

Содержательная научная и педагогическая деятельность П.И.Бригадина отмечена Почетной грамотой Совета Министров Республики Беларусь, присвоением в 1998 г. звания «Отличник образования Республики Беларусь», а в 1999 г. — «Заслуженный работник образования Республики Беларусь».

Коллеги и друзья знают Петра Ивановича как доброжелательного и отзывчивого человека, желают ему крепкого здоровья, новых творческих успехов на благо нашей Родины.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РЕШЕТНИКОВ

Исполнилось 50 лет заведующему кафедрой политологии Белорусского государственного университета, доктору политических наук, профессору Сергею Васильевичу Решетникову.

С.В.Решетников родился в г.Гродно в семье военнослужащего. Трудовую деятельность начал слесарем Гродненского завода «Торгмаш». В 1972 г. закончил исторический факультет Гродненского педагогического института, а в 1978 г. — аспирантуру Белорусского государственного университета. В 1981 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. В 1995 г. первым в Республике Беларусь защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора политических наук.

Область его научных исследований необычайно широка: политический анализ, административно-государственное управление, политические институты и процессы, методология и методы политических исследований, теория принятия политических решений. Им опубликовано в республике и за рубежом более 10 научных и учебно-методических работ. Среди них три монографии по проблемам политической науки, не-

сколько учебных и справочных пособий по политологии и курсу «Человек и общество», программы курсов по этим дисциплинам.

С.В. Решетников разработал раздел Государственного образовательного стандарта по специальности «Политология» и по предмету «Политология» для высших учебных заведений Республики Беларусь.

За время работы в БГУ профессор С.В. Решетников зарекомендовал себя высококвалифицированным ученым-политологом и опытным педагогом. С 1993 г. Сергей Васильевич возглавляет кафедру политологии БГУ. Он инициатор открытия отделения политологии на юридическом факультете, а также присвоения квалификации «политолог-юрист». Проявляет постоянную заботу о подготовке молодых специалистов-политологов, их профессиональном росте, руководит работой докторантов, аспирантов и магистрантов.

С.В.Решетников возглавляет единственный в республике совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора политических наук, является президентом республиканского общественного объединения «Белорусская академия политических наук», членом ученого совета Института социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь, членом экспертного совета при Государственном комитете по науке и технологиям, членом редколлегии 3-й серии журнала «Веснік БДУ».

Профессор С.В.Решетников вносит большой вклад в развитие и становление национальной политической науки, создание научных политологических школ, а также подготовку профессиональных кадров высшей квалификации для органов государственной власти Республики Беларусь.

За многолетний добросовестный труд, большой личный вклад в становление и развитие национальной политической науки, подготовку высококвалифицированных специалистов-политологов Сергей Васильевич Решетников награжден Почетной грамотой Совета Министров Республики Беларусь, нагрудным знаком «Отличник образования Республики Беларусь».

Сердечно поздравляем Сергея Васильевича с юбилеем и желаем ему доброго здоровья, счастья и успехов на благо Отечества.

Памяці вучонага

СЦЯПАН ЯФІМАВІЧ ЯНЧАНКА

Беларуская эканамічная навукa панесла цяжкую страту.

8 жніўня 1999 г. на 76-м годзе жыцця трагічна загінуў удзельнік Вялікай Айчыннай вайны, заслужаны работнік вышэйшай школы БССР, арганізатар вышэйшай палітэканамічнай адукацыі на Беларусі, доктар эканамічных навук, прафесар Сцяпан Яфімавіч Янчанка.

С.Я.Янчанка нарадзіўся 17 лютага 1924 г. у в.Анціпенкі Дубровенскага раёна Віцебскай вобласці ў беднай сялянскай сям'і. 21 чэрвеня 1941 г. атрымаў дыплом з адзнакай аб заканчэнні Віцебскага педвучылішча і быў накіраваны на пасаду выхавальніка ў Лядзянскі дзіцячы дом.

Семнаццацігадовы педагог С.Я.Янчанка эвакуіраваў дзяцей сваёй групы ў Тамбоўскую вобласць і пасля непрацяглай падрыхтоўкі быў накіраваны Штабам партызанскага руху ў акупіраваную Беларусь. Тут ён працаваў сакратаром Горацкага, а потым Бялыніцкага падпольных райкомаў ЛКСМБ, памочнікам камісара партызанскай брыгады.

У пасляваенныя гады працаваў сакратаром Маргілёўскага, пазней Гомельскага абкома ЛКСМБ, прымаў удзел у калектывізацыі сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі. Скончыў Гомельскі педінстытут, а пасля палыбляў свае веды ў галіне палітычнай эканоміі ў Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК КПСС. Тут у 1954 г. С.Я.Янчанка абараняе кандыдацкую дысертацию і накіроўваецца ў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт імя У.І.Леніна, дзе працуе спачатку дацэнтам, а з 1965 г. загадчыкам кафедры палітычнай эканоміі.

У 1965–1966 навучальным годзе па яго ініцыятыве адкрылася аддзяленне палітычнай эканоміі на юрыдычным факультэце БДУ па падрыхтоўцы палітэканомаў для ВНУ і НДІ Беларусі. З 1975 г. С.Я.Янчанка – доктар эканамічных навук, з 1976 г. – прафесар.

За гады сваёй навукова-педагагічнай дзейнасці С.Я.Янчанка стаў шырокавядомым у СССР і за яго межамі тэарэтыкам пераходных форм вытворчых адносін. Ён сказана новае слова ў вырашэнні праблем дваістага характару працы пры сацыялізме, цэнаўтварэння, падатку з абароту, узнаўлення вытворчасці ва ўмовах пастаяннага зніжэння цэн і інш.

С.Я.Янчанка пакінуў багатую навуковую спадчыну. Ён напісаў больш 70 навуковых прац, у тым ліку 10 манаграфій, падрыхтаваў 19 кандыдатаў навук. Дзякуючы яго клопату, намаганням і бязмернай працы выдадзены трактат беларускага эканаміста першай паловы XVIII стагоддзя С.М.Аскеркі "Сціплы план пераўтварэння пустошаў Брандэнбургскай маркі", прадстаўлены каралю Прусіі Фрыдрыху II, а таксама падрыхтаваны кафедрай "Слоўнік катэгорый эканамічнай тэорыі", які ўключае і катэгорыі часоў Вялікага княства Літоўскага.

Ратныя і працоўныя заслугі С.Я.Янчанкі адзначаны двума ордэнамі, шматлікімі медалямі, трыма ганаровымі граматамі БССР, значком "Выдатнік народнай асветы".

Светлая памяць аб Сцяпану Яфімавічу, цудоўным, нязломным чалавеку, выдатным вучоным і педагогу, назаўсёды захаваецца ў сэрцах тых, хто яго ведаў і меў шчасце працаваць разам з ім.

Г.А.Круглова. **Политология**: Учебное пособие для высших учебных заведений. Мн.: ЗАО «Веды», 1998. 259с.

Рецензируемое пособие выгодно отличается от аналогичных отечественных изданий своей структурой и новыми подходами к изложению материала. Автор различает политологию как науку и учебную дисциплину, рассматривает в самостоятельных разделах динамику политического процесса и политическую деятельность, систему международных отношений и права человека, политику и глобальные проблемы современности. И если учесть, что высшие учебные заведения Беларуси в изучении политологии перешли на более объемные программы, то можно положительно оценить стремление автора расширить тематику учебника. Но в нем был бы не лишним и раздел по внутренней политике. Ведь внешняя политика и международные отношения рассматриваются в пособии достаточно объемно и с предлагаемым разделом работа выглядела бы логически цельной. К достоинствам пособия можно отнести доступное изложение закономерностей политики и политической науки. Ведь многие учебные пособия обходят стороной эту тему, чем порождают дополнительные вопросы к политической науке. Существенно дополненным выглядит также раздел «Основные идейно-политические доктрины и концепции в современном мире». Он включает в себя наряду с традиционной характеристикой либерализма, консерватизма и социал-демократии изложение позиций как правых (фашизм, сионизм), так и многоликих «левых» — анархистов, троцкистов и неомарксистов.

Аргументированно и логически последовательно рассматриваются в рецензируемом издании глобальные проблемы современности в контексте НТР, интеграционных мировых процессов и международного права. Все это дает основание в целом характеризовать учебное пособие Г.А.Кругловой с положительной стороны.

Вместе с тем в разделе «Политика как общественное явление» нечетко изложен процесс формирования на ранних стадиях развития общества политики из отношений изначально неполитических. Представляется также, что при изложении проблем власти

необходимо объяснить причины, заставившие общество разделять власть и искать принципы и формы ее разделения, объяснить, что такое легитимная власть и как ее формировать. Ведь это актуальная не только теоретическая, но и практическая проблема в условиях перехода общества от тоталитарных и авторитарных политических режимов к демократии. Кстати, выделяя тоталитарные, авторитарные, демократические и либеральные политические режимы (С.123), автор дает им емкую характеристику, но либеральный политический режим почему-то не рассматривает вовсе (С.106–112).

Анализируя политическую систему и выделяя ее элементы, автор почему-то не рассматривает политическую культуру и политическое сознание как компоненты этой системы. Но в дальнейшем изложении (С.99,166) и политическое сознание, и политическая культура отнесены автором к компонентам политической системы. Очевидно также, что изложение учебного материала можно было бы оживить анализом положений Конституции Республики Беларусь, реальных процессов социально-политического развития нашей (и не только) страны.

Отмеченные недостатки не снижают общей высокой оценки учебного пособия как для студентов, так и для преподавателей.

Б.Я.Мигас

В.А.Круталевіч, І.А.Юхо. **Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.)**. Мн.: «Беларуская навука», 1998. 237с.

У айчынай юрыспрудэнцыі названыя аўтары вядомы шматлікімі фундаментальнымі даследаваннямі па праблемах гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Не выключэнне і новае даследаванне, якое дапушчана Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь у якасці вучэбнага дапаможніка для студэнтаў юрыдычных і гістарычных спецыяльнасцей вышэйшых навучальных устаноў. У ім на аснове незалежнай канцэпцыі беларускай гісторыка-прававой навукі, вывучэння вялікага масіву нарматыўных актаў, афіцыйных дакументаў і новага фактычнага матэрыялу з дастатковай

паўнотай і паслядоўнасцю, цікава і даступна, у адпаведнасці з вучэбнай праграмай асвятляюцца пытанні дзяржаўна-прававога будаўніцтва ў першыя дзесяцігоддзі Савецкай улады, якія адрозніваюцца выключным драматызмам гістарычнага працэсу.

Як можна здагадацца з тэксту, аўтары дапаможніка былі заклапочаны тым, каб у студэнтаў склалася цэльнае і правільнае ўяўленне аб такіх ключавых момантах гістарычнага этапу, як абвяшчэнне беларускай дзяржаўнасці, фарміраванне дзяржаўнай тэрыторыі, адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення, сістэмы мясцовых і цэнтральных органаў дзяржаўнай улады і кіравання, развіцця Канстытуцыі і галін права, прававое палажэнне БССР у складзе Саюза ССР і інш. Разлічваючы пастаўленыя задачы, аўтары не маглі не сустрэцца са значнымі цяжкасцямі; перш за ўсё – з адсутнасцю манаграфічных разробак па многіх пытаннях гісторыі дзяржавы і права 1917–1945 гг. Ідэалагічныя забароны, узаконеныя стэрыатыпы, жорсткія партыйныя ўстаноўкі сковівалі творчую думку. К гэтаму трэба дадаць і засякрэчанасць многіх матэрыялаў у архівах. Цяжкасць стварэння дапаможніка заключалася і ў тым, што асвятляемы ў ім перыяд гісторыі вельмі насычаны падзеямі: рэвалюцыя, грамадзянская вайна, нэп, калектывізацыя, сталінскае бяспраў'е, уз'яднанне з Заходняй Беларуссю, нарэшце – Вялікая Айчынная вайна.

Змест дапаможніка, структураваны па шматлікіх параграфам, дазваляе чытачу бачыць пэўную падзею ў сістэме агульнага гістарычнага працэсу, у гістарычнай абумоўленасці. Абапіраючыся на новыя даныя, аўтары аб'ектыўна і дакладна аналізуюць і асвятля-

юць многія спрэчныя навуковыя пытанні, напрыклад сацыяльна-эканамічнае і дзяржаўна-прававое развіццё Беларусі ў складзе Саюза ССР, палітыку нацыянальнага адраджэння. Адметнай вартасцю дапаможніка з'яўляецца глыбокі юрыдычны аналіз канстытуцыйных і галіновых заканадаўчых актаў па важнейшых пытаннях савецкага будаўніцтва: Канстытуцый БССР 1919, 1927 і 1937 гг., агульна-саюзных Асноўных законаў – 1924 і 1936 гг., адпаведных агульнасаюзных Асноў. Але трэба прызнаць, што не ўсе пытанні гісторыі дзяржавы і права асветлены аднолькава глыбока, з паслядоўнасцю і дакладнасцю. Выкладанне асобных пытанняў схематычнае і канспектыўнае. Пагэзтаму ў кнізе вельмі бегла выкладаецца гісторыя развіцця судовых і праваахоўных органаў, нацыянальных камер народнага суда і некаторыя іншыя, але рэцэнзент разумее, што аўтары былі звязаны аб'ёмам і прызначэннем дапаможніка.

Увогуле новы дапаможнік – сур'ёзны крок на цяжкім шляху стварэння дабраякасных паўнацэнных вучэбных кніг па гісторыі і праву нашай Рэспублікі. Ён напісаны добрай літаратурнай мовай, яго адрозніваюць яснасць выкладання, храналагічная паслядоўнасць, аб'ектыўнасць у інтэрпрэтацыі фактаў і фармулёўкі высноў. Гэтую кнігу са здавальненнем і карысцю прачытае любы зацікаўлены чытач, але галоўнае яе прызначэнне – дапамагчы студэнтам юрыдычных і іншых навучальных устаноў у вывучэнні агульнай тэорыі дзяржавы і права і галіновых дысцыплін. З гэтымі задачамі аўтары паспяхова справіліся.

І.І.Марціновіч